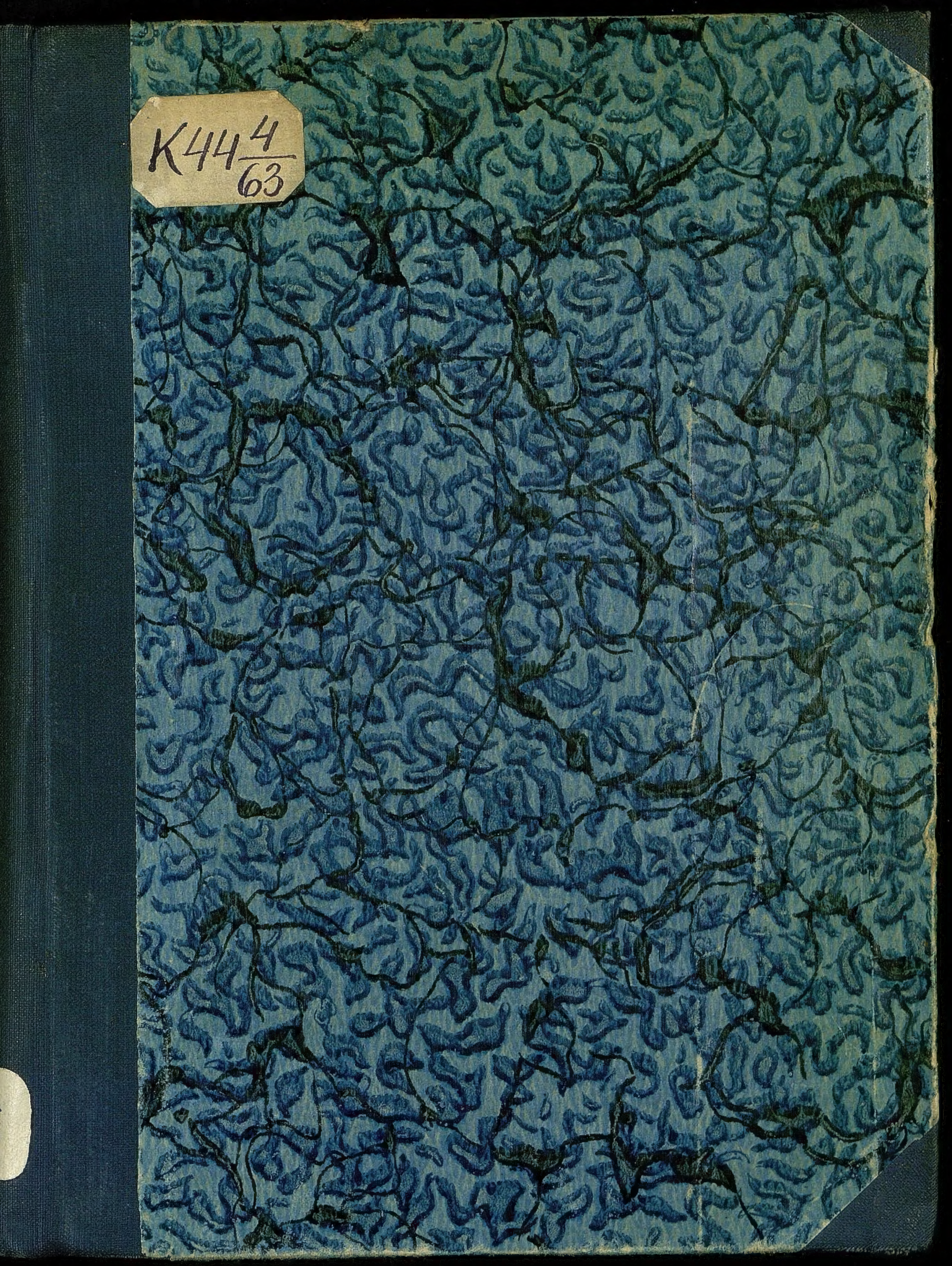
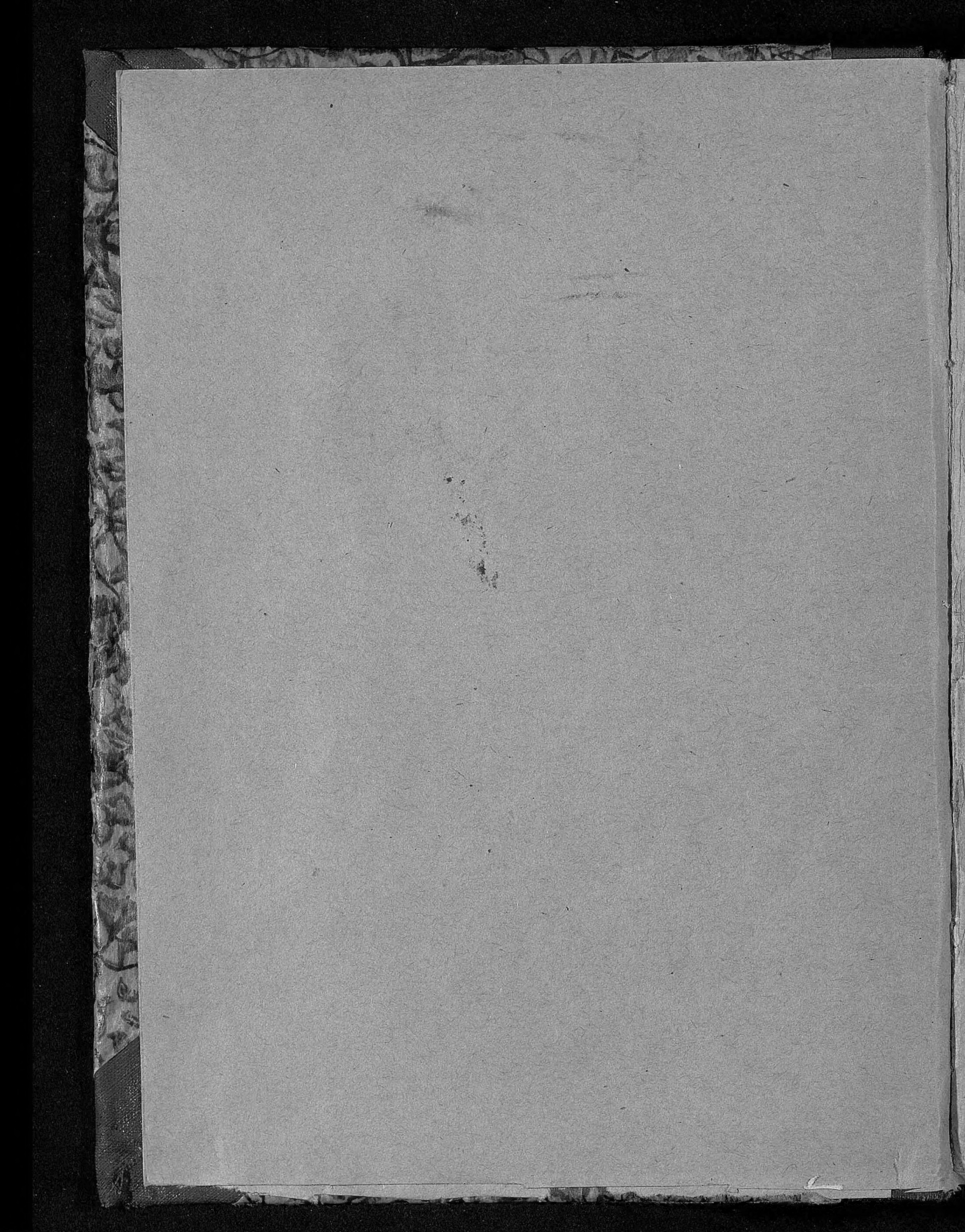

К44 4/63

СБОРНИКЪ
ЛУКОМОРЬЕ

ВОЕННЫЕ РАЗСКАЗЫ

ПЕТРОГРАДЪ
1915

 Тип. Т-ва А. С. Суворина—«Новое Время», Эртелевъ, 13

СОДЕРЖАНІЕ.

СТРАН.

Ю. Слёзкинъ — Бабися 3

Б. Лазаревскій — Мое сердце 51

С. Городецкій — Галицкіе князья 117

Ѳ. Сологубъ — Остріе меча 123

Н. Олигеръ — Фаликонъ 219

М. Кузминъ — Обыкновенное семейство 313

БАБИСЯ

ЮРІЙ СЛЁЗКИНЪ

БАБИСЯ.

I.

Это была маленькая, сморщенная старушка съ лицомъ всегда недовольнымъ или страдающимъ, съ лицомъ человѣка непрестанно занятаго своими болями, своимъ несчастьемъ. На сорокъ шестомъ году она — бодрая, подвижная, хлопотливая женщина — лишилась ногъ и больше уже не вставала со своихъ креселъ, которыя стали отнынѣ ея успокоеніемъ и проклятіемъ. Это несчастье свалилось на нее сейчасъ же вслѣдъ за другимъ несчастьемъ, разбившимъ ея сердце — умерла любимая дочь отъ родовъ, оставивъ на рукахъ матери мальчика и дѣвочку — стоившую ей жизни. Какими-то странными, никому непонятными путями, старуха пришла къ мысли, что и въ ея болѣзни повинна эта крошка, и хотя и окружила ее необходимыми заботами, но все же относилась къ ней какъ-то холодно, подозрительно. Она почти не отпускала дѣвочку отъ себя, непрестанно досаждая ей своими жалобами, стонами, попреками. Старуха не могла безъ нея обойтись. Она нужна была ей, какъ лекарство, какъ вознагражденіе за вынужденное бездѣйствіе, которое бѣсило ее.

1*

Ей казалось, что съ тѣхъ поръ, какъ она лишилась ногъ, все пошло не такъ, какъ должно въ ея «Побержьѣ», гдѣ на всемъ еще лежалъ отпечатокъ ея неустанныхъ заботъ.

Внука она обожала; онъ казался ей олицетвореніемъ мужской красоты, человѣческаго совершенства. Все, что дѣлалъ онъ — не подлежало критикѣ. Она не разъ съ гордостью повторяла, что онъ унаслѣдовалъ ея способности и что не зря заставила она его сейчасъ же по окончаніи университета заняться имѣніемъ.

Она забывала добавить, что всегдашней тайной мыслью ея было не разставаться съ нимъ. Нѣтъ, нѣтъ, конечно это былъ не эгоизмъ, а тонкое чутье умной любящей женщины. И, кажется, Петя нисколько въ этомъ не сомнѣвался.

Онъ, собственно, ничего не имѣлъ противъ того, чтобы сидѣть безвыѣздно въ деревнѣ.

Онъ очень легко поддавался внушенію. И сидѣлъ за хозяйскими счетами такъ же, какъ сидѣлъ бы за какими-нибудь бумагами въ министерствѣ — безъ отвращенія, но и безъ удовольствія, почти безразлично.

У него было небольшое пріятное лицо съ русой бородкой и мягкими усами, большіе глаза, всегда широко раскрытые, печально смотрѣли по сторонамъ. Эти грустные глаза дѣлали лицо неподвижно-скорбнымъ, хотя на душѣ у него было покойно и онъ въ свои 29 лѣтъ еще не зналъ горя, если не считать смерти матери, которая не оставила въ его душѣ глубокихъ слѣдовъ: въ ту пору ему лишь минуло семь лѣтъ. Иногда только печально думалъ онъ, что, пожалуй, при другихъ условіяхъ изъ него могъ бы выйти талантливый поэтъ или интересный художникъ... Но въ

концѣ концовъ совсѣмъ не такъ плохо хозяйничать и жить съ бабисей.

Сестра Маша была скромной незамѣтной дѣвушкой, можетъ быть даже хорошенькой. Она молча исполняла всѣ прихоти бабиси и рѣдко слышенъ былъ ея голосъ. Весьма вѣроятно она привыкла къ капризамъ старухи и не чувствовала себя очень несчастной — никто никогда не пытался заглянуть ей въ душу и сама она казалась скрытной.

Такъ прожили эти три человѣка много лѣтъ въ старомъ, обширномъ помѣщичьемъ домѣ. Петя все-таки раньше жилъ въ большомъ городѣ, учился тамъ, познавалъ жизнь, а обѣ женщины такъ и не разставались съ Побержьемъ съ того дня, какъ у бабиси отнялись ноги, а отецъ Маши и Пети уѣхалъ въ Варшаву, чтобы больше не возвращаться.

— Онъ всегда былъ негоднымъ человѣкомъ, — говорила бабися, изрѣдка вспоминая мужа своей дочери: — это было чистое горе, когда Лизанька вздумала выйти за него замужъ. Чистое горе!

И хотя старуха не могла ничего припомнить такого, что бы говорило не въ пользу ея зятя, потому что онъ былъ человѣкомъ зауряднымъ и ужъ никакъ не жестокимъ, но все же она повторяла съ укоромъ глядя на Машу:

— Бѣдная, бѣдная твоя мать, она много изъ-за него выстрадала... у тебя глаза точно такіе же, какъ и у него... да, да, ты очень на него похожа...

Когда началась война, эта ужасная европейская война, загубившая столько жизней, она застала бабисю и ея внуковъ на томъ же мѣстѣ, въ старомъ Побержьѣ, недалеко отъ Прусской границы.

Первыя вѣсти о ней привезъ пакторъ Залманъ. Онъ всегда доставлялъ въ Побержье почту. Но въ га-

зетахъ еще не былъ напечатанъ манифестъ о войнѣ, онѣ полны были тревожными вѣстями, но все же надѣялись на мирный исходъ. Залманъ зналъ все лучше газетъ. Онъ даже попросилъ позволенія войти въ комнату старой барыни. Его блѣдное лицо трепетало внутренней дрожью, все существо его было полно пережитыми впечатлѣніями. Онъ говорилъ громко, размахивая руками, блестя глазами — событія подавляли его, выбивали изъ колеи, мѣняли весь ходъ обычныхъ мыслей мелкаго пактора, занятаго своимъ молокомъ.

Уже объявлена мобилизація, уже берутъ людей, берутъ лошадей и скоро заберутъ коровъ... Почему коровъ? Онъ не зналъ, онъ только повторялъ то, что слышалъ. Многіе уѣзжаютъ изъ города...

— Ой, ой, что это будетъ! — повторялъ онъ, съеживаясь, а потомъ точно по вдохновенію выпрямлялся, ударялъ себя въ грудь и почти кричалъ: — о, мы всѣ, мы всѣ кричали ура... Еслибы вы видѣли, что это такое? И русскіе, и поляки, и евреи всѣ кричали ура и всѣ говорили, что пойдутъ бить нѣмца. Вы не повѣрите, что я даже плакалъ!

Потомъ затихалъ и, печально поводя во всѣ стороны потухающими глазами, шепталъ;

— Только что я буду дѣлать безъ коровъ, ну на что я годенъ безъ коровъ? Боже мой! и для чего нужна нѣмцу наша кровь... Вѣдь вы подумайте, сколько будетъ крови... Точно всѣмъ людямъ мало мѣста и каждый не можетъ найти свое маленькое, хорошее дѣло...

Маша блѣднѣла, слушая его, Петя шагалъ изъ угла въ уголъ. Бабися комкала газеты, почти ревнуя къ тому, что всѣ точно забыли ее, ея болѣзнь, занятые нелѣпымъ и главное совсѣмъ ненужнымъ, ея не

касающимся событіемъ. Она сразу почувствовала себя еще болѣе несчастной, еще болѣе страдающей. Ея опухшія неподвижныя ноги казались ей пудовыми гирями, тянущими ее въ землю. Нѣтъ, нѣтъ, она не хотѣла вѣрить, чтобы это было такъ, и чего только люди волнуются по пустякамъ.

— Все это глупыя сплетни, — сказала она, сморщившись: — дурацкіе разговоры. Я не понимаю, зачѣмъ ты пришелъ сюда говорить мнѣ это... пусть тебя слушаютъ въ людской, а я не хочу, не хочу!

Она готова была раскричаться. Схватилась за сердце, которое, казалось ей, уже заныло.

— Что за люди, что за люди... Они никогда не подумаютъ о больномъ человѣкѣ, — стонала она, ерзая на креслѣ, когда Залманъ ушелъ, а Маша завозилась въ аптечкѣ.

И потомъ, прислушиваясь къ унылому плеску дождя за окномъ, идущему вотъ уже вторыя сутки, глядя на желтый непріятный свѣтъ въ лампѣ, на столъ съ самоваромъ, на зеленыя камышевыя шторы на окнахъ, на всю эту знакомую, постылую обстановку, свидѣтельницу ея былой дѣятельности, — она начала ворчать, безконечно возвращаясь къ однѣмъ и тѣмъ же мыслямъ, злясь на то, что ея слова ей не казались достаточно убѣдительными, снѣдаемая тайнымъ сомнѣніемъ и страхомъ передъ чѣмъ-то неизбѣжнымъ.

— Войны не будетъ... это же ясно для всѣхъ... для чего нѣмцамъ воевать?

Она съ тревогой смотрѣла на Петю, молча, съ нахмуреннымъ лицомъ, читавшаго газету.

— Вѣдь это и въ газетахъ пишутъ? Ну, конечно... достаточно у всѣхъ заботъ и безъ войны... Все устроится.

У нея ни на мгновеніе не проснулся страхъ передъ опасностью, она ни на минуту не представила себѣ того ужаса, что зовется войной, того безконечнаго горя, которое несетъ съ собою война; она не думала о другихъ и не могла допустить, что кто-нибудь можетъ нарушить ея покой, но мысль, что люди ей необходимые могутъ забыть о ней ради чего-то другого, безпокоиться о другихъ, не помня о ея страданіяхъ, раздражала ее и уже поэтому она всей душой ненавидѣла войну и хотѣла вѣрить, что ея не будетъ.

И какъ всегда ея раздраженіе обратилось на Машу. Испуганное тревожное лицо дѣвушки, ея нервность при каждомъ шумѣ казались подозрительными.

Когда Петя кончилъ читать и сестра взяла газету, старуха почти съ ненавистью посмотрѣла на внучку. Нѣсколько разъ она заставляла ее вставать. Она придумывала самые нелѣпые поводы для того, чтобы отвлечь ее отъ чтенія.

Наконецъ, выведенная изъ себя покорнымъ молчаніемъ дѣвушки, ея сосредоточеннымъ выраженіемъ лица, она раздраженно крикнула:

— Брось сейчасъ газету! Довольно глупостей... что это въ самомъ дѣлѣ... вы кажется хотите уложить меня въ могилу!..

Недоумѣвая, Маша широко раскрыла глаза, безпомощно озираясь на брата.

Петя всталъ, нервно потирая руки.

— Ахъ, бабися, не волнуйтесь... вы знаете, какъ мы васъ любимъ... Но право все это слишкомъ тревожно, чтобы не задуматься... Я лично увѣренъ, что война неизбѣжна... Ну, что-жъ, во всякомъ случаѣ, она будетъ популярна и, дастъ Богъ, счастлива... Ло-

житесь спать, милая, а завтра я съѣзжу въ городъ и все узнаю...

Онъ склонился надъ старухой, цѣлуя ей руку. Она привлекла его къ себѣ и спрашивала по-дѣтски, точно ища защиты.

— Но ты же не оставишь меня... вѣдь мы останемся вмѣстѣ такъ, какъ жили до этого... да?

II.

На утро Петя уѣхалъ въ городъ, но уже до его возвращенія слухи о близящейся войнѣ подтвердились. Пріѣхалъ урядникъ, привезъ объявленіе о мобилизаціи, о военномъ положеніи. Два работника должны были сейчасъ же итти въ станъ на призывъ, какъ запасные. Кучеръ ворчалъ въ конюшнѣ, задавая въ послѣдній разъ кормъ лошадямъ.

Дѣло валилось у всѣхъ изъ рукъ. Въ кухнѣ собрались бабы и мѣшали кухаркѣ; завтракъ не удался и бабися совсѣмъ расхворалась. Она рѣшила не вставать съ кровати, охала и умирающимъ голосомъ просила пить.

Маша однимъ ухомъ прислушивалась къ разговорамъ въ людскихъ, другимъ внимала причитаніямъ старухи. Сердце ея сжималось отъ тяжелаго предчувствія. Тайкомъ она крестилась на образъ Николая Чудотворца и все больше волновалась за Петю. Ей хотѣлось плакать, глядя на уходившихъ рабочихъ, на уводимыхъ лошадей. Она не разбиралась въ причинахъ, вызывающихъ войну, но она ясно видѣла, какъ темное крыло ея коснулось людей, ее окружавшихъ. Привычка помогать, врачевать боли, которую она пріобрѣла въ

заботахъ о бабисѣ, теперь заставляла ее болѣть душою за другихъ, помочь которымъ она не знала какъ.

Наконецъ вернулся Петя, весь забрызганный грязью. Дождь уже не шелъ, но лужи не успѣли высохнуть. Онъ передалъ лошадь конюху, а самъ пошелъ къ себѣ въ комнату мыться. Маша слышала, какъ онъ ходилъ тамъ долго изъ угла въ уголъ и сердце у нея готово было разорваться отъ ожиданія и тревоги.

— Что это, Петя пріѣхалъ?—спросила бабися.

— Да, Петя, — едва слышно отвѣтила дѣвушка и отвернулась къ окну, чтобы старуха не видала ея разстроеннаго лица.

— Что-же онъ не идетъ?—ворчала больная.

Ей казалось, что несмотря ни на что, внукъ ее успокоитъ, что все окажется ложной тревогой.

Наконецъ, Петя вошелъ въ спальню и сѣлъ на стулъ у изголовья кровати.

— Ну, какъ? что?.. говори-же...

Онъ потрогалъ двумя пальцами бородку и посмотрѣлъ на носки своихъ сапогъ. Лицо у него было разстроенное, утомленное.

— О чемъ разсказывать? Я слышалъ приблизительно то же, что и Залманъ. Не сегодня, завтра Германія объявитъ намъ войну, за ней Австрія... это почти неизбѣжно... Въ городѣ суматоха... многіе уѣзжаютъ... говорятъ о какихъ то непріятельскихъ разъѣздахъ... можетъ быть опасность преувеличена, но все же тутъ оставаться рискованно...

Бабися замахала руками:

— Что ты? что ты? о чемъ ты говоришь?

— Я говорю, что вамъ слѣдуетъ отсюда уѣхать...

— Уѣхать? Никогда!..

Она вся заволновалась въ своей кровати, судорожно натягивая на себя простыню.

— Нѣтъ, нѣтъ — никогда! И потомъ я не могу, я безъ ногъ... Я умру по дорогѣ...

Петя теребилъ свою бородку, боясь поднять глаза на старуху.

— Во всякомъ случаѣ, отпустите Машу... Я свезу ее и вернусь къ вамъ...

Нѣкоторое время старуха молчала, потомъ выкрикнула съ новой силой.

— Зачѣмъ? что она будетъ дѣлать безъ меня?.. Нѣтъ, она останется при мнѣ...

Маша, какъ эхо, повторила чуть слышно, пугаясь одной мысли жить вдали отъ своихъ, отъ родного угла!

— Да, да... я останусь при бабисѣ...

Петя молчалъ. Старуха торжествующе смотрѣла на него.

— Да, да, мы останемся всѣ здѣсь, — настойчиво повторила она,—и никто не заставитъ насъ покинуть Побержье. Пусть приходятъ пруссаки, австріяки... кто хочетъ... Я останусь у себя хозяйкой...

Голосъ ея сталъ властенъ, какъ въ былое время. Петя поднялъ голову и съ удивленіемъ смотрѣлъ на нее.

— Но если васъ ограбятъ, подожгутъ вашъ домъ, наконецъ...

Маша вскрикнула и бросилась изъ комнаты. Слезы душили ее. Она остановилась за дверью и разразилась въ рыданіяхъ. Она даже не могла бы сказать, почему плачетъ. На душѣ было слишкомъ тяжело. Успокоившись, она вышла въ садъ, чтобы глотнуть свѣжаго воздуха.

Лужи еще не просохли; деревья дышали намокшей листвой и казались вновь помолодѣвшими. Бѣлыя облака плыли по небу, освѣщенныя косыми лучами

солнца. Казалось, ничто не измѣнилось вокругъ. По прежнему за садомъ разстилались торфяныя болота и все также несся оттуда, то повышаясь, то понижаясь непристанный гулъ. Это пѣли милліоны лягушекъ въ черныхъ канавахъ болота,—точно стеклянные шары, ударяясь другъ о друга, катались по огромной тарелкѣ. Маша привыкла давно къ этому неутихающему пѣнью, но теперь оно показалось ей особенно печальнымъ. Она остановилась, неувѣренно оглядываясь. Какимъ то новымъ углубленнымъ взглядомъ смотрѣла она на окружающее. Еще вчера эти болота, этотъ сосновый лѣсъ, этотъ домъ съ мезониномъ, эта красная голубятня казались ей настолько родными, что, любя ихъ, отдыхая среди всего этого, она все-же почти не видала ихъ. А теперь она точно вернулась сюда послѣ долгихъ лѣтъ разлуки.

Маша свернула по дорожкѣ къ сосновому парку. Ей хотѣлось пройти вокругъ всего дома.

Неужели все это можетъ когда-нибудь исчезнуть? Придутъ люди и уничтожатъ то, что съ такой любовью нѣкогда создавалось.

Война, война!.. Она повторяла это слово, стараясь вникнуть въ его ужасный смыслъ. Люди начнутъ убивать другъ друга. Два мужика сойдутся и будутъ наносить другъ другу смертельные удары... Ей показалось даже, что она слышитъ этотъ тупой и хлюпкій звукъ по живому мясу. Она невольно зажмурилась, холодѣя.

Эти враги, эти нѣмцы, которыхъ она видала раньше по одиночкѣ обыкновенными людьми, теперъ казались ей какой то грозной стихіей, бичемъ Божьимъ. Она не разбиралась въ томъ, кто правъ, кто виноватъ; она не понимала войны, какъ необходимости, для нея война по всякимъ причинамъ была бойней...

Маша подошла къ рощѣ. Оголенные до самыхъ верхушекъ сосны разступались передъ ней, какъ безконечная колоннада — синевато-коричневая внизу, а выше маслянисто-желтая.

Иногда пробѣгалъ вѣтеръ и тогда слышно было, какъ гдѣ-то въ дальнемъ углу парка зарождался тревожный шумъ, все шибче и шибче мчался навстрѣчу и, докатившись, разливался во всѣ стороны. Роща или паркъ, какъ ее называла бабися, потому что по всѣмъ направленіямъ лежали расчищенныя дорожки—подымалась кверху и обрывалась у песчанаго бугра, называемаго Лысой горкой.

Отсюда видны были сжатыя озимыя поля, безконечные торфяники, темная гряда лѣса, костелъ и фабричныя трубы мѣстечка, вьющаяся песчаная дорога и на перекресткѣ за версту отъ усадьбы одинокій придорожный крестъ.

Маша часто лѣтними вечерами доходила до этого одинокаго креста, высокаго и сѣраго отъ дождей и времени, въ сумерки похожаго на тонкую скорбную тѣнь запоздавшаго путника. Онъ стоялъ одинъ, совершенно одинъ днемъ и ночью, зиму и лѣто, убогій и благостный, осѣняя распростертыми, замерзшими руками окрестныя поля.

Вѣрующія крестьянки украсили его расшитыми передничками, скромными вѣнками изъ лиловыхъ и желтыхъ безсмертниковъ, часто на немъ отдыхали ласточки.

И, глядя теперь на этотъ крестъ, Маша какъ-то особенно больно и сладко почувствовала свою любовь къ роднымъ мѣстамъ, къ близкимъ людямъ. Она почувствовала всѣмъ своимъ существомъ не избалованнымъ жизнью, какое огромное счастье жить и умереть на родной землѣ.

Нѣтъ, нѣтъ, она не уйдетъ отсюда, она не оставитъ свой домъ... И впервые что-то похожее на глухую незаслуженную обиду проснулось въ ней противъ людей, которые хотятъ посягнуть на ея родную землю.

III.

Дни стали какими-то особенно длинными, полными напряженнаго ожиданія.

Казалось, все осталось по старому. Съ утра стучала молотилка и скрипѣли возы съ ячменемъ. Всѣ были заняты своимъ будничнымъ дѣломъ, своими мелкими интересами. Кто-то ушелъ, кого-то недоставало, гдѣ-то далеко что-то готовилось, а можетъ быть свершилось, но жизнь шла своимъ чередомъ, заполняя недостающее, заглаживая личное горе, какъ на болотахъ торфъ, разбухая, быстро заполняетъ прорытыя канавы. Но къ вечеру, сейчасъ же послѣ обѣда, когда затихаетъ деревенская жизнь, сильнѣе давали себя чувствовать тревога и неизвѣстность.

Всѣ трое—бабися, Маша и Петя ждали почту. Бабися начинала больше капризничать, ее бѣсила подушка, изводили мухи, угнетали надвигающіяся сумерки и раздражалъ свѣтъ лампы, который казался слишкомъ яркимъ и веселымъ въ эти смутныя минуты ожиданія.

Маша старалась заняться дѣломъ — но вышивка рябила въ глазахъ, книга казалась постылой и ненужной, а мысли путались въ какомъ то суевѣрномъ страхѣ, какъ бываетъ тогда, когда за стѣной лежитъ тяжело больной и ждешь приговора врача.

Петя одѣвалъ свое пальто и шелъ навстрѣчу Залману. Еще громче, еще настойчивѣе, чѣмъ днемъ, за-

ливались лягушки, несся приторный горькій запахъ тлѣющаго торфа и какъ-то поражали своей пустотой и молчаніемъ сжатыя поля.

Петя нарочно сдерживалъ шагъ и шелъ не спѣша широкими твердыми шагами, глубоко запрятавъ руки въ карманы. Онъ много передумалъ за эти дни и какъ-то особенно остро чувствовалъ свою ненужность теперь. Ему было чего-то стыдно — онъ хорошо не зналъ чего; повседневная работа сельскаго хозяина казалась пустячной, никчемной. И стыдно было своихъ здоровыхъ рукъ, ногъ, всего своего молодого тѣла, своего аппетита и крѣпкаго сна, который приходилъ, несмотря ни на что, въ тѣ же часы, что и раньше; постылой казалась вся эта мирная, сытая жизнь. Онъ ловилъ себя теперь на какомъ то глупомъ неловкомъ чувствѣ при встрѣчахъ съ мужиками, съ бабами, онъ не зналъ о чемъ говорить съ ними, и не смѣлъ поднять на нихъ глазъ. Это чувство оскорбляло его самого, но онъ не умѣлъ съ нимъ сладить. Дѣлаютъ же спокойно свое маленькое дѣло тѣ, что остались, эти крестьяне въ желтыхъ свитахъ, почему же онъ чувствуетъ себя виноватымъ? Какъ они могли работать теперь? Неужели въ нихъ было столько равнодушія къ совершающемуся?

Онъ почти радовался, ожидая войну, она несла съ собою что-то новое, какъ гроза очищала воздухъ. И въ началѣ казалось все такъ просто, такъ заманчиво... увезти бабисю и Машу въ надежное мѣсто, а самому что-то дѣлать, дѣлать что-то важное и чувствовать, что ты живешь въ такое красиво-трагическое время. Но, приближаясь, война уже не казалась чѣмъ то цѣльнымъ, единымъ... чувствовался подъемъ, но жизнь, пѣнясь, текла все же старымъ русломъ и каждое дѣло

было нужнымъ, но не было одного какого то огромнаго дѣла... и опять Петя чувствовалъ себя одинокимъ, въ сторонѣ отъ другихъ.

Такъ протекло пять дней и пришла вѣсть о войнѣ. На тѣхъ же листахъ газеты, гдѣ такъ недавно писали о судебныхъ процессахъ, напечатана была эта краткая вѣсть. Петя первый получилъ ее по дорогѣ, а потомъ войдя въ столовую, гдѣ сидѣли бабися и Маша, не снимая пальто, стоя, прочелъ ее, невольно повышая голосъ странно звонкій и чувствуя, какъ непонятное волненіе сжимаетъ горло. А смолкнувъ, поднялъ влажные глаза, мгновеніе не зная, что съ собой дѣлать, не находя у себя ни одного слова, ни одной мысли. Только слышалъ, какъ бьется и полнится сердце.

— Богъ милостивъ,—строго, всей грудью молвила бабися и перекрестилась.

Тогда, неловко съежившись, Петя сѣлъ рядомъ съ сестрой на диванъ. Маша взяла его за руку и всѣ трое замолкли, въ этотъ краткій мигъ забывъ о себѣ, живя однимъ несознаваемо общимъ.

Потомъ, лежа уже у себя въ постели, Петя почему то краснѣлъ за свой порывъ, за свой невольный паѳосъ. Оглядываясь на себя, онъ находилъ себя смѣшнымъ, а сердце все еще замирало и жаль было, что нѣтъ дѣтскихъ слезъ, когда такъ сладко плачется ни о чемъ и такъ высоко становится на душѣ. Въ дѣтствѣ часто бывали такіе миги, а теперь почему то ихъ стыдно.

IV.

Уже жгли, грабили, уничтожали то, что съ такой любовью, терпѣніемъ и вѣрой создавали; уже убивали, калѣчили, посягали на лицо Божье въ человѣкѣ, рожденія котораго ждали съ любовью. Одни были правы, другіе виноваты; одни нападали, другіе защищались, но и тамъ и тутъ лилась кровь, и никто не могъ остановиться.

Уже тихій ангелъ Фландріи смѣнилъ свой пастушечій посохъ на мечъ. Вся Европа стала подъ ружье, точно спѣша осудить и проклясть то, чему такъ рабски служила послѣднее столѣтіе. Императоръ Германскій, этотъ жалкій и самодовольный властелинъ, какъ жалки и самодовольны были достиженія современной культуры, дѣтищемъ которой онъ былъ—считался виновникомъ великаго пожара, но могъ ли народъ его остановиться въ своемъ послѣднемъ прыжкѣ черезъ пропасть, еслибы всѣ арміи міра преградили ему путь... Не избранъ ли онъ былъ, какъ позорище и срамъ человѣчеству за тотъ кумиръ, которому всѣ поклонялись, — страшно сказать, какъ искупительная жертва, паденіе которой чѣмъ ниже, тѣмъ выше новый путь человѣчества.

Великія событія шли своимъ чередомъ, въ своей постепенности; Россія была захвачена въ этотъ общій водоворотъ, который былъ стремительнѣй и глубже великихъ наполеоновскихъ войнъ, тяжелѣе годины Отечественной войны, но повседневность оставалась такъ же сильна, какъ и раньше,—такъ же люди рождались, жили, смѣялись, плакали, женились, рождали другихъ и умирали, какъ дѣлали это всегда, какъ жили

2

въ двѣнадцатый годъ Наташа и Николай Ростовы, Болконскіе и Пьеръ Безуховъ всевидящаго Толстого. И, кажется, только временемъ отличаетъ человѣкъ великія историческія событія отъ малыхъ—одни мчатся, какъ горный потокъ, другія плывутъ, какъ широкія рѣки, но и тамъ и тутъ—камни, песокъ и вода...

Въ Побережьѣ ничего не измѣнилось. Оно стояло почти на рубежѣ двухъ воюющихъ странъ, но для него событія еще не наступили, а тянулось прежнее бытіе. Какъ то совсѣмъ незамѣтно примѣшивалось это новое, что рождаетъ событія, къ старому, давно налаженному.

Бабися попрежнему ворчала, но невольно уступала мѣсто рядомъ съ собою, своими прихотями чему то постороннему, что какъ то переходило въ свое, почти необходимое. Маша предложила ей шить на раненыхъ. Бабися поморщилась, но уступила, не могла не уступить. Потомъ нужно было подписывать какое то заявленіе о томъ, что она предоставляетъ помѣщеніе подъ раненыхъ.

Рѣшено было освободить подъ лазаретъ флигель и вотъ уже второй день тамъ скребли, мыли, красили. За хлопотами Маша невольно забывалась и война въ ея глазахъ превращалась во что-то хотя и попрежнему страшное, но вполнѣ понятное, съ чѣмъ можно было бороться ясными, простыми средствами.

Она вновь будетъ возвращать къ жизни людей, какъ можетъ, тѣми нехитрыми заботами, которыя каждую женщину превращаютъ въ незамѣнимую спасительницу—всѣми силами будетъ бороться со смертью, которую человѣчество призвало къ себѣ. Она вернетъ людямъ ихъ землю, на которой такъ хорошо жить и радоваться жизнью, потому что здоровые люди власти-

тели міра и этимъ она побѣдитъ войну. А главное у нея являлась ближайшая цѣль, близкій и понятный трудъ, который такъ утѣшаетъ женщину. Теперь она говорила съ бабисей почти какъ равный съ равнымъ и бабися это чувствовала и безмолвно признала за ней это право. И странно казалось даже, что не было стольких причинъ къ раздраженію, какъ раньше, когда Маша была при ней неотлучно.

Бабися читала газеты. Она обложилась ими — и старыми, и новыми, одѣвала на носъ очки и читала. Она стала политикомъ. Съ каждымъ днемъ ея ненависть къ нѣмцу росла. Она радовалась, какъ ребенокъ, если находила какую-нибудь новую черту ихъ низости. Она торжествующе смотрѣла поверхъ очковъ своими сѣрыми строгими глазами на Петю и громко читала ему поразившее ее извѣстіе. Иногда она просила у него объясненій, но чаще цѣлыми часами сидѣла молча, почти священнодѣйствовала и только шуршаніе бумаги, иногда становящееся похожимъ на бурный ливень, выдавало ея волненіе. Ея раздраженіе нашло выходъ, нашло благородный исходъ; жажда дѣятельности была почти удовлетворена дѣйствіями другихъ, мстительными мечтами о чужихъ подвигахъ, казавшихся своими.

Обѣ женщины первыя приблизились къ войнѣ лицомъ къ лицу, нашли въ ней понятныя имъ черты и каждая пошла по тому пути, который ей былъ ближе. Женщина теряется только тамъ, гдѣ не чувствуетъ себя хозяйкой, гдѣ нѣтъ мелочей, которыя она можетъ разставить по своему.

Петя почти завидовалъ имъ, ихъ душевному равновѣсію. Все еще онъ чувствовалъ себя внѣ повседневной дѣйствительности. Онъ искалъ оправданій, искалъ

2*

объясненій, въ немъ боролись два чувства—отвращеніе къ войнѣ и почти дѣтская жажда подвига. Ни для того, ни для другого у него не было жизненнаго оправданія. Сама жизнь властно не подсказала ему, какъ нужно дѣйствовать, какъ это подсказала рядомъ живущимъ съ нимъ женщинамъ—онъ все еще диктовалъ себѣ свои законы, склоняясь то въ сторону разума, то чувства, томясь своимъ бездѣйствіемъ и не находя ему оправданія. Чтобы какъ-нибудь сохранить душевное равновѣсіе, онъ переходилъ отъ бабиси къ Машѣ, отъ Маши къ бабисѣ. Машѣ онъ помогалъ своими указаніями по отдѣлкѣ флигеля, ѣздилъ въ городъ за койками. Эта поѣздка разстроила его надолго. Коекъ онъ не раздобылъ, магазины были всѣ заколочены, лавочники разбѣжались, городъ казался вымершимъ. По дорогѣ встрѣтились войска.

Проходилъ взводъ солдатъ. Сѣрыя рубахи, сѣрыя фуражки, ровное колебаніе ружей, спокойное дѣловое выраженіе лицъ—самый будничный видъ, ничего геройскаго во внѣшнемъ. Но этотъ взводъ шелъ такъ твердо, такъ ровно, такъ неуклонно, что сердце Пети невольно замерло, горло сжало, все тѣло его устремилось впередъ въ одномъ порывѣ слиться, уйти всему безъ остатка съ этой сѣрой массой людей. Въ это мгновеніе боль и смерть казались сладкими, пришли бы, какъ гордое удовлетвореніе.

Только когда послѣдній солдатъ прошелъ мимо него, онъ точно очнулся отъ забытья и закричалъ что-то и замахалъ шляпой.

Всю дорогу его не покидала мысль о томъ, что онъ уйдетъ на войну, что онъ не можетъ не воевать, это былъ порывъ, который казался сильнѣе его. Но подъѣзжая къ усадьбѣ и отвѣчая на поклонъ встрѣч-

наго мужика, невольно глянувъ ему въ лицо, онъ какъ то разомъ увидѣлъ себя самого со стороны, увидѣлъ свое торжественно-восторженное лицо, свои сіяющіе глаза, весь свой геройскій видъ, который, онъ это почувствовалъ до боли, до жгучаго стыда, бросившаго ему всю кровь въ голову,—былъ у него и сердце его безнадежно упало.

Нѣтъ, у тѣхъ, что шли плечо къ плечу, были другія лица, другое выраженіе. Что это было? Какая простая, близкая цѣль заставляла ихъ итти и никогда не дастъ остановиться?.. потому-то тѣ, что остались, ихъ братья такъ же спокойно и съ такими же лицами продолжаютъ дѣлать свое будничное дѣло, потому то и передъ ними ему стыдно...

Онъ вошелъ въ домъ совсѣмъ убитый; Маша испугалась, найдя его осунувшимся и поблѣднѣвшимъ. Она приписала это его усталости и тому, что поѣздка оказалась неудачной. Онъ не разувѣрялъ ея,—онъ чувствовалъ, что тутъ она не пойметъ его, можетъ быть даже посмѣется надъ нимъ. Наконецъ, послѣ безсонной ночи онъ нашелъ себѣ нѣкоторое успокоеніе. Все равно ему нельзя уѣзжать изъ Побержья—на кого онъ оставитъ Машу и бабисю.

Общеніе съ бабисей часто приносило ему нѣкоторое удовлетвореніе. Читая съ ней газеты, объясняя ей темныя для нея мѣста, онъ пускался въ стратегическія разсужденія, въ политическія мечтанія. Онъ старался угадывать планъ кампаніи, уходилъ въ своихъ предположеніяхъ къ концу войны, перекраивалъ по своему европейскую карту, опасался предстоящихъ осложненій, съ воодушевленіемъ, самоувѣренностью увлеченія уходилъ въ дотолѣ совсѣмъ чуждую ему область. Здѣсь его захватывала огромность совершаю-

шихся событій, которыя онъ почти наблюдалъ воочію въ своихъ разсужденіяхъ и которыхъ онъ не могъ услѣдить въ окружающей его жизни.

V.

Какъ-то ночью въ Побержьѣ заслышали отдаленные выстрѣлы. Сначала думали, что это громъ, но потомъ поняли, — и сразу душу охватила какая-то жуткая торжественность. Бабися приказала вывезти себя на балкончикъ въ мезонинѣ. Маша закутала ее въ пледъ и стала за ея кресломъ, одной рукой ухватившись за брата.

Ночь была глухая, изъ-за тучъ не видно было звѣздъ и только на горизонтѣ, какъ розовый блистающій вѣеръ, то свертывалось, то развертывалось далекое зарево. Выстрѣлы раздавались почти черезъ равные промежутки времени. Сначала точно гдѣ-то тамъ на черномъ краю земли что-то тяжелое падало, ударяясь о мѣдную доску, потомъ на мгновеніе звукъ гасъ и вслѣдъ затѣмъ поспѣшно, все дробясь на части, катилось эхо, громче и тише, точно съ разныхъ сторонъ мчались по колдобинамъ къ Побержью телѣги. Особенно ясно раздавался этотъ тревожный гулъ колесъ на околицѣ у въѣзда въ усадьбу: каждый разъ обманываясь, невольно всѣ вздрагивали въ ожиданіи, когда докатившись до воротъ и точно упершись о деревянную преграду, шумъ мгновенно обрывался.

Подъ балкончикомъ столпилась почти вся дворня. Нѣсколько рабочихъ и бабъ съ ребятами на рукахъ. При каждомъ ударѣ бабы вскрикивали, дѣти дрожали и плакали, и всѣ въ одинъ голосъ повторяли:

— Свента Марія, помилуй насъ...

И это восклицаніе, вырывающееся одновременно изъ столькихъ устъ, походило на вздохъ, на глубокій вздохъ раненаго, предавшаго себя въ руки Господни.

Самый старый изъ нихъ, отецъ приказчика, худой, но еще бодрый старикъ восьмидесяти лѣтъ, отойдя въ сторону и прижавъ руки къ груди ладонь къ ладони, бормоталъ молитвы.

Но никто не шелъ по домамъ, никто не хотѣлъ спать. Въ минуты затишья слышно было, какъ трепещатъ листья въ саду, какъ кричатъ въ торфяникахъ лягушки и взволнованная, потрясенная до самыхъ глубинъ грудь вдыхала особенно густой, сладкій запахъ цвѣтущаго табака, призрачно бѣлѣющаго на клумбахъ. Пойнтеръ Азорка тревожно бѣгалъ вокругъ дома, но не лаялъ. Иногда онъ останавливался, вытягивалъ морду, встряхивалъ ушами; фыркалъ и бѣжалъ дальше.

Наконецъ Петя, полный сумбурныхъ мыслей, вновь обезпокоенный судьбою близкихъ женщинъ, которыхъ онъ не сумѣлъ уберечь отъ грозящей опасности, тихо окликнулъ старуху:

— Бабися, вамъ пора отдохнуть...

Онъ готовъ былъ на своихъ рукахъ вынести ее и сестру куда-нибудь далеко, но что-то подсказывало ему, что онѣ все равно никуда не уѣдутъ изъ Побержья и вмѣстѣ съ тревогой въ немъ росла спокойная гордость за нихъ и этого чувства онъ уже не стыдился.

Бабися пошевелилась въ своемъ креслѣ.

— Да, да — сейчасъ...

Потомъ схватилась руками за перила балкончика и склоня лицо внизъ, туда, гдѣ двигались и дышали ея рабочіе, она громко сказала:

— Люди, дѣти мои, вы слышите меня?

Ей отвѣтило нѣсколько голосовъ разомъ:

— Слышимъ, слышимъ, пани...

Тогда, переждавъ пока смолкъ раскатившійся выстрѣлъ, она продолжала:

— Вотъ видите, врагъ близокъ, скоро онъ будетъ здѣсь... Я никуда не уйду, потому что я безъ ногъ и я хочу умереть на своей землѣ, не хочу на старости не быть хозяйкой того, что своими руками сдѣлала... Понимаете? А вамъ тутъ нечего дѣлать, у васъ есть ноги, такъ мой добрый совѣтъ — уходите поскорѣе, сейчасъ же, пока не поздно... вотъ...

Она тяжело дышала, съ трудомъ переводя духъ отъ усилій, которыя ей нужно было дѣлать, чтобы говорить внятно и громко.

Нѣкоторое время оттуда снизу не доносилось ни звука. Петя замеръ, почти съ восхищеніемъ всматриваясь въ темный силуэтъ старухи. Ея сила сообщилась ему. Ея простыя слова точно открыли ему глаза. Вѣдь онъ всегда считалъ ее эгоисткой.

Наконецъ, чей-то глухой голосъ прервалъ молчаніе.

— Зачѣмъ насъ, пани, гонитъ?

Слышно было, какъ всѣ зашевелились.

Тогда приходя въ нервное движеніе, старуха почти крикнула:

— Дураки, да я же не гоню васъ... Но вы такіе храбрые, что не боитесь пруссаковъ?..

Ей отвѣчали сразу и мужики, и бабы.

— А кто же ихъ не боится... Какъ не страшно?

Бабися прервала ихъ съ раздраженіемъ:

— Ужъ не меня ли беречь думаете?

Они не сразу отвѣтили, но чей-то увѣренный голосъ, точно выражая мысли всѣхъ этихъ людей, спокойно донесся снизу:

— Пани остается... и мы останемся... Какіе мы заступники... Іезусъ, Марія наши заступники... А мы не уйдемъ...

И сейчасъ же, покрывая этотъ голосъ, заговорили всѣ разомъ:

— Намъ некуда итти... которые не здѣшніе — тѣ ушли... а это наше мѣсто...

— Наше, наше! — повторяли они и казалось, что говоря это, всѣ они крѣпче упирались въ землю, на которой стояли, точно боялись, что ихъ силой заставятъ уйти отсюда.

Можно было подумать, что бабися не хотѣла понять ихъ, она молчала, недовольная, а, помолчавъ, снова повторила:

— Дурни, вотъ дурни...

Но Петя успѣлъ разслышать въ этомъ возгласѣ какую-то нѣжность, точно одобреніе. Голосъ старухи взволнованно пресѣкся. Наконецъ, овладѣвъ собою, она сказала уже совершенно спокойно:

— Слава Богу... Богъ милостивъ... Идите спать пока... Вези меня, Петя...

Маша украдкой вытирала слезы. Ея сердце переполнялось любовью, — она съ гордостью, нѣжностью и вѣрой смотрѣла на бабисю. Ихъ провожали снизу несущіеся вздохи:

— Свента Марія, помилуй насъ...

Когда старуха заснула, братъ и сестра снова вышли на балконъ. Внизу никого уже не было. Попрежнему вдали колыхало зарево и гудѣли выстрѣлы. Тѣсно прижавшись другъ къ другу, Петя и Маша

смотрѣли передъ собою и молчали. Они хотѣли говорить, но не могли. Изрѣдка только Маша шептала:

— Милый, милый — точно ободряя и радуясь.

Такъ они стояли долго, не шевелясь, прислушиваясь къ чему-то новому, что рождалось въ нихъ, вдыхая полной грудью чистый воздухъ іюльской ночи. Наконецъ, Петя сказалъ:

— Да, конечно, я былъ благоразуменъ, что просилъ васъ уѣхать отсюда, но я понимаю, почему бабися осталась... Я не сталъ бы теперь настаивать.

Маша поспѣшно отвѣтила:

— Ну, конечно, конечно...

— Будемъ ждать его тутъ... у себя...

Вздрагивая и невольно сильнѣе сжимая руку брата, Маша повторила, какъ эхо:

— Да, да... у себя...

И опять оба замолчали...

Ночь постепенно блѣднѣла, тучи расходились и передъ восходомъ на небѣ высыпали веселыя звѣзды. Выстрѣлы становились рѣже; стеклянный лягушечій перезвонъ наполнилъ свѣжѣющій воздухъ бодрымъ, такимъ съ дѣтства знакомымъ трепетомъ. Изъ тумана постепенно выплывали купы деревьевъ, тамъ и здѣсь блеснула вода въ канавахъ. Четко разнеслось по полю лошадиное ржаніе и, минуту помедля, на востокѣ зажглась оранжевая заря.

Поеживаясь отъ холода, Петя улыбнулся. Ему показалось все такимъ знакомымъ, милымъ, роднымъ. Онъ невольно протеръ глаза, не вѣря возможности послѣ этой тревожной ночи увидѣть солнце, вернуться къ прежней жизни. И когда сейчасъ же почувствовалъ въ себѣ эту увѣренность, когда широко открытыми глазами оглянулся и увидалъ садъ, лѣсъ, безконечные

торфяники, песчаную дорогу и на перекресткѣ сѣрый крестъ, онъ понялъ всѣмъ существомъ своимъ, какъ онъ близокъ всему этому, какъ дѣйствительно ничего не измѣнилось вокругъ отъ того, что люди убиваютъ другъ друга, понялъ почему у тѣхъ, встрѣтившихся ему солдатъ, были такія спокойныя лица и уже зналъ, что ничто здѣсь не должно измѣниться, пока онъ живъ.

И крѣпко стиснувъ руку сестры, онъ спустился внизъ и вышелъ въ садъ.

— Куда мы?—покорно спросила Маша.

Онъ не отвѣтилъ и она пошла рядомъ, счастливая, что видитъ, наконецъ, брата примиреннымъ, бодрымъ, чувствуя новыя нити, еще крѣпче связующія ее съ нимъ.

Сжатыя поля блестѣли крупными каплями росы и казались серебряными, по всему ихъ простору перекликались перепела. Песчаная дорога весело взбиралась въ гору къ одинокому кресту, четко замершему на изумрудномъ небѣ.

Когда братъ и сестра подошли къ нему, солнце уже встало. Двѣ ласточки щебетали, каждая на краю его распростертыхъ рукъ; заревой вѣтеръ колыхалъ бѣлый передничекъ; у подножія что-то двигалось. Сдѣлавъ еще нѣсколько шаговъ, Петя и Маша узнали отца приказчика.

Старикъ распростерся на влажной землѣ и молился. Онъ раскинулъ въ стороны руки и вытянулъ ноги — онъ походилъ на черную тѣнь этого одинокаго креста, протянувшуюся поперекъ дороги. Кто осмѣлился бы перешагнуть черезъ нее?

VI.

Бабися сидѣла въ столовой и раскладывала пасьянсъ, а Маша читала ей вслухъ Александра Дюма. Уже много дней газета не приходила; Залманъ бросилъ своихъ коровъ и уѣхалъ—не откуда было получать вѣстей и бабушка съ внучкой жили отрѣзанныя отъ всего міра. Но старуха строго-на-строго приказала вести день такъ, какъ онъ велся много лѣтъ кряду, ничто не измѣнивъ въ домашнемъ обиходѣ; ѣли своихъ куръ, гусей, масло, намололи муки, только пришлось экономить на сахарѣ и керосинѣ, которые доставались съ трудомъ черезъ третьи руки изъ города.

Пять дней, какъ въ домѣ остались онѣ однѣ—двѣ беззащитныя женщины. Петя ушелъ съ заночевавшимъ у Побержья взводомъ. Это вышло какъ-то само собою. Безъ предварительнаго размышленія, безъ слезъ и проводовъ, безъ колебаній, какъ-то всѣмъ существомъ своимъ почувствовалъ Петя, что иначе нельзя, что настало его время. Съ радостью увидалъ онъ, какъ теперь это вышло просто: не было ни гордости, ни рисовки, ни волненія, сжимающаго гортань, точно его ждало неотложное серьезное дѣло, не терпящее проволочки. Нужно было защищать свою землю, свой отчій домъ. Одинъ, невооруженный, онъ сдѣлать этого не могъ и онъ соединился съ тѣми, кого вела на такое же серьезное дѣло опытная рука. Это было рѣшено мгновенно и безповоротно, необходимость этого созналась всѣми. Вставая изъ-за стола, за которымъ они всѣ обѣдали съ прибывшимъ офицеромъ, Петя подошелъ къ бабисѣ, по обычаю поцѣловать руку. Она взглянула ему въ глаза, притянула къ себѣ, поцѣловала въ лобъ

и не выпуская изъ своихъ старческихъ рукъ его голову, сказала глубокимъ голосомъ:

— Ну, что-же... Надо итти тебѣ... благослови тебя Богъ...

Онъ поцѣловалъ ея дряблыя, пожелтѣвшія отъ болѣзни щеки и, повернувшись къ офицеру, просто сказалъ, какъ говорятъ о чемъ то вполнѣ обыкновенномъ.

— Вы возьмете меня съ собою, господинъ поручикъ?

Офицеръ сконфуженно покраснѣлъ, опуская глаза. Это былъ очень робкій, очень застѣнчивый человѣкъ, маленькаго роста и худенькій съ большими красными руками, которыхъ онъ не зналъ куда дѣвать. Онъ тихо отвѣтилъ, чучь-чуть заикаясь:

— Почему же нѣтъ. Мы доведемъ васъ до штаба, гдѣ сдадимъ по начальству...

Тогда растроганный, какъ ему казалось необычайной чуткостью и самопожертвованіемъ бабиси, Петя опять протянулъ ей руки и сказалъ взволнованно:

— Но какъ же вы, бабися, и Маша? Кто останется съ вами?

Лицо старухи покраснѣло. Она нахмурилась, готовая разсердиться, оскорбленная въ своихъ лучшихъ чувствахъ.

— Не говори вздора... Вѣдь ты все равно ушелъ бы... Насъ съ Машей никто не тронетъ... Мы женщины, съ нами не воюютъ... А ты развѣ могъ бы равнодушно видѣть, какъ въ нашъ домъ пріѣдутъ нѣмцы? Хорошъ ты былъ бы со своимъ охотничьимъ ружьемъ...

Она даже разсмѣялась, потомъ рѣзко оборвавъ свой смѣхъ, раздраженно крикнула, боясь за свои нервы, за непрошенныя слезы, которыя уже давили горло, клокотали въ груди:

— Идите, идите отсюда! Дайте мнѣ покой, наконецъ!..

И когда всѣ ушли, она предалась рыданiямъ, старческому своему горю, потрясающимъ все ея больное тѣло.

О, какъ она ненавидѣла себя за эти слезы. Какъ боялась, что кто-нибудь увидитъ ихъ!

Потомъ все же она взяла себя въ руки и Маша въ слѣдующiе дни не видала у нея покраснѣвшихъ глазъ. Все вошло въ свою норму. По ночамъ не слышно было даже выстрѣловъ. Казалось, врагъ оставилъ свои злые замыслы и сѣрый крестъ при дорогѣ осѣнилъ Побережье на вѣчный миръ и тишину.

Бабися раскладывала теперь нескончаемый пасьянсъ: это успокаивало ее, отвлекало ея вниманiе, давало работу рукамъ; фантастическiя приключенiя романовъ Дюма уносили воображенiе далеко. Иногда только она прерывала свое безостановочное раскладыванiе картъ, приподымала голову и напряженно слушала. Тогда лицо ея принимало скорбное, суровое выраженiе, походило на темный ликъ мученицъ съ древнихъ иконъ. Маша невольно вздрагивала худенькими плечами, опускала на плотно сомкнутыя колѣни книгу и съ тревогой въ расширенныхъ зрачкахъ смотрѣла на бабисю.

Надъ деревяннымъ домомъ проносился вихрь. Тысячи крылъ сотрясали воздухъ и гортанный, душу леденящiй крикъ, осеннiй крикъ разносился надъ усадьбой. Это летѣли вороны. Они проносились надъ Побержьемъ черными тучами—жадные и упорные, стремясь къ какой то невѣдомой цѣли. Время ихъ перелетовъ не наступило и ихъ несмѣтныя рати пугали своей необычностью. Иногда они покрывали собою всѣ

деревья сада, всѣ заборы, всѣ поля, они сгоняли ласточекъ съ одинокаго креста при дорогѣ. Казалось, что ликующая зелень облекается въ трауръ, скрывается подъ черными хлопьями сажи.

Богъ знаетъ, можетъ быть бабися слышала въ ихъ крикахъ отдаленный шумъ битвъ, гдѣ сражался рядомъ съ другими ея единственный Петя, можетъ быть она видала передъ собою поле съ окровавленными, обезображенными трупами, которыхъ рвали въ клочья эти черныя птицы, птицы несчастья.

Потомъ, когда шумъ затихалъ, гасъ, печально замирая въ отдаленныхъ углахъ парка, старуха снова бралась за свои карты и лицо ея опять дѣлалось замкнутымъ и безстрастнымъ. Только голосъ Маши временами обрывался, когда она принималась за чтенье, а влажные глаза путали строчки.

Сегодня вороній гамъ показался бабисѣ особенно тревожнымъ. Черныя птицы внезапно сорвались всѣ разомъ и съ злобно-испуганнымъ воплемъ ринулись прочь изъ сада. Это было какое то смятенное бѣгство, яростное хлопанье крыльевъ, за которымъ ничего не было слышно.

Маша подошла къ окну взглянуть на дорогу, на аллею, окаймленную двумя рядами мускусныхъ тополей и уже не могла ни шевельнуться, ни отвести глазъ, ни крикнуть.

Бабися, слѣдившая за ней, спросила обезпокоенная.

— Въ чемъ дѣло, Маша?

Но внучка не отвѣчала. Она стояла приросшая къ полу, оледенѣвшая отъ ужаса, безъ кровинки въ лицѣ и только когда у подъѣзда раздался топотъ ногъ, а изъ внутреннихъ комнатъ донесся безпорядочный шумъ,—она кинулась къ бабушкиному креслу и, упавъ

на колѣни, зарывшись головой въ пледъ, покрывавшій неподвижныя ноги старухи, разразилась глухими подавленными безнадежными рыданіями.

Бабися поняла все. Ея морщинистое больное лицо стало строго, почти жестко и непроницаемо. Она мягко, но рѣшительно отстранила отъ себя внучку и, какъ въ былое время, сухо молвила:

— Встань.

Маша невольно повиновалась, глотая слезы, закусивъ губы, всѣмъ существомъ своимъ отдаваясь во власть бабисѣ, чувствуя, что утратила всѣ свои мысли, всю свою волю.

Вошедшіе въ столовую нѣмецкіе кирасиры—лейтенантъ и его помощникъ увидали сидящую за столомъ старуху, невозмутимо раскладывающую пасьянсъ, а за ея спиной худенькую дѣвушку, судорожно ухватившуюся необычно бѣлыми, почти прозрачными пальцами за спинку кресла.

Офицеры сняли каски и лейтенантъ плотный, тяжелый человѣкъ съ кирпично-красной короткой шеей, съ маленькой головой атлета и усами, не желающими торчать кверху, а смѣшно топорщившимися въ стороны, преувеличенно любезно заговорилъ по-польски.

— Извините насъ за безпокойство, ясновельможная пани, но что дѣлать, на войнѣ, какъ на войнѣ. Вы разрѣшите намъ остановиться у васъ на время и забрать фуража для лошадей? Надѣюсь,—добавилъ онъ, уже болѣе холодно, слѣдя за равнодушнымъ лицомъ старухи и оскорбляясь, какъ ему казалось, недостаточнымъ вниманіемъ съ ея стороны:—надѣюсь, что ваши люди не окажутъ намъ сопротивленія и вы поручитесь за нихъ, чтобы не дать намъ повода прибѣгнуть къ крутымъ мѣрамъ.

Онъ самодовольно улыбнулся и опять поклонился съ театральнымъ жестомъ, желая подчеркнуть свою воспитанность. Его товарищъ съ сухимъ профилемъ римскаго воина и съ фигурой стройной и гибкой, какъ у танцовщицы, стоялъ рядомъ съ нимъ, презрительно оглядываясь по сторонамъ.

Бабися подняла глаза и, безразлично смотря передъ собою, отвѣтила:

— Вы можете, господинъ офицеръ, объясняться со мною по-нѣмецки, такъ какъ по-польски вамъ, видимо, говорить трудно, я же русская и понимаю достаточно вашъ языкъ. Вы, конечно, вольны оставаться у меня въ имѣніи по праву сильнаго и я вамъ въ этомъ не буду препятствовать. Что же касается моихъ людей, то, слава Богу, они живутъ со мною въ мирѣ и думаю, не пойдутъ противъ моего рѣшенія. Вотъ все, что я вамъ могу сказать.

Потомъ, мягко дотронувшись до ледяной руки внучки, молвила ей.

— Пойди, милая, позови пана Людвига.

И когда Маша мягкой стопой скользнула въ дверь, бабися также спокойно взялась за свои карты, какъ еслибы кромѣ нея никого не было въ комнатѣ.

VII.

Назначивъ часовыхъ, отправивъ двухъ кирасиръ дозорными на перепутье къ кресту, офицеры въ сопровожденіи растеряннаго приказчика—пана Людвига обошли всю усадьбу, заглянули въ погреба, на ледникъ, все подозрительно осматривая, потомъ приказали вывести дворню и когда трое рабочихъ, кучеръ

3

и пастухъ со своими бабами вышли на дворъ—одни угрюмо молчащіе, другіе на смерть испуганные, лейтенантъ, заложа руки за спину и похлопывая себя стекомъ по ботфортамъ, быстро пробѣжалъ мимо нихъ на своихъ кривыхъ короткихъ ногахъ и разомъ остановившись, точно осадивъ себя, крикнулъ:

— Слушать! Отнынѣ вы подчинены мнѣ. Мои солдаты должны быть накормлены, лошади сыты. Сейчасъ же все ваше оружіе передайте вахмистру — за утайку подлежите разстрѣлу. Сидѣть у себя по домамъ, отнюдь никуда ни за какимъ дѣломъ не отлучаться, немедленно исполнять всѣ мои распоряженія. Всякое ваше ослушаніе будетъ строго караться.

Потомъ сдѣлавъ знакъ рукой, чтобы они уходили, онъ потрогалъ свои усы, о чемъ то глубокомысленно раздумывая. Все же несмотря ни на что, онъ былъ недоволенъ.

Подъ бокомъ находился городъ, какой ни на есть, но все же городъ, а ему приходилось торчать здѣсь въ этомъ захолустьѣ.

— Громъ и молнія, эти казаки вотъ гдѣ у меня сидятъ,—повторилъ онъ, еще гуще краснѣя подъ своей каской.

Всѣ прожужжали ему уши объ этихъ казакахъ. Сегодня опять доложили, что крестьяне подтверждаютъ близость ихъ разъѣздовъ. Это заставило его свернуть съ дороги въ усадьбу и ждать тутъ, до болѣе точнаго освѣщенія мѣстности.

Лейтенанта предупредили, чтобы онъ не разсчитывалъ на скорое подкрѣпленіе главными силами, отвлеченными въ сторону, самъ находилъ бы нужный ему фуражъ, берегъ по возможности людей и опасался бы казачьихъ разъѣздовъ, вотъ уже нѣсколько дней на-

водившихъ на войска панику. Кромѣ того у него были полномочія при занятіи какого-либо населеннаго мѣста налагать на жителей контрибуцію, объявлять себя комендантомъ, печатать воззванія и вообще не стѣсняться въ средствахъ такъ или иначе терроризировать населеніе для большей своей безопасности и укрѣпленія вліянія могущества германской арміи.

Гордый оказаннымъ ему довѣріемъ, лейтенантъ фонъ-Шенъ, ни разу не участвовавшій въ дѣлѣ, вышелъ на рекогносцировку, какъ на пикникъ, отъ глубины души презирая врага и въ особенности польское населеніе края, вызывавшее въ немъ отвращеніе своей бѣдностью еще тогда, когда штатскимъ онъ ѣздилъ въ Варшаву къ своему шурину, гдѣ и научился съ грѣхомъ пополамъ говорить по-польски.

Его безпокоили только казаки, о которыхъ онъ уже много слышалъ, но избѣгая съ ними встрѣчи, онъ увѣрялъ себя, что дѣлаетъ это, исполняя предписаніе, а главное потому, что казаки—гнусные разбойники, а не регулярныя войска и уважающему себя офицеру позорно сражаться съ ними. Ему казалось, онъ былъ даже въ этомъ глубоко убѣжденъ, что только съ мирнымъ населеніемъ можно поступать какъ угодно, не считаясь ни съ какими правилами, все же, что касалось борьбы съ вооруженнымъ непріятелемъ, должно было быть строго по пунктамъ регламентировано и врагъ долженъ былъ поступать именно такъ, какъ учили поступать германское войско.

Теперь многое шло не такъ, какъ онъ предполагалъ и это не способствовало его хорошему расположенію духа. Онъ опять хлопнулъ себя стекомъ по ляжкамъ и, обернувшись къ приказчику, раздраженно сказалъ:

3*

— Гдѣ наше помѣщеніе?

Все болѣе теряющійся панъ Людвигъ повелъ ихъ къ флигелю, которому такъ и не суждено было служить лазаретомъ.

Въ заново оштукатуренныхъ, выкрашенныхъ комнатахъ пахло известкой и сыростью еще не высохшей краски. У одной стѣны стояли двѣ самодѣльныя деревянныя койки и нѣсколько табуретовъ. Въ открытыя настежъ окна вѣялъ вѣтеръ и случайно занесенные сюда увядшіе листья и соломенки печально дрожали на полу, напоминая о наступившей осени, объ одинокомъ умираніи.

Младшій офицеръ недоумѣнно пожалъ плечами. Поймавъ его жестъ, лейтенантъ разсвирѣпѣлъ, накидываясь на приказчика.

— Это что? Это что? Ты хочешь поселить насъ въ этой собачьей конурѣ? Да я солдатъ здѣсь не оставлю! Веди насъ въ главный домъ...

Ежась, но все еще храня покой своей барыни, приказчикъ пробормоталъ:

— Но, я думалъ...

— Молчать! Разъ я говорю нѣтъ, значитъ нѣтъ!..

И когда панъ Людвигъ исчезъ окончательно уничтоженный и раздавленный грубой настойчивостью нѣмца, лейтенантъ, уставивъ въ бока свои короткія руки и разставивъ ноги, прошипѣлъ, обращаясь къ своему помощнику:

— Видали вы такихъ скотовъ?

Младшій офицеръ баронъ Эрбе-фонъ-Визе презрительно улыбнулся. Потомъ, доставъ изъ кармана щегольскихъ рейтузъ золотой портсигаръ, раскрылъ его и протянулъ фонъ-Шену.

— Не угодно ли сигару, господинъ лейтенантъ? Будемъ довольны, что у насъ осталось хоть это удовольствіе... Я хорошо сдѣлалъ, что запасся этими регаліями. Думаю, до Петербурга не удастся раздобыть такія же.

— О, да, — подхватилъ повеселѣвшій лейтенантъ, уважавшій и даже нѣсколько робѣвшій передъ своимъ подчиненнымъ за его аристократизмъ и умѣнье жить:—я бывалъ въ этихъ краяхъ и, признаться, приходилъ въ ужасъ. Собачья дыра, какъ говорятъ наши молодцы.

Онъ захохоталъ, потрясая своимъ могучимъ животомъ, прыгающимъ надъ туго затянутымъ кушакомъ. Синія облака ароматичнаго дыма скрыли его багровое лицо.

— Вы уже изволили убѣдиться, какъ живутъ здѣсь двуногія свиньи. Пока это все поляки, такая же сволочь, какъ наша, но еще болѣе дикая, среди же помѣщиковъ есть богатые люди, достаточно культурные— у нихъ можно раздобыть бутылку-другую вина.

Лейтенантъ опять пустилъ струю дыма и, скаля зубы, добавилъ:

— Кромѣ того, надо отдать имъ справедливость, между ними попадаются прехорошенькія куколки... Что же касается нашей старухи, то пусть ее разорвутъ на части тысяча дьяволовъ, такъ она мнѣ противна. Но за дѣвочкой можно пріударить.

— Вы неисправимы, господинъ лейтенантъ,—полупрезрительно, полудружески замѣтилъ баронъ.

— Что жъ дѣлать, это моя слабость, — загрохоталъ опять фонъ-Шенъ и сквозь кашель и взрывы смѣха выкрикнулъ:—маленькая дѣвочка нужна воину, какъ саблѣ ножны...

Баронъ серьезно замѣтилъ:

— Слишкомъ сладкіе плоды не по вкусу воину. Поэтому ему нужна женщина: вѣдь и самая сладкая женщина все же горька...

Фонъ-Шенъ продолжалъ смѣяться:

— Да, да, такъ кажется говорилъ нашъ Ницше и еще онъ сказалъ: «если ты идешь къ женщинѣ, не забудь захватить плетку!».

Наконецъ, панъ Людвигъ пришелъ просить господъ офицеровъ въ домъ наверхъ, въ мезонинъ. Онъ распорядился такъ своей властью. Бабися не хотѣла его слушать, когда онъ спрашивалъ у нея совѣта.

— Уходи отсюда, слышишь, уходи,—раздраженно сказала она:—дѣлай, что хочешь и не говори мнѣ о нихъ. Я не хочу ничего знать.

Онъ постарался устроить все такъ, чтобы угодить нѣмцамъ. Раздраженіе бабиси пугало его—онъ опасался, что несдержанная старуха могла этимъ погубить себя.

— Пусть будетъ все такъ, какъ они хотятъ—думалъ онъ, разставляя съ заплаканной горничной мебель, стеля постели:—что дѣлать, они сильнѣе насъ, а папаша мой не перестаетъ молиться и можетъ быть вымолитъ у Бога, чтобъ они скорѣе убрались отсюда.

Потомъ панъ Людвигъ бѣгалъ къ кухаркѣ заказыватъ обѣдъ для офицеровъ, прося ее постараться ради барыни, раздобылъ у себя въ шкафу завѣтную вишневку, потому что непрошенные гости требовали вина, а его не было во всей усадьбѣ. Онъ такъ захлопотался, что почти усталъ.

— Только бы сошло хорошо все, только бы замазать имъ глаза, Іезусъ-Марія, Іезусъ-Марія спаси насъ...

Водворивъ офицеровъ, онъ пошелъ выдавать кормъ лошадямъ. Онъ берегъ это свѣжее душистое сѣно на зиму, онъ жалѣлъ его своимъ конямъ, съ ревнивой скупостью храня то, что составляло его гордость, а теперь нужно было отдавать все это богатство другимъ. Вотъ когда у него заныло сердце.

Весело пересмѣиваясь, солдаты тащили сѣно цѣлыми охапками, почти скрываясь за своей ношей, равнодушно разсѣивая по дорогѣ зеленые душистые клоки, тутъ же втаптывая ихъ въ землю своими тяжелыми сапогами. Они разсыпали только что вымолоченный овесъ, кидая его другъ въ друга, зарывая въ его сыпучую золотую массу свои руки и глядя съ усмѣшкой на приказчика, который готовъ былъ кинуться на нихъ въ эту минуту, чутьемъ такихъ же поселянъ, какъ и онъ, догадываясь о его нестерпимой мукѣ.

Потомъ, управившись съ лошадьми, они разбрелись по саду, заложа руки за спину, дымя своими отвратительными сигарами. Никто не выходилъ имъ навстрѣчу и они сами заходили въ дома къ рабочимъ, въ людскую, гдѣ кухарка уже готовила имъ обѣдъ.

Среди этихъ хорошо вымуштрованныхъ солдатъ было нѣсколько бюргеровъ, оторванныхъ отъ своей кружки пива, нѣсколько фермеровъ, мирныхъ поселянъ, оставившихъ своихъ свиней и картофельныя поля — все ни плохихъ, ни хорошихъ людей, выбитыхъ изъ колеи, испуганныхъ и озлобленныхъ нависшимъ надъ ними несчастьемъ, грубостью начальства, дикими разсказами о варварствѣ врага, оскорбленныхъ за своего кайзера,—самаго великаго человѣка въ мірѣ, будто-бы преданнаго злодѣями.

Размягченные окружавшей ихъ мирной обстановкой, напоминающей имъ покинутую родину, они сна-

чала вели себя скромно, но съ насыщеніемъ къ нимъ возвращались ихъ инстинкты забитыхъ, развращаемыхъ животныхъ, ихъ стала раздражать молчаливая уступчивость тѣхъ, кого они грабили. Тогда началась дикая разнузданная охота на женщинъ.

VIII.

Всю ночь бабися и Маша слышали доносившіеся до нихъ крики и пѣнье. Только запертый на всѣ двери барскій домъ полонъ былъ насторожившейся тишины. Изрѣдка только сверху долеталъ заглушенный говоръ и раскаты смѣха: это въ мезонинѣ веселились, какъ могли, офицеры, распивая завѣтную наливку пана Людвига. Потомъ и они замолкли.

Маша не шла къ себѣ въ комнату, которая была рядомъ со спальней бабиси. Она прикурнула у изголовья бабисиной кровати, поминутно вздрагивая отъ головы до ногъ судорожной дрожью, то забываясь, то приходя въ себя и каждый разъ съ особенной ужасающей ясностью ощущая свое безвыходное положеніе.

Среди ночи она внезапно вскочила въ дикомъ ужасѣ. Ей почудилось, что кто-то ходитъ по дому. Она бросилась на середину комнаты, не зная, за что взяться, куда бѣжать.

Бабися тихо позвала ее:

— Маша, Маша успокойся.

Тогда только она пришла въ себя и, упавъ на грудь старухѣ, разрыдалась.

Бабися медленно гладила ее по головѣ, смотря на тлѣющую лампаду у кіота, потомъ сказала:

— Довольно, не нужно плакать, не нужно бояться.. научись ихъ презирать, какъ я...

Дѣвушка подняла лицо все мокрое отъ слезъ и пробормотала:

— О, какъ я ихъ ненавижу, какъ ненавижу...

Внезапно подъ строгимъ и спокойнымъ взглядомъ бабиси, она почувствовала такой жгучій приливъ ненависти, такое властное желаніе растерзать, уничтожить этихъ варваровъ. Въ ней заговорила женщина, защищающая свою честь, свое гнѣздо, самое дорогое, что у нея есть.

Она чутьемъ догадывалась, чего хотятъ эти животныя, на что посягаютъ тамъ въ жилищахъ ея рабочихъ. Вся кровь прилила ей въ голову. И тѣмъ больнѣе, тѣмъ острѣе было въ ней это чувство, что до сихъ поръ она не задумывалась надъ этимъ, дѣвичій стыдъ скрывалъ отъ нея дѣйствительность.

Она поднялась съ кровати и съ горящими глазами, полная рѣшимости пошла къ двери.

— Куда ты?

— Сейчасъ, сейчасъ, бабися, я хочу осмотрѣть домъ.

Колеблемый въ рукахъ ея огонь свѣчи желтымъ серпомъ разрѣзалъ передъ нею сгустившуюся неподвижную темень.

Она прошла одну комнату за другой, не ощущая обычнаго ночного страха. Легкой увѣренной походкой дойдя до дѣвичьей, она остановилась и, поднявъ надъ головою свѣчу, прислушалась.

Слава Богу, оттуда доносилось спокойное похрапываніе. Кухарка и горничная были въ безопасности и спали мирнымъ сномъ.

Она нѣсколько минутъ стояла передъ дверью, впервые ощущая въ себѣ материнское чувство къ этимъ женщинамъ, за которыхъ такъ изболѣлось сердце. По-

томъ медленно повернулась, чтобы вернуться къ бабисѣ, но какой то подозрительный шорохъ заставилъ насторожиться, вытянуть впередъ руку со свѣчей, освѣщая дальніе углы буфетной. Сердце опять тревожно забилось, снова овладѣли сомнѣнія.

Невольно она подняла глаза къ потолку, туда, гдѣ находились теперь они, ея враги. Но повторившійся шорохъ, осторожный скрипъ половицы, заставилъ ее пристальнѣй вглядѣться въ окружающую ее темноту.

И до ужаса нежданно, совсѣмъ близко отъ себя она увидала нѣмецкаго офицера, того, кто говорилъ давеча съ бабисей по-польски.

Лейтенантъ фонъ-Шенъ увидавъ, что его замѣтили, любезно осклабился.

Было мгновеніе, что Маша готова была крикнуть, бросить свѣчку и убѣжать, но сейчасъ же невѣроятнымъ напряженіемъ воли она сдержала себя и въ упоръ глядя на нѣмца, не шевельнулась, только рука со свѣчей незамѣтно дрогнула.

Фонъ-Шенъ улыбнулся еще шире, приложивъ руку къ груди, всей фигурой своей выражая восхищеніе.

Маша тихо, но твердо спросила.

— Вамъ что-нибудь угодно, господинъ офицеръ?

Онъ сдѣлалъ еще шагъ впередъ и отвѣтилъ самымъ сладкимъ голосомъ, какимъ только могъ.

— О, уважаемая барышня, мои желанія такъ скромны. Оторванный войной отъ обычной обстановки, я стосковался всей душой по дамскому обществу... Еслибы вы могли мнѣ удѣлить нѣсколько минутъ вниманія...

Чувствуя, какъ постепенно ею овладѣваетъ холодная ненависть, смѣняющая ея невольный страхъ, Маша молвила безстрастно.

— Теперь, сударь, не время и не мѣсто для разговоровъ—и повернулась готовая уйти, но лейтенантъ схватилъ ее за руку, бормоча все еще заискивающе и возбужденно:

— О, милая барышня... подождите... я такъ восхищенъ вами...

Она вырвала свою руку изъ его пальцевъ съ такимъ отвращеніемъ, съ такой поспѣшностью, точно боялась запачкаться. Близко приблизивъ къ офицеру свѣчу, она бросила ему съ уже нескрываемой ненавистью:

— Еслибы вы знали, какъ вы мнѣ отвратительны! Ступайте къ себѣ наверхъ и помните, что если русская женщина по необходимости терпитъ васъ у себя въ домѣ, то это не значитъ, чтобы она васъ не умѣла презирать.

И рѣшительно повернувшись спиной къ озадаченному лейтенанту, она пошла къ себѣ въ комнату, все также держа передъ собою пылающую свѣчу, чувствуя, какъ трепещетъ въ ней каждый мускулъ, какъ бѣшенно колотится сердце.

Растерянный лейтенантъ стоялъ нѣкоторое время неподвижно, потомъ понявъ, что все потеряно, что имъ пренебрегаютъ, не считаются съ нимъ, какъ съ мужчиной и побѣдителемъ, онъ пришелъ въ бѣшенство, въ изступленіе звѣря, котораго раздразнили запахомъ мяса, и, бормоча ругательства, кинулся за дѣвушкой, натыкаясь на мебель, на двери, все болѣе свирѣпѣя.

Онъ настигъ ее на порогѣ ея комнаты. Маша готова была уже закрыть двери за собою, защелкнуть ихъ на замокъ, но онъ рванулъ ихъ къ себѣ съ такой силой, что она едва не упала.

Первое мгновенье Маша хотѣла кинуться къ бабисѣ, которая дремала тутъ же въ сосѣдней комнатѣ. Но

потомъ поняла, что это не спасетъ ея, что такой врагъ не пощадитъ сѣдинъ старухи, что она только напугаетъ и быть можетъ погубитъ ее.

Тогда она повернулась къ лейтенанту, готовая дорого продать свою честь, почти торжествуя, что насталъ часъ ея расплаты...

Бабися, проснувшаяся отъ шума и стука, увидала сквозь полуотворенную дверь, какъ вильнулъ въ послѣдній разъ огонь свѣчи въ рукахъ внучки и съ трескомъ грохнулся на полъ подсвѣчникъ.

Уже при первомъ шумѣ, донесшимся изъ дальнихъ комнатъ, старуха поняла, что должно случиться что-то ужасное, что Маша въ опасности. И, приподнявшись съ подушекъ, какъ то особенно остро чувствуя свои неподвижныя ноги, она протянула руки, точно ловя ими что-то въ воздухѣ, безсильная помочь, измученная, почти раздавленная ужасомъ; въ одно мгновеніе перебравъ тысячу способовъ спасти ту, которую она такъ мучила раньше, и не находя выхода.

Грохотъ оброненнаго Машей подсвѣчника потрясъ до конца все существо старухи, казалось убилъ въ ней теплившуюся еще жизнь, но внезапно что-то подхватило ее, вернуло всѣ угасшія, казалось, силы, точно осѣнило свыше.

Упершись руками въ край кровати, она вобрала въ свою дряхлую, теперь помолодѣвшую грудь воздуху и крикнула:

— Казаки! казаки!..

Это былъ какой то торжествующій вопль, наполнившій всѣ углы дома.

Только ужасъ, отчаяніе, ненависть и самоотверженная любовь могли родить этотъ крикъ послѣдней рѣшимости, безграничной вѣры. И она кричала свое по-

бѣдное слово «казаки», бросала его, какъ камень коварному врагу снова и снова, не давая ему опомниться и наконецъ обративъ въ бѣгство, въ постыдное бѣгство передъ чѣмъ то, что было сильнѣе его храбрости тупого солдата, преслѣдовала и настигала его, наводя ужасъ, паническій ужасъ своимъ: «казаки».

— Казаки! казаки!..

И только, когда Маша кинулась къ ней, прижалась къ ея напряженной груди, она замолкла и, вцѣпившись худыми своими пальцами въ волосы внучки, съ безумьемъ и страданьемъ заглянула ей въ глаза.

— Жива?.. Тутъ?..

— Да, да, тутъ, тутъ, бабися...

— А онъ?

Все еще дрожа, какъ въ лихорадкѣ, Маша отвѣтила.

— Вы прогнали его... О, бабися, спасибо, спасибо...

Но старуха зажала ей ротъ, прислушиваясь къ удаляющимся поспѣшнымъ шагамъ врага, къ стуку наружной двери.

Потомъ съ облегченіемъ вздохнула.

— Ну, слава Богу, ушелъ... Торопись... Онъ скоро вернется, и тогда тебѣ не спастись, встань... скорѣе, скорѣе! Возьми тутъ въ тумбочкѣ деньги... ихъ достаточно, одѣнь пальто, платокъ, все-равно что, разбуди прислугу и бѣги съ ней...

— Отъ васъ, бабися?

— Молчи, не время... Да дѣлай же, что тебѣ говорятъ.

Она болѣзненно сморщилась:—Ты нужнѣе будешь тамъ среди раненыхъ. Здѣсь мое мѣсто, я не годна ни на что другое...

Она приказывала, какъ въ былое время.

Маша повиновалась, не могла не повиноваться. Инстинктъ жизни, ея сердце подсказывали ей, что бабися права.

Бабися шептала:

— И не забудь прислугу... слышишь... возьми ее и бѣгите въ лѣсъ, къ лѣснику... потомъ онъ увезетъ васъ дальше...

Уже одѣтая, съ деньгами въ рукахъ, Маша остановилась передъ старухой, вновь не понимая, какъ могла она ее послушать, готовая на всякую муку, лишь бы остаться съ ней.

— Но это же невозможно, бабися! Я не могу, не могу уйти... Они оскорбятъ васъ, насмѣются надъ вами. Нѣтъ, я не брошу васъ...

Маша стала на колѣни у края кровати, съ мольбой глядя на старуху. Та молвила строго, глазами приказывая встать:

— О, я сумѣю поговорить съ ними. Они узнаютъ, что такое русская женщина... Будь же и ты достойна этого имени...

И сейчасъ же, смягчившись и улыбаясь любовно, отчего такъ необычно засвѣтилось все ея сморщенное лицо, она добавила поспѣшнымъ шепотомъ: — ну же, ну, моя дѣвочка... дѣлай то, что я говорю тебѣ... бѣги, бѣги пока не поздно и да благословитъ тебя Богъ... на трудное дѣло, на новую жизнь...

Она медленно перекрестила дѣвушку и поцѣловала въ лобъ.

И когда Маша, въ послѣднiй разъ припавъ къ ея рукѣ, глянула ей въ лицо, передъ тѣмъ, чтобы оставить бабисю надолго, быть можетъ навсегда,—она уже больше не колебалась.

Сіяющее лицо старухи напутствовало ее въ далекій путь, въ жизнь.

Неподвижно сидѣла бабися на своей кровати. Она слышала, какъ Маша легкой стопой пробѣжала въ дѣвичью, какъ раздался тревожный шепотъ, голосъ разбуженной прислуги, потомъ звонъ отворяемаго окна и все замерло.

Тогда, глядя полными слезъ глазами на образъ, она перекрестилась, помедлила еще нѣкоторое время, почувствовавъ вдругъ невѣроятную боль въ суставахъ ногъ и, опустивъ руки на полъ, сползла съ кровати.

Потомъ достала съ ночного столика коробку спичекъ и, цѣпляясь за доски пола, поползла къ двери.

Ей казалось, что она ползетъ цѣлую вѣчность. Она оглядывалась на свои искалѣченныя ноги, тянущіяся за ней, какъ непосильная ноша, и въ ней опять закипало раздраженіе, досада на себя. Нѣсколько разъ останавливаясь, мучимая болью, она чутко прислушивалась, но въ домѣ все было мертво.

Наконецъ, она достигла порога, приподнявшись, съ усиліемъ повернула ключъ. Замокъ щелкнулъ, никто уже не могъ помѣшать.

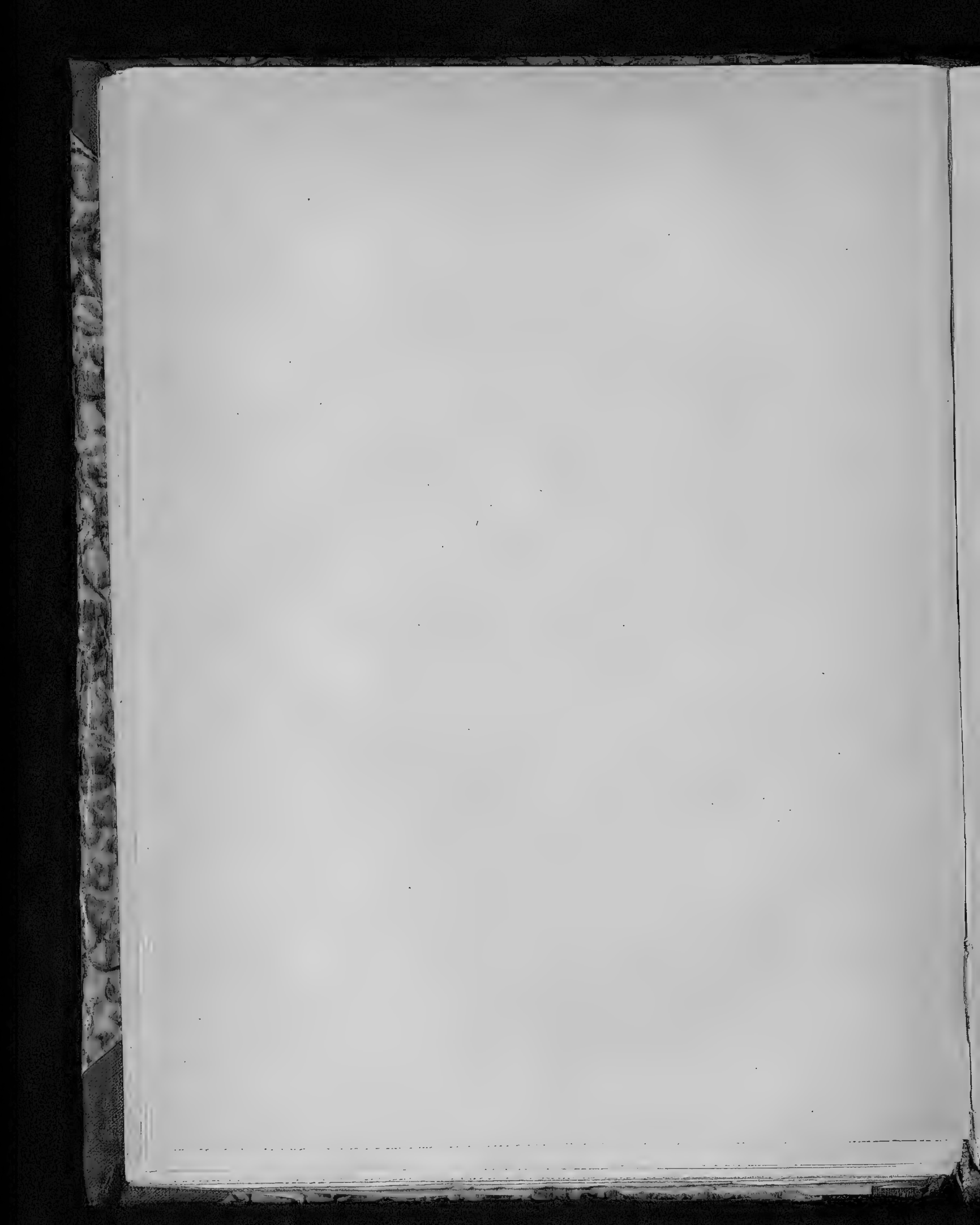
Сѣвъ на полъ, она чиркнула спичкой и поднесла потрескивающее маленькое пламя къ портьерѣ.

Потомъ успокоенная, со вздохомъ облегченія растянулась на полу и закрыла глаза.

Юрій Слёзкинъ.

МОЕ СЕРДЦЕ

БОРИСЪ ЛАЗАРЕВСКІЙ

МОЕ СЕРДЦЕ.

I.

Какъ и многихъ извѣстіе о началѣ войны застало насъ на дачѣ. Жили мы на югѣ, въ мягко шумѣвшемъ еловомъ лѣсу.

Я была замужемъ уже восьмой годъ. За это время я успѣла не только примириться съ долей жены чиновника контрольной палаты, получающаго двѣ тысячи четыреста рублей въ годъ, но и полюбить какъ-то по новому его, милаго труженика и необыкновенно добраго человѣка, отца моихъ дѣтей: семилѣтняго Миши и трехлѣтней Маруси. Еще не такъ давно я не сомнѣвалась, что, соединивъ свою жизнь съ Григоріемъ Николаевичемъ или какъ я называю его Жоржемъ,— сдѣлала непоправимую ошибку, потому что любила и люблю Леню, — двадцатишестилѣтняго поручика запаса кавалеріи и помѣщика, который часто шутилъ, говоря, что не знаетъ, зачѣмъ онъ родился на свѣтъ.

Я и Леня никогда не считались женихомъ и невѣстой и бывалъ онъ у насъ въ домѣ давно въ дни моей юности, когда семья наша жила въ Петроградѣ и я еще училась.

Ни моя мать, ни сестры Надя и Таня никогда не подозрѣвали, до какой степени былъ онъ дорогъ моему сердцу. Да и трудно было предположить, чтобы такая вѣчно-занятая «зубрилка», какой считали меня домашніе и подруги по гимназіи, могла полюбить, по ихъ мнѣнію, легкомысленнаго офицера.

А между тѣмъ я увлекалась не только наружностью Лени, а именно его глубокомысліемъ. Какъ это ни странно, но я была убѣждена, что Леня знаетъ о людяхъ и ихъ жизни гораздо больше, чѣмъ любой изъ моихъ учителей. Слушать его собственныя теоріи о Богѣ, о добрѣ и злѣ, а главное о любви бывало для меня огромнымъ наслажденіемъ. Леня часто повторялъ, что большое счастье на этомъ свѣтѣ возможно только при одномъ условіи: полной независимости другъ отъ друга тѣхъ, кто любитъ.

«Свобода дороже всего оттого, что она единственный путь къ этому счастью»...

Всѣ думали, что Леня бываетъ у насъ потому, что ему некуда дѣваться и потому, что ему нравится моя сестра Надя; а я, еще не услыхавъ отъ него ни одного ласковаго слова, уже знала навѣрное, что приходитъ онъ только ради меня, мало того: я не сомнѣвалась, что этотъ офицеръ до самой смерти будетъ играть въ моемъ существованіи огромную роль.

Леня чудесно игралъ на роялѣ, даже немножко сочинялъ, по большей части печальные, похожіе на похоронные, марши. Мою маму его музыка раздражала и даже пугала, вѣроятно казалась дурнымъ предзнаменованіемъ. Великій лѣнтяй отъ природы, Леня не хотѣлъ серьезно отдаться искусству и не зналъ, на которой линейкѣ ставится нота «до» и на какой «ми».

Его привелъ къ намъ въ домъ и познакомилъ мой

теперешній мужъ, Григорій Николаевичъ, тогда студентъ послѣдняго курса юридическаго факультета и репетиторъ моихъ сестеръ.

Я была въ седьмомъ классѣ, когда Жоржъ въ первый разъ попробовалъ объясниться мнѣ въ любви, но меня это объясненіе только разсмѣшило.

Жили мы тогда на большой дачѣ въ Финляндіи. Жили богато и весело. Отецъ занималъ мѣсто вице-директора одного изъ департаментовъ. Былъ онъ сухой и важный, но вспыльчивый, лицомъ очень напоминалъ писателя Григоровича. Отецъ пріѣзжалъ только по праздникамъ и тогда въ домѣ слышались одни серьезные разговоры. Мы — дѣти побаивались его и я даже не знаю, любили ли?

Но съ понедѣльника и до субботы, я и сестры, средняя Надя и еще совсѣмъ маленькая Таня, дѣлали, что хотѣли, а вѣрнѣе ничего не дѣлали. Постоянными нашими кавалерами были Жоржъ и Леня, остальной составъ мѣнялся.

Леня о своихъ чувствахъ никогда и ничего не говорилъ, а если видѣлъ выраженіе влюбленности на лицѣ Жоржа, — только посвистывалъ и шевелилъ бровями. Потомъ онъ уѣхалъ въ Красносельскій лагерь и долго не появлялся, а Жоржъ, наоборотъ, на правахъ бездомнаго студента, по просьбѣ моей матери, переѣхалъ къ намъ жить, какъ будто на время, да такъ и остался навѣки.

Я видѣла своего теперешняго мужа каждый день за утреннимъ чаемъ, за завтракомъ и за обѣдомъ, и не замѣчала его. У меня не было даже фотографической карточки Лени и тѣмъ не менѣе мнѣ казалось, что онъ гдѣ-то близко и все время думаетъ обо мнѣ. Я знала это навѣрное. Онъ часто мнѣ снился.

И теперь, черезъ девять лѣтъ, я не могу забыть одного изъ этихъ сновъ: видѣла его въ солдатской грубой шинели, но съ офицерскими погонами и почему-то замѣтила, что одна пола этой шинели немного длиннѣе другой и на плечахъ у него какіе-то ремни, а не обычная золотая портупея; будто подошелъ, обнялъ, поцѣловалъ меня горячими губами въ лѣвый глазъ и потупился. Когда онъ поднялъ голову, я увидѣла, что Леня плачетъ. И проснулась...

И больше ничего не видѣла, а между тѣмъ впечатлѣніе осталось страшное, какое бываетъ послѣ того, когда смотришь на близкаго человѣка въ гробу.

Я два дня ходила, какъ сумасшедшая и отвѣчала на вопросы матери и сестеръ невпопадъ. Написала ему открытку въ Красное Село, думала, что онъ не пріѣдетъ, а онъ, милый, прискакалъ съ серьезными молчаливыми губами и много говорящими глазами. Пріѣхалъ даже въ будній день, совсѣмъ вечеромъ.

На небѣ была полная луна, море казалось похожимъ на молоко. Ясно выдѣлялся на горизонтѣ Кронштадтскій соборъ. Послѣ бѣлыхъ ночей радостно и пріятно было глядѣть на серебряную луну и на звѣзды.

Папа находился въ городѣ, а мама у насъ была добрая и не запрещала гулять хоть до разсвѣта.

Мы съ Леней нарочно убѣжали отъ сестеръ безъ Жоржа, чтобы они насъ не нашли, долго и быстро мы шагали по берегу и зашли Богъ знаетъ куда, вѣроятно верстъ за десять. Въ эту ночь мы только одинъ разъ поцѣловались, немножко сентиментальнымъ безгрѣшнымъ поцѣлуемъ. Но клянусь моими дѣтьми, съ тѣхъ поръ, уже будучи замужемъ, я ни разу не переживала такого счастья.

Я была очень искренна съ Леней, хотя о томъ, какъ видѣла его во снѣ, почему-то не сказала ни тогда, ни послѣ. Прошло уже много лѣтъ, но я и до сихъ поръ помню все, что онъ говорилъ.

Въ этотъ разъ мы почему-то особенно много разсуждали о Лермонтовѣ:

— Еслибы я былъ женщиной, вырвалось у Лени, то я за одинъ поцѣлуй такого человѣка отдалъ бы всю жизнь, а онѣ — эти Варечки Лопухины, эти Сушковы, Бухаровы требовали, чтобы поэтъ, поэтъ Божьей милостью, велъ себя, какъ добрый буржуа, который непремѣнно обязанъ жениться и народить кучу крикливыхъ дѣтей... Вѣдь каждая только и ждала, сдѣлаетъ или не сдѣлаетъ онъ ей предложеніе? Одна только была чуткая и умная женщина, которая знала и понимала цѣну этому корнету — это его бабушка, старуха Арсеньева. Вы вотъ почитайте, какія онъ ей письма писалъ... Знаете, вотъ наше училище не всѣ любятъ, а оно хорошее, особенное... Отрицательные типы вездѣ бываютъ, но изъ него вышло много настоящихъ героевъ и рыцарей безъ страха. И мнѣ кажется, что присутствіе въ нашемъ зданіи Лермонтовскаго музея, играетъ свою невидимую, но очень большую роль...

Сказавъ все это, Леня надолго замолчалъ. Молчала и я, и думала:

«Какъ же это Леня можетъ такъ говорить о Лермонтовѣ, котораго убили много лѣтъ назадъ, точно онъ его лично зналъ, точно поэтъ былъ его однокурсникомъ...».

Помню, я тогда спросила, кто на этомъ свѣтѣ лучше, мужчины или женщины, а Леня отвѣтилъ тоже вопросомъ:

— Что лучше нарцисъ или фіалка?

— И то и другое прекрасно.

— Ну такъ вотъ...—коротко пробормоталъ Леня.

— А гдѣ можно быть болѣе полезнымъ, въ военной службѣ или на гражданской?

— Полезнымъ можно быть тамъ, гдѣ дѣло человѣка производитъ впечатлѣніе, а впечатлѣніе получается отъ всего талантливаго и красиваго, значитъ, мнѣ опять придется спросить, что лучше нарцисъ или фіалка? Поняли?

— Поняла.

— Ну и слава Богу, а то, вѣдь, есть много людей, какъ будто чрезвычайно знаменитыхъ и умныхъ, а такихъ простыхъ вещей до сихъ поръ они не знаютъ.

Мы встали съ повалившейся сосны, на которой сидѣли, и медленно пошли обратно. Когда были уже недалеко отъ нашей дачи, начало всходить солнце, но намъ его видно не было, я только замѣтила, что кончикъ шпиля на башенкѣ нашего мезонина сталъ краснымъ, а крыша оставалась еще темной.

Леня пошелъ спать въ комнату Жоржа, а я къ сестрамъ. Ни одна изъ нихъ не проснулась.

Я подумала, что навѣрное и Жоржъ мирно почиваетъ и что будутъ всѣ они цѣлую жизнь спать.

«Ахъ, если бы Леня догадался и завтра убѣдилъ ихъ, что мы вернулись совсѣмъ не поздно, вѣрнѣе не рано,—какъ было бы это хорошо, а еще лучше, еслибы онъ завтра цѣлый день не подходилъ ко мнѣ и ухаживалъ бы за Надей. Тогда ни у кого не зародилось бы никакихъ подозрѣній и сладость тайны нашей духовной близости стала бы еще острѣе»...

И онъ, милый, угадалъ мои мысли и на слѣдующій день поступилъ именно такъ, какъ хотѣла, а вечеромъ опять уѣхалъ.

Мы увидѣлись только уже въ Петроградѣ, осенью.

II.

Теперь буду продолжать разсказывать совсѣмъ откровенно, какъ и когда я почуяла и узнала навѣрное, что люблю Леню больше всего на свѣтѣ, больше самой себя.

Чисто мое сердце и мое тѣло, и я знаю, что если когда-нибудь эти строки прочтутъ мои дѣти, они не осудятъ меня, только пусть не увидитъ ихъ Жоржъ, чтобы не страдалъ человѣкъ, отдавшій мнѣ свою жизнь, у котораго не было другихъ радостей кромѣ меня.

Итакъ, наступилъ учебный годъ. Я очутилась въ восьмомъ классѣ, Надя въ шестомъ, а Таня въ третьемъ. Папа аккуратно ходилъ на службу и спалъ послѣ обѣда, мама аккуратно заботилась о его здоровьѣ и карьерѣ, а мы, дѣвочки, учились и жили въ свое удовольствіе. И хотя я и сестры были не сироты и люди не бѣдные, но какъ теперь понимаю, росли безъ всякаго надзора, — мама заботилась только о нашей внѣшности. И платьевъ, и всякихъ ботинокъ, и туфель у насъ было предостаточно. Они радовали только Надю, Таня была еще ребенкомъ, а я уже поняла, что даже для женщины одежда это еще не все.

Въ восьмомъ классѣ положительно нечего было дѣлать. Оставалось читать и ждать, когда придетъ Леня. У Жоржа предстояли государственные экзамены и онъ отрывался отъ своихъ учебниковъ только для обѣда и для того, чтобы позаниматься съ сестрами.

По моимъ наблюденіямъ, и къ моей великой радости, Надя безусловно была въ него влюблена. Правда, чисто по дѣтски, иногда она нарочно мучила его просьбами рѣшить какую-нибудь очень трудную алге-

браическую задачу. Жоржъ ежился, морщился, но отказать не смѣлъ и только умоляюще смотрѣлъ на меня, а я уходила.

По субботамъ у насъ бывали журъ-фиксы. Взрослые сидѣли въ гостиной или въ кабинетѣ у отца и по большей части играли въ бриджъ. А двѣ-три гимназистки, товарищъ Жоржа, студентъ съ очень странной фамиліей — Непытайло и мои сестры — въ столовой.

Леня никогда не приходилъ въ эти дни и можетъ быть потому я держалась «нейтральнымъ государствомъ», впрочемъ, до тѣхъ поръ, пока сама не научилась играть въ «бриджъ».

Не знаю, умышленно или неумышленно, но Леня являлся обыкновенно послѣ обѣда, когда папа спалъ, мама уходила въ городъ за покупками, а сестры учились. Какъ разъ въ это время, отъ семи до восьми, Жоржъ занимался съ Таней: объяснялъ ей географію, которой она терпѣть не могла, а потомъ рѣшалъ безконечныя задачи. Какъ у старшей, у меня была совсѣмъ отдѣльная комната, и, сидя здѣсь съ Леней, я чувствовала, какъ ревнуетъ и мучается тамъ за своей географіей Жоржъ.

Мнѣ кажется, что Леня былъ мнѣ особенно дорогъ потому, что я за все время нашего знакомства ни разу не услыхала отъ него избитаго слова «люблю». И какъ это ни странно, чѣмъ яснѣе и сильнѣе разгоралось мое чувство и, какъ я была убѣждена, и чувство Лени, тѣмъ меньше говорили мы о любви. Изрѣдка только обмѣнивались горячими долгими рукопожатіями.

Одной изъ постоянныхъ темъ нашихъ разговоровъ было рѣшеніе вопроса о томъ, что нравственно, а что

безнравственно. Леня отвѣчалъ на него очень просто: нравственно все, что естественно, все, что вложено въ человѣка природой, а безнравственно все то, что мѣшаетъ жить другимъ людямъ. Я съ этимъ никакъ не могла согласиться, потому что для каждой изъ дѣвушекъ весьма естественно увлечься женатымъ человѣкомъ, какъ и для замужней холостымъ и весьма естественно желать взаимности, но это будетъ мѣшать жить женѣ того субъекта.

Если же полюбившіе сумѣютъ скрыть свои чувства и близость, то не обойдутся безъ лжи, которая всегда не только отвратительна, но и мучительна.

По моей теоріи, нравственной являлась только близость абсолютно свободныхъ и никогда не любившихъ никого, кромѣ другъ друга, людей.

Должно быть, Господу Богу было угодно наказать меня за столь узкое понятіе о нравственности и о любви. И мнѣ, такъ всей душой ненавидѣвшей ложь, пришлось затѣмъ скрывать свои чувства и тянуть комедію преданности мужу въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ.

Когда приходилъ Леня, я чувствовала себя счастливой съ головы до пятокъ. Время въ эти дни всегда летѣло изумительно быстро. Однажды, я даже заподозрѣла Леню въ томъ, что онъ повернулъ стрѣлки часовъ, пока я сбѣгала въ комнату къ сестрамъ за томикомъ Толстого, о которомъ мы говорили.

Но въ домѣ у насъ былъ показатель времени гораздо болѣе точный, чѣмъ часы—это папа. Ровно въ половинѣ девятаго раздавался его сухой чиновничій кашель, это означало, что онъ проснулся и сейчасъ выйдетъ въ столовую къ чаю, за которымъ должна была присутствовать вся семья. Нашъ tête-à-tête съ Леней прерывался, я видѣла, какъ онъ начиналъ разговаривать,

какъ будто особенно внимательно съ моей сестрой Надей. Я не испытывала ни малѣйшей ревности, потому что знала навѣрное, что это какъ будто и на самомъ дѣлѣ «какъ будто». И слова, которыя произноситъ Леня, говорятся не для Нади, а для мамы, чтобы она не заподозрѣла о нашемъ счастьѣ.

Уходилъ онъ обыкновенно ровно въ одиннадцать часовъ, и только одна я замѣчала въ его карихъ глазахъ тоску.

Потомъ изъ моей комнаты (мы жили въ третьемъ этажѣ) долго мнѣ казалось, что я слышу съ улицы звонъ его шпоръ.

Передача мыслей на разстояніи — удивительное дѣло, я замѣтила эту способность человѣческаго организма еще давно и была склонна объяснять ее, какъ явленіе сверхъестественное. Но въ шестомъ классѣ, на урокахъ физики, я услышала о радіо-телеграфѣ, который дѣйствуетъ безъ проводовъ, и тогда же мнѣ пришло въ голову, что какъ дѣйствіе телеграфа есть результатъ человѣческой воли и любви къ извѣстной идеѣ, такъ и способность угадывать и чувствовать, что дѣлается съ близкимъ человѣкомъ, есть результатъ воли и любви.

Во вторникъ перваго сентября я шла по Невскому изъ публичной библіотеки и безъ всякаго повода вспомнила о Ленѣ. Черезъ какую-нибудь минуту я уже встрѣтила его возлѣ Екатерининскаго сквера.

Не всѣ знаютъ и не всѣ вѣрятъ, что лучшее время года въ Петроградѣ — это осень, что въ сентябрѣ почти не бываетъ дождей, и умирающая природа на островахъ безконечно красива и трогательна.

— Гдѣ были?—просто спросилъ Леня.

— Въ библіотекѣ.

— Зачѣмъ?

— Да нужно было одного автора по педагогикѣ достать.

— Что-жъ?

— Конечно, не достала...

До Аничкина моста мы прошли не разговаривая; Леня поглядѣлъ на воду, на небо, и тономъ человѣка, не сомнѣвающагося, что онъ услышитъ утвердительный отвѣтъ, произнесъ:

— Возьмемъ «таксу» и поѣдемъ на острова.

И странно, въ этихъ шутливыхъ и какъ будто немножко грубо-сказанныхъ словахъ, я уловила ноту огромной нѣжности. Иногда въ письмѣ близкаго человѣка, написанномъ въ игривомъ тонѣ, гдѣ то между строками угадываешь ласку, съ которой въ сердцѣ бралъ перо тотъ, кто писалъ. Дальше въ жизни я замѣтила, что этой искусственной грубости боятся только неразвитыя женщины, требующія, чтобы въ словахъ любимаго человѣка было побольше сахара.

Я ничего не отвѣтила Ленѣ, ибо, по моему, для него уже давно было ясно, что все, чего хочетъ онъ, хочу и я.

Автомобиль попался неважный. Потряхивало. Трусливый шоферъ на углахъ замедлялъ ходъ, и мы до «стрѣлки» ѣхали почти цѣлый часъ. Здѣсь вышли и здѣсь, въ первый разъ, я сама взяла Леню подъ-руку.

Онъ не удивился.

Я ужасно обрадовалась морю, и мнѣ казалось, что мы съ Леней очутились опять на дачѣ въ Финляндіи, покакъ въ ту ночь, когда говорили о Лермонтовѣ. Потомъ эта радость прошла. Леня, какъ и всегда, хорошо владѣлъ собой, но я почуяла, что, по выраженію

одной моей милой подруги — его что-то «крутитъ». И дѣйствительно, когда мы сѣли, Леня вдругъ выпалилъ:

— А я думаю подавать въ запасъ и уѣхать въ деревню.

— Почему?

— Да такъ, не удовлетворяетъ меня городская жизнь...

— А служба?—робко спросила я.

— Службу свою я люблю, а только безъ войны иногда скучно бываетъ.

Онъ вдругъ засмѣялся и продолжалъ:

— Всѣ думаютъ, что война — это обыкновенно слѣдствіе какихъ то неудачныхъ дипломатическихъ переговоровъ, а я думаю, что это явленіе стихійное и что похоже оно на болѣзнь огромнаго организма, у котораго вдругъ разстроилась компенсація, а затѣмъ и кровообращеніе. И въ самомъ дѣлѣ, если вы посмотрите на карту Европы, то желѣзныя дороги и вообще пути сообщенія вамъ непремѣнно напомнятъ систему сосудовъ на анатомическомъ препаратѣ. Такъ оно и выходитъ. Когда желѣзныя дороги великолѣпно дѣйствуютъ, тогда великолѣпно проходитъ и мобилизація, и духъ людей, какъ и духъ отдѣльнаго организма, бодръ, а для войны это главное. Въ Японскую войну люди ѣхали до Харбина въ теплушкахъ иногда сорокъ дней, и воображаю, какими они туда пріѣзжали!.. А впрочемъ, все это только теорія, на практикѣ же мнѣ хочется перехитрить самого себя и прожить на этомъ свѣтѣ такъ, чтобы хоть одна душа помнила меня до послѣдняго своего издыханія. Единственно, чего я боюсь—это забвенія.

Я подумала, что для Лени такая душа, которая его никогда и ни при какихъ обстоятельствахъ не за-

будетъ—это я. Онъ повернулъ голову въ мою сторону и, съ болью въ голосѣ, сказалъ:

— Чтобы потерять человѣка — нужно съ нимъ сблизиться надолго, только разрывъ во времени создаетъ настоящій цементъ и ту любовь, которую не могутъ одолѣть и «врата адовы».

Такъ разговаривали мы до самаго захода солнца, а потомъ надолго замолчали, но было ясно, что ни ему, ни мнѣ не хочется уходить. Не было жалко шофера, потому что я знала щедрость Лени. Я не боялась и разспросовъ дома: почему опоздала къ обѣду?

Почти всѣ автомобили и экипажи другихъ гуляющихъ уже разъѣхались.

Я не замѣтила, какъ сѣло солнце и заблестѣла на зеленомъ небѣ всегда милая Венера.

Леня всталъ, пошелъ къ нашему шоферу, что-то сказалъ ему и снова вернулся.

Черезъ полчаса стало темно и холодно. Меня передернуло.

Спокойно, сильными руками, точно ребенка, Леня взялъ меня за талію и посадилъ къ себѣ на колѣни. Сначала тихо поцѣловалъ въ щеку, въ оба глаза, а потомъ вдругъ впился въ мою шею долгимъ жгучимъ поцѣлуемъ. Оторвался и спросилъ:

— А теперь не холодно?

Въ отвѣтъ я только прижалась къ его плечу. Не знаю, почему въ этотъ разъ мы не поцѣловались въ губы, — онъ не хотѣлъ, а я не посмѣла. Еще черезъ пять минутъ Леня нѣжно отстранилъ меня и коротко произнесъ:

— А теперь домой.

III.

Радостно и спокойно проходило время до перваго января.

Подъ новый годъ собрались подруги Нади, пришелъ студентъ Непытайло и та моя подруга Катя, которая любила говорить: «ты крутишь», или «она скрутила». Катя — милое и взрослое дитя, хотя была годомъ старше меня.

Мы рѣшили гадать, сначала на картахъ, а затѣмъ лили воскъ и смотрѣли, что выходитъ на тѣни. Я принимала участіе во всемъ этомъ только отъ скуки, но тяжело мнѣ не было, потому что сердце знало навѣрное, что Леня въ эти минуты думаетъ обо мнѣ.

У Нади хранились особыя карты, на каждой изъ нихъ было написано значеніе. Слѣдовало, открывая одну за другой карты, произносить: тузъ, двойка, тройка и т. д.

Я никакъ не могла запомнить, нужно ли начинать съ туза или съ двойки, и всѣ надо мной громко подсмѣивались. Смѣялась и я сама до тѣхъ поръ, пока цѣлыхъ четыре раза подъ-рядъ не открылись: десятка пикъ — «усопшій» и тузъ пикъ — «несчастіе». Видно было, что это незначительное по виду обстоятельство непріятно подѣйствовало и на остальную компанію, но зато всѣ опять начали громко смѣяться, какъ только на тѣни отразилось нѣкоторое подобіе человѣческаго лица съ носомъ, который былъ точной копіей носа Жоржа.

Послѣ ужина мы больше не гадали. Я сказала, что у меня болитъ голова, ушла въ свою комнату и заперлась. Легла на постель, не раздѣваясь, и уткнулась

лицомъ въ подушки, какъ можно крѣпче, такъ что у меня заболѣли глаза. И, вѣроятно, именно поэтому я очень ясно увидѣла черты Лени. Яснѣе всего былъ его взглядъ, озабоченный и печальный.

Потомъ мнѣ пришло въ голову, что навѣрное, кромѣ меня у него есть близкая женщина. Это было первое пробужденіе ревности — до сихъ поръ незнакомой мнѣ душевной боли, и настолько сильной, что я закусила наволочку подушки зубами. Когда это прошло, я продолжала думать о Ленѣ. Часы въ столовой пробили три. Я знала, что слѣдуетъ встать, раздѣться и причесаться на ночь, но не могла заставить себя ничего этого сдѣлать и такъ и уснула въ платьѣ.

На другой день моя голова болѣла еще сильнѣе. Я надѣла шубку и долго бродила по улицамъ, — надѣялась его встрѣтить и не встрѣтила. Была оттепель, текло изъ трубъ, я не замѣтила, какъ промочила ноги. Почувствовала это только дома, но изъ лѣни не перемѣнила чулокъ. Къ вечеру у меня повысилась температура. Мама встревожилась и хотѣла послать за докторомъ, но я наотрѣзъ отказалась, потому что была болѣе чѣмъ увѣрена, что не заболѣю, и дѣйствительно, черезъ два дня совсѣмъ оправилась.

Леня пришелъ въ крещенскій сочельникъ и попалъ на традиціонный ужинъ, который устроила мама. Ни минуточки нельзя было остаться одинъ на одинъ. Вмѣсто радости, получалось одно мученіе, хотя онъ сидѣлъ рядомъ со мной. Папа былъ раздражительный, и мнѣ все время казалось, что онъ сердится на Леню.

Но огромной радостью зажглась я вся, когда во время громкаго разговора, совершенно ясно услыхала слова Лени, хотя и сказанныя вполголоса: «завтра въ три у памятника Екатерины».

5

Сейчасъ же онъ умно и ловко спросилъ о чемъ-то маму. Послѣ ужина, какъ и всегда, Леня сѣлъ возлѣ Нади. Выпившій больше, чѣмъ слѣдовало краснаго вина, Жоржъ залѣзъ въ мою комнату и очень настойчиво началъ объясняться въ любви. На глазахъ у него даже показались слезы, а мнѣ, какъ и всегда, было только смѣшно. Я взяла стаканъ съ водой, сдѣлала глотокъ, поперхнулась и начала смѣяться еще сильнѣе. Убитый и разсерженный Жоржъ вышелъ.

И совѣсть меня не мучила ни капли. Помню, что въ этотъ вечеръ я даже не попрощалась съ Леней, и это еще болѣе убѣдило и Надю и маму, что мы мало интересуемся другъ другомъ. Жоржъ стоялъ въ передней, когда уходили гости, и по лицу его я видѣла, что онъ успокоился.

Спала я въ эту ночь чудесно. Проснулась счастливой. И такой же счастливой была до трехъ часовъ, пока не встрѣтилась съ Леней. На углу Садовой стояли извозчичьи санки, запряженныя рослымъ воронымъ рысакомъ. Мы подошли къ нимъ. Леня молча открылъ медвѣжью полость. Я автоматически сѣла, но мнѣ не хотѣлось кататься. Было очень холодно. Отъ быстрой ѣзды дѣлалось больно всему лицу. Главное же хотѣлось говорить.

Знала душа, что это одно изъ послѣднихъ нашихъ свиданій.

— Я боюсь отморозить щеки, несмѣло произнесла я.

— Что?

Я повторила. Усы Лени шевельнулись, поднялись и опустились брови.

— Въ ресторанъ не хотѣлось бы... Музей черезъ часъ закроется. Поѣдемъ ко мнѣ?

Я молча кивнула головой. Леня прикоснулся къ поясу извозчика и сказалъ: «на Шпалерную». Рысакъ повернулъ на Литейный и побѣжалъ еще быстрѣе. Безконечно пріятно было чувствовать руку Лени на своей таліи.

Безъ малѣйшаго смущенія поднялась я по лѣстницѣ, мнѣ было все равно, смотритъ на меня швейцаръ или не смотритъ. Отворилъ солдатъ въ мундирѣ и бѣломъ поясѣ. У Лени было всего двѣ комнаты, при нихъ кухня и ванная. Кабинетъ мнѣ показался большимъ, а спальня маленькой. Огромный письменный столъ помѣщался противъ большого венеціанскаго окна, слѣва кожанный диванъ, на полу большой персидскій коверъ, на стѣнахъ нѣсколько очень хорошихъ гравюръ, изображавшихъ женщинъ. На столѣ въ рамкѣ портретъ его отца, очень извѣстнаго генерала. Меня нѣсколько удивило и обрадовало, что нѣтъ ни одного женскаго портрета.

— Хотите чаю? — спросилъ Леня.

— Все равно.

Леня подошелъ къ двери, пріотворилъ ее и сказалъ:

— Дементьевъ, самоваръ.

Я все еще осматривалась. На минутку онъ ушелъ въ спальню и вернулся оттуда въ тужуркѣ. Молча заходилъ по кабинету, позванивая шпорами. Остановился возлѣ дивана, опустилъ голову и произнесъ:

— А я уже подалъ въ запасъ...

— Значитъ, больше не будете жить въ Петроградѣ? — сказала я и почувствовала, какъ у меня похолодѣли руки и ноги.

— Не буду.

Пока денщикъ не подалъ чаю, какъ-то не говорилось.

5*

Неожиданно для самой себя я вдругъ спросила:

— Отчего у васъ нѣтъ фотографіи ни сестеръ, ни матери?

— А зачѣмъ? Я безъ того ихъ люблю и помню. Мать умерла, а сестра замужемъ за офицеромъ и живетъ въ Тифлисѣ.

Сейчасъ рѣшительно не помню, какъ перешелъ разговоръ на первую любовь Лени. Но говорилъ онъ о ней очень искренно:

— Слава Богу, что все это осталось въ прошломъ. Тогда папа былъ еще живъ и очень боялся, какъ бы я не учинилъ mesallianc'a: она была дочь придворнаго музыканта — очень талантливаго человѣка, южанина, кажется, хохла. Къ женщинамъ я тогда относился не совсѣмъ хорошо и когда почувствовалъ, что Маня нравится мнѣ больше, чѣмъ слѣдуетъ, испугался. Семья у нихъ была болѣе чѣмъ буржуазная, и отецъ и мать дрожали надъ своей единственной дочерью и исполняли всѣ ея желанія, а въ числѣ этихъ желаній было, чтобы я какъ можно чаще приходилъ. Я чувствовалъ, какъ меня ненавидѣли ея папаша и мамаша, ненавидѣли и боялись.

Леня вдругъ замолчалъ, налилъ себѣ стаканъ чаю, чуть улыбнулся и добавилъ:

— Вотъ тогда у меня вся комната была въ ея фотографіяхъ. Красивая она очень была — стройная, тоненькая, но не умная, я до сихъ поръ не знаю, любила ли она меня? Это сумасшествіе съ моей стороны продолжалось всего годъ.

Главнымъ догматомъ Мани былъ: «чтобы волки сыты были, и овцы цѣлы». Я никогда не могъ побѣдить въ себѣ отвращенія къ безволію и трусости и еще разсудочности. Но... но я сдѣлалъ ей предложеніе.

— И какой же получили отвѣтъ?

— Очень длинный, — отвѣтилъ Леня, что-то вродѣ того, что когда она окончитъ музыкальные курсы, а я кончу академію генеральнаго штаба, тогда, дескать, мы поженимся. Дѣло въ томъ, что ея мать была нѣмецкаго происхожденія, ну, а тамъ на первомъ планѣ, и даже во всѣхъ сердечныхъ дѣлахъ, — разсудочность, отвратительная... Но никогда не полетѣть домашнему цыпленку чайкой вольною...

Въ этотъ вечеръ я вышелъ отъ нихъ совсѣмъ другимъ человѣкомъ, сказалъ самому себѣ: «баста». Говорятъ, что не всегда уваженіе идетъ рядомъ съ любовью, и это вѣрно. Но также вѣрно, что, по крайней мѣрѣ, для меня, презрѣніе парализуетъ всякое чувство. Вотъ и весь мой романъ, не считая, конечно, увлеченій низшаго сорта. Впрочемъ, еще мѣсяца три я очень мучился и едва заставилъ себя уничтожить ея фотографіи. А потомъ какъ-то шелъ и встрѣтилъ Жоржа, съ которымъ мы земляки, — оба Орловскіе. А съ Жоржемъ шли вы, показавшаяся мнѣ чайкой вольною. Ну, захотѣлось бывать въ вашемъ домѣ. Что, именно, чувствую я къ вамъ, — опредѣлить не умѣю, но это чувство совсѣмъ другое и большое, несравнимое съ тѣмъ, которое возбуждала во мнѣ Маня. Но я убѣжденъ, что еслибы насъ поженить, мы оба стали бы несчастными... Деспотъ я по натурѣ и свободу слишкомъ люблю. Должно быть, самая форма брака устарѣла. Я знаю, что вы не трусиха и любуюсь этимъ вашимъ качествомъ. Мало того, знаю, что никогда больше такой дѣвушки не встрѣчу, но пусть я лучше пропаду, чѣмъ загублю вашу жизнь...

Я не знала, что ему отвѣтить. Какая-то новая боль кольнула меня въ сердце. Не понравилось мнѣ то, что

говорилъ Леня. Гдѣ любовь настоящая, тамъ не должно быть мѣста сожалѣнію, и не любимъ мы, женщины, когда насъ щадятъ. Хотѣлось крикнуть ему: «какъ вы не понимаете, что по волѣ любимаго человѣка и гибнуть сладко...»

Но ничего не сказала.

Только ясно для меня стало, что я люблю его по настоящему, а Леня не по настоящему, и обидно было до слезъ.

Провожая, онъ, какъ и въ первый разъ поцѣловалъ меня въ щеку, въ оба глаза и въ шею, но не въ губы. Еще болѣе горько стало мнѣ послѣ этихъ поцѣлуевъ.

Если утро этого дня было счастливѣйшимъ въ моей жизни, то вечеръ былъ самымъ печальнымъ.

Въ душѣ оставалось одно только маленькое мѣстечко, которое радовалось... Такіе пустяки, а между тѣмъ, эти пустяки потомъ долго поддерживали. Когда Леня цѣловалъ меня, я замѣтила, какъ дрожатъ его руки и, какъ я понимаю теперь, не страсть ихъ заставляла дрожать, а горе. Богъ его знаетъ, почему ему хотѣлось уѣхать, но я и тогда знала и теперь знаю, что все-таки нелегко ему было. Я попросила его не провожать меня по улицѣ и пошла пѣшкомъ.

Морозъ сталъ еще сильнѣе, и холодъ теперь не пугалъ меня, а бодрилъ. Дома, когда я легла въ постель, снова стало тяжело, тяжело. Заплакала... Въ первый разъ въ жизни.

Черезъ недѣлю получила отъ него городское письмо, въ которомъ стояло только одно слово: «уѣхалъ».

Владѣла я собой хорошо, и дома никто не замѣтилъ той раны, которая болѣла еще долго, долго...

IV.

Одна бѣда никогда не приходитъ, знали еще объ этомъ наши бабушки и дѣдушки, узнала и я.

Послѣ отъѣзда Лени и сестры, и мать, и отецъ, и Жоржъ какъ будто перестали для меня существовать. Моя жизнь была похожа на сонъ очень усталаго человѣка. Какъ автоматъ, я ходила въ гимназію, обѣдала, помогала Надѣ готовить уроки и отвѣчала на вопросы Жоржа. Въ этотъ періодъ Жоржъ еще болѣе убѣдился, что я «очень серьезная», а я просто была несчастная.

Незадолго передъ Пасхой, помню это было во вторникъ, отецъ собирался въ какое-то очень важное засѣданіе, но потомъ вышелъ въ столовую, въ одномъ жилетѣ, чего никогда не дѣлалъ, гдѣ мы еще кончали завтракъ, и сказалъ матери:

— Что-то у меня ужасно въ боку колетъ...

Я подняла голову и увидѣла, что лицо у папы совсѣмъ желтое. Онъ попросилъ меня отправить съ посыльнымъ какое-то письмо и не поѣхалъ въ засѣданіе.

Къ вечеру совсѣмъ разболѣлся. Пригласили доктора, а на другой день и профессора. Папа очень стоналъ. Профессоръ сказалъ, что начинается воспаленіе легкихъ. Отцу дѣлалось все хуже и хуже. И днемъ и ночью, и прислуга, и я, а главное Жоржъ, бѣгали въ аптеку. По настоянію Жоржа мама позвала еще какого-то доктора, который, осмотрѣвъ больного, настойчиво началъ утверждать, что въ легкихъ ничего нѣтъ, а есть процессъ въ печени, вѣроятно нарывъ.

Мама не удержалась и въ четвергъ утромъ сказала объ этомъ профессору. Тотъ разсердился и больше не

пріѢхалъ, а къ вечеру папа скончался. И, какъ потомъ оказалось, дѣйствительно отъ нарыва въ печени, который прорвался внутрь.

До сихъ поръ я никогда не видала смерти близко. Всѣ мы точно окаменѣли. Я не плакала. И какъ это ни странно, больше всѣхъ былъ убитъ Жоржъ: похудѣлъ, пожелтѣлъ, ходилъ, какъ сумасшедшій, и было похоже, что онъ потерялъ отца, а не я. Его отношеніе къ смерти папы меня глубоко трогало, а самой было стыдно за то, что я слишкомъ хорошо владѣю собой, могу еще думать и наблюдать.

На первой панихидѣ присутствовало много чиновниковъ, которые у насъ раньше никогда не бывали. Помню, что когда одинъ изъ нихъ шепнулъ другому о томъ, кто, по его мнѣнію, будетъ назначенъ на мѣсто отца, я подумала: совсѣмъ, какъ у Толстого въ «Смерти Ивана Ильича». И опять сдѣлалось стыдно.

Какъ разъ въ это время Надя вдругъ повалилась въ обморокъ. Мнѣ пришлось приводить ее въ чувство. Я отвела, почти отнесла, Надю въ свою комнату и положила на постель, растегнула, расшнуровала ее и поднесла къ носу баночку съ нашатырнымъ спиртомъ. Было слышно, какъ выдѣляется изъ хора прелестный альтъ и отчетливо выводитъ:

«Царя и Зиждителя и Бога нашего...
Бога нашего-о-о...
Богородицу, Мати чистую...

Я все это слышала и могла еще запоминать.

Наконецъ, Надя открыла глаза, въ ея зрачкахъ мелькнулъ ужасъ, потомъ недоумѣніе.

— Выпей воды, сказала я ей и подала стаканъ.

Ея бѣлые зубы нѣсколько разъ щелкнули по стеклу, потомъ она глубоко вздохнула и прошептала:

— Иди туда...

Ну, а затѣмъ снова слезы, мама съ опухшимъ краснымъ лицомъ, острый запахъ ладана, испуганные глазенки Тани.

Хоронили отца въ воскресенье, послѣ обѣдни, въ прекрасный весенній день. Я уже не наблюдала ни за кѣмъ и точно одеревенѣла, не хотѣлось разговаривать. Сверлила мою голову одна мысль, что я почти не была знакома съ папой. Приблизительно съ четвертаго класса и по день его смерти я говорила съ нимъ, вѣроятно, не больше десяти разъ, и кто изъ насъ былъ въ этомъ виноватъ, я не могла дать себѣ отчета. Когда я уже собиралась ложиться въ постель, въ мою комнату постучался и вошелъ Жоржъ, сильно измѣнившійся, съ темными кругами подъ глазами.

— Что вы? спросила я.

— Такъ, не хочется оставаться одному. Вы уже собираетесь спать?

— Нѣтъ, мнѣ все равно.

Жоржъ сѣлъ. Видно было, что ему хочется сказать что-то важное, но онъ не знаетъ, съ чего начать. Мнѣ пришло въ голову: «ужъ не предложеніе ли опять хочетъ дѣлать,—нашелъ время».

Но Жоржъ дернулъ правой рукой и вдругъ горячо началъ:

— Ваша семья одна изъ самыхъ симпатичныхъ, какія я видѣлъ, всѣ вы мнѣ больше чѣмъ родные, но... Но простите, мнѣ кажется, я не могу отдѣлаться отъ этой мысли, что покойный Сергѣй Петровичъ былъ въ этой семьѣ только работникомъ, добывавшимъ деньги. Я все ждалъ, что онъ получитъ какое-нибудь большое назначе-

ніе, будетъ такъ или иначе удовлетворенъ, хоть подъ старость поживетъ для себя, и вдругъ какой-то глупый нарывъ, невѣрный діагнозъ, и человѣка нѣтъ. Подумайте, вѣдь это большая драма: отказаться отъ личной жизни, все время тащить непомѣрный грузъ и все время молча... Говорятъ, что женская доля тяжела, но и мужская не легче. Эти холодныя лица сослуживцевъ, какой ужасъ, какой ужасъ...

Не знаю почему, я вдругъ вспылила. И произнесла:

— Вы, кажется, собираетесь упрекать маму и всѣхъ насъ?

Поднявъ голову, я увидѣла, что Жоржъ плачетъ. Въ одну секунду мой порывъ улетучился, и стало ясно, что, пожалуй, Жоржъ и вправду любилъ отца больше всѣхъ насъ. Онъ положилъ голову на кресло и зарыдалъ еще сильнѣе. Я не могла видѣть равнодушно мужскихъ слезъ. Подошла къ нему и молча гладила его по головѣ, какъ ребенка, пока Жоржъ не затихъ. И въ этотъ вечеръ мнѣ стало ясно, что тупой труженикъ студентъ, какимъ я привыкла считать Жоржа, на самомъ дѣлѣ чуткій, наблюдательный, сердечный человѣкъ, пожалуй, гораздо сердечнѣе Лени.

Онъ долго просидѣлъ у меня въ этотъ вечеръ въ комнатѣ и уходя сказалъ:

— У меня сегодня великое горе такъ сплелось съ великимъ счастьемъ, что я перестаю себя понимать.

Жоржъ крѣпко поцѣловалъ мою руку и почти убѣжалъ.

Съ этого времени онъ уже всегда смотрѣлъ на меня взглядомъ преданной собаки. Непріятно это было. Весной онъ началъ держать государственные экзамены. Втайнѣ я надѣялась, что, получивъ дипломъ, Жоржъ уѣдетъ отъ насъ искать мѣста. Но, къ сожалѣнію,

Таня срѣзалась по ариѳметикѣ и должна была заниматься цѣлое лѣто; а затѣмъ, въ тотъ день, когда Жоржъ получилъ дипломъ, мама объявила ему, что будетъ просить у помощника государственнаго контролера, съ которымъ папа былъ хорошо знакомъ, чтобы Жоржу сразу дали должность съ приличнымъ окладомъ.

Пенсію мамѣ назначили довольно большую: около четырехъ тысячъ, но все-таки намъ пришлось сократиться и мы не могли уже нанимать такой дачи, какъ въ прошломъ году, а поселились на Лахтѣ.

Скучное и нелѣпое было это лѣто. Негдѣ даже было достать новыхъ журналовъ, а ѣздить въ городъ не хотѣлось. По выраженію Нади, мы не жили, а «жевали мочалку». Жара стояла невообразимая, къ этому прибавлялась еще любовь Жоржа, который ходилъ за мной по пятамъ и хныкалъ. Я не знала, что ему отвѣчать, и только старалась навести его на какую-нибудь другую тему.

Вся моя жизнь рисовалась безсмыслицей.

Однажды вечеромъ мама упомянула о томъ, что мнѣ слѣдовало бы поискать себѣ урокъ. Въ сущности это была правда, такъ какъ больше всего меня утомляло бездѣлье, но я обидѣлась и подумала, что меня выживаютъ изъ дому.

У Нади въ это время завелся романъ съ какимъ-то великовозрастнымъ кадетомъ, Жоржа она оставила въ покоѣ; у Тани нашлись подруги, а у меня не было ничего, кромѣ все того же и все также ноющаго Жоржа.

Въ серединѣ іюля его назначили въ контрольную палату въ большой губернскій южный городъ, и онъ, послѣ трогательной рѣчи, въ которой благодарилъ маму и вспоминалъ папу, наконецъ, уѣхалъ.

Въ августѣ я подала прошеніе на высшіе женскіе курсы на филологическое отдѣленіе и съ нетерпѣніемъ стала ждать переѣзда въ городъ. Утѣшала себя мыслью, что буду заниматься изо всѣхъ силъ. Въ дневникѣ, который я начала вести отъ скуки, я писала цѣлыя статьи о томъ, что современной женщинѣ счастье можетъ дать только высшее образованіе. Холодно и логично бранила я на этихъ страницахъ Леню и писала, что никогда и ничего къ нему не чувствовала. Затѣмъ, поставивъ точку и закрывъ тетрадь, ложилась спать и видѣла во снѣ, что стою передъ Леней на колѣняхъ и цѣлую ему руку...

V.

И въ городѣ пришлось перемѣнить квартиру на меньшую, но мнѣ это было все равно.

Курсы съ перваго же дня мнѣ не понравились. Я не повѣрила самой себѣ и рѣшила, что только черезъ полгода будетъ видно, что и какъ я должна здѣсь дѣлать. Не понравились мнѣ и курсистки, особенно изъ провинціальныхъ гимназистокъ: точно овцы жались онѣ одна къ другой и точно дѣвочки старались захватить мѣсто на первой партѣ и записывали все, что говорилъ профессоръ. Приглядѣвшись къ общей массѣ дѣвушекъ, я пришла къ заключенію, что большинство изъ нихъ удивительно неразвитыя, очень мало читавшія, безконечно наивныя и многія склонны къ политическому сектантству и вѣрятъ на слово всякому авторитетному имени, а сами думаютъ мало и меньше всего вѣрятъ самимъ себѣ.

Теперь у меня даже не было Жоржа. Я пробовала сойтись ближе съ Надей, которая уже перешла въ

седьмой классъ, но она увлеклась танцами a là Дун-канъ, и ни о чемъ другомъ говорить не хотѣла. Иногда, когда мы шли съ ней по улицѣ, Надя вдругъ хватала меня за локоть и бормотала:

— Смотри, смотри, видишь, идетъ офицеръ... Правда, какъ похожъ на Леню?

И не знала она, какую боль причиняетъ моему сердцу.

Съ каждымъ мѣсяцемъ я все болѣе и болѣе убѣждалась, что ни со стороны Лени, ни съ моей не было никакого чувства,—а такъ, нравились другъ другу, и вѣрилось, что никогда мы больше не встрѣтимся.

На лекціяхъ одного изъ профессоровъ возлѣ меня, случайно или нарочно, почти всегда садилась рыжеватая дѣвушка съ внимательными грустными глазами, кажется полька,—фамилія ея была Покрошинская. Она никогла ничего не записывала, и глядѣла своими голубыми глазами не на профессора, а куда то вдаль.

Въ эту зиму въ городѣ случалось очень много самоубійствъ.

Однажды Покрошинская пришла съ газетой въ рукахъ, но не читала ея, а ковыряла ногтемъ въ пюпитрѣ и о чемъ-то думала. Во время перемѣны она вдругъ спросила меня:

— Какъ вы думаете, лига самоубійствъ существуетъ на самомъ дѣлѣ или это выдумки?

— Право не знаю.

И дѣйствительно, я не знала и никогда не интересовалась этимъ вопросомъ.

— А какъ вы думаете, если такой клубъ или лига существуетъ на самомъ дѣлѣ, то члены его имѣютъ ли какое-нибудь основаніе создать такое учрежденіе или это просто душевно-больные люди?

Я подумала, и, совсѣмъ неожиданно для себя, вдругъ отвѣтила:

— Знаете, напримѣръ, моя теперешняя жизнь въ сущности такъ безсмысленна, что я бы съ чистымъ сердцемъ могла бы сдѣлаться членомъ этой лиги.

Зрачки рыженькой курсистки расширились и точно заглянули въ самую мою душу.

— Это меня очень интересуетъ... Была бы рада встрѣтиться съ вами еще разъ, чтобы поговорить объ этомъ подробнѣе.

— А сегодня послѣ лекціи вы свободны?

— Такъ, я имѣю свободное время.

— Въ такомъ случаѣ пойдемте ко мнѣ, у меня совершенно отдѣльная комната, хотя я живу у мамы.

Покрошинская согласилась. Это былъ одинъ изъ интереснѣйшихъ вечеровъ. Ядвига, — такъ было ея имя,— очень страстно и даже какъ будто на научныхъ основаніяхъ доказала мнѣ, что рѣшительно все равно умереть сейчасъ или черезъ пятьдесятъ лѣтъ, потому что земное время есть понятіе чисто условное. Такъ же горячо разсказала она о томъ, что сѣрое вещество человѣческаго головного мозга радіактивно и что эманація этого радія и есть душа, что, безусловно, сохраняется въ душѣ воспоминаніе о земной жизни въ тѣлѣ.

Для меня было ясно, что Покрошинская читала и знаетъ что-то такое, чего не знаю я, но все-таки путаетъ. Говорила она очень убѣдительно, такъ что я даже перестала замѣчать ея польскій акцентъ и серьезно задумалась надъ всѣмъ слышаннымъ.

Была она у меня еще два раза и одинъ разъ я у нея въ крохотной комнаткѣ въ седьмомъ этажѣ. И опять мы проговорили до самаго утра. Съ книгой

профессора Мечникова въ рукахъ, она горячо доказывала, что страхъ смерти есть явленіе болѣзненное и что при отравленіи ціанистымъ каліемъ нѣтъ и не можетъ быть ни малѣйшихъ страданій. Затѣмъ, показала мнѣ цитату изъ Толстого, гдѣ онъ говоритъ: «самоубійца—это рано проснувшійся человѣкъ».

— А вѣдь рано вставать даже здѣсь на землѣ и пріятнѣе, и полезнѣе.

И опять, когда мы разстались, почуялась мнѣ въ словахъ Ядвиги какая-то правда, только болѣзненная, о которой лучше не знать.

Это было въ ноябрѣ. Не десятаго, а пятнадцатаго, какъ я знала, былъ день рожденія Лени. Я рѣшила воспользоваться случаемъ и написать ему, а если онъ не отвѣтитъ, предложить Покрошинской умереть вмѣстѣ.

Когда въ домѣ всѣ легли спать, я сѣла за письмо. Черновикъ его у меня сохранился до сихъ поръ:

«Шлю вамъ это поздравленіе, чтобы вы знали, что помню не только васъ, но и тотъ день, когда вы родились. И, какъ и прежде, не хочу васъ оскорбить ни однимъ словомъ неправды и потому пишу, что не вижу теперь, послѣ вашего отъѣзда, ни малѣйшаго смысла въ жизни, не чувствую никогда ни одной капельки радости и это не отъ бездѣлья—видитъ Богъ, не отъ бездѣлья. Я поступила на курсы и старалась работать, но ни наука, ни профессора меня не удовлетворяютъ, не удовлетворяютъ и подруги. Я ни о чемъ васъ не прошу, только напишите хоть одно слово. Не могу дальше писать, потому что чувствую, что расплачусь, а я презираю и свои, и чужія слезы... Леня, голубчичекъ, еслибы ты зналъ, какъ тяжело... Кричать хочется, горло давитъ...»

На слѣдующій день я послала письмо заказнымъ—боялась перечитать его еще разъ. Адресовала я его въ городъ Орелъ въ собственный домъ. И рада была, когда почтовая курносенькая барышня мнѣ подала расписку. Я рѣшила ждать отвѣта десять дней, до двадцать перваго.

Десять дней въ душѣ моей было холодно, отогрѣвалась я только возлѣ Ядвиги ея пылкими словами.

Двадцать перваго ноября былъ праздникъ. Надя и Таня не пошли въ гимназію. Мамѣ нездоровилось. Я владѣла собой хорошо, только не могла ничего ѣсть. Какъ разъ во время завтрака позвонилъ почтальонъ и принесъ городское письмо Надѣ отъ ея кадета и двѣ газеты, которыхъ уже давно никто въ нашемъ домѣ не читалъ. Послѣ завтрака я одѣлась и поѣхала къ Ядвигѣ. Она не ожидала меня, удивилась и обрадовалась. Сейчасъ же мы перешли на разговоръ о смерти. Я спросила:

— Слушайте, Ядзя, вотъ вы нѣсколько разъ говорили, что абсолютно не боитесь смерти. Ну, а если вамъ нѣкто, предположимъ, я, предложила умереть вмѣстѣ хоть завтра. Вы бы не пошли на попятный?

— Никогда.

— И согласились бы?

— И согласилась бы...

— Ну такъ вотъ что: сегодня для меня особенно ясно, что мое существованіе никому не нужно, а мнѣ самой въ тягость. Я готова.

— Способъ?—спросила Покрошинская.

— Ціанистый калій.

— Трудно достать. У меня есть кокаинъ, есть морфій.

— По-моему, лучше всего морфій,—отвѣтила я и вдругъ почувствовала, какъ трепетно застучало мое сердце.

«Ага, испугалась!» — поддразнила я самое себя. И чтобы отрѣзать себѣ отступленіе, сказала:

— Въ такомъ случаѣ завтра въ это же время у васъ.

— Хорошо, — коротко и просто отвѣтила Покровшинская.

— Слово?

— Слово.

Домой я ѣхала въ трамваѣ и проѣхала остановку. Потомъ взяла извозчика. И до тѣхъ поръ, пока не осталась одна, совсѣмъ не волновалась. А въ комнатѣ одной стало немного страшно. Думалось: «увижу или не увижу папу послѣ того, какъ мое сердце перестанетъ биться?.. Увижу или не увижу Лёню, гдѣ онъ и что дѣлаетъ?»

Когда я легла въ постель усталая, боялась, что приснится какой-нибудь кошмаръ. Я не сомнѣвалась, что всякому человѣку, который долженъ скоро умереть, хоть во снѣ пригрезится намекъ на то, что его ждетъ. Но я ничего не видѣла и проснулась, какъ обыкновенно, въ восемь часовъ свѣжая и бодрая. Съ радостью почувствовала я, что буду владѣть собой великолѣпно. И дѣйствительно, ни однимъ движеніемъ, ни однимъ словомъ не показала сестрамъ, на что рѣшилась.

Ядзя тоже была спокойна, только очень блѣдна.

— Есть морфій? — спросила я.

— Есть — въ жидкомъ видѣ.

— Вы знаете, какую нужно дозу?

— Знаю.

— А какъ по вашему, слѣдуетъ оставить записку или нѣтъ?

— Для насъ самихъ, конечно, нѣтъ, а вотъ ради квартирной хозяйки и для полиціи лучше оставить.

6

Сначала мы рѣшили написать на одномъ листикѣ банальное: «просимъ въ нашей смерти никого не винить» и подписаться, а затѣмъ передумали, и каждая написала эту фразу и подписалась отдѣльно. Помню, что я тогда подумала: «если я почему-нибудь останусь въ живыхъ, то объясню, въ чемъ дѣло». Обѣ записки мы запечатали въ конвертъ, а затѣмъ Ядзя уже не произнесла ни одного слова и дѣйствовала, какъ автоматъ, подчиненный чьей-то волѣ. Она разлила изъ пузырька въ двѣ рюмки бѣловатую жидкость и поставила ихъ на столѣ.

Поглядѣла на часы. Было безъ двухъ минутъ три. Ядзя забыла запереть дверь. Точно металлическимъ голосомъ грамофона, она произнесла:

— Выпьемъ разомъ, затѣмъ вы лягьте на постель, а я на кушетку.

Я чуть-чуть не спросила, почему мнѣ такая привилегія, но, увидѣвъ, что Ядзя притронулась къ рюмкѣ, взяла свою, поглядѣла на нее и однимъ духомъ выпила, какъ пьютъ извозчики водку. Чуть пошатываясь, Покрошинская дошла до кушетки и легла, даже поправила юбку.

Черезъ минуту вся комната уже стала голубой и закружилась все быстрѣе и быстрѣе. Меня затошнило, какъ показалось, отъ страшной быстроты этого вращанія. Мелькнула мысль: «еще можно спасти себя и ее», но уже не было силъ встать. Началось что-то, похожее на ощущеніе, которое я испытывала во время сильнаго шторма на морѣ. Хотѣлось, чтобы, какъ можно скорѣе, наступилъ покой. Потерялось представленіе о времени. Ужасъ давилъ мое сердце, и точно двѣ горячихъ руки сжали мои виски, и кровь начала

постукивать все глуше и глуше. Затѣмъ кругомъ стало темно, а потомъ уже и не было темноты.

Ничего не было...

До сихъ поръ я не представляю себѣ, сколько времени продолжался весь этотъ тихій ужасъ.

Первое ощущеніе было чего-то мокраго и липкаго на кофточкѣ, затѣмъ началась икота, вдругъ перешедшая въ страшную рвоту.

Когда я полуоткрыла глаза, долго еще не понимала, гдѣ я, и что со мной. Затѣмъ увидѣла чернобородое спокойное лицо доктора скорой помощи. Потомъ опять рвота и снова обморокъ. Мнѣ казалось, что меня хотятъ задушить; во рту ясно ощущался отвратительный вкусъ резины, какъ я потомъ сообразила, это была каучуковая трубка, при помощи которой докторъ сдѣлалъ мнѣ промываніе желудка.

Меня оставили въ квартирѣ Покрошинской, а Ядзю увезли. До самого вечера возлѣ меня хлопотала ея хозяйка — финляндка. Когда я уже могла подняться на ноги, явился околоточный и взялъ со стола оба наши письма, о которыхъ я совсѣмъ забыла. Затѣмъ сталъ разспрашивать, почему и съ какой цѣлью мы отравились. Я отвѣтила, что это наше дѣло и спросила, гдѣ Покрошинская.

— Она умерла, — просто отвѣтилъ околоточный, потомъ махнулъ рукой и со злобой въ голосѣ крикнулъ:

— Эхъ вы, курсистки, и сами жить не хотите, и другимъ не даете.

Онъ спросилъ мой адресъ и грубо приказалъ одѣваться и ѣхать съ нимъ на извозчикѣ.

У подъѣзда нашего дома я, чуть не на колѣняхъ, молила этого полицейскаго не говорить о случившемся

6*

мамѣ, по крайней мѣрѣ, сегодня и дала ему клятву, что никуда не уѣду и, когда оправлюсь, буду отвѣчать на какіе угодно вопросы. Отъ волненія мнѣ опять сдѣлалось дурно. Я едва взошла по лѣстницѣ и заставила себя отворить французскимъ ключемъ парадную дверь.

«Только бы не упасть», думала я, «и никого не встрѣтить, пока не дойду до своей комнаты» — и дошла благополучно.

Изъ этого страшнаго опыта я сдѣлала два вывода: 1) каждый умирающій дѣлается страшнымъ эгоистомъ, и 2) у него развивается необыкновенная сила воли.

Когда мнѣ стало легче, я позвонила и приказала горничной приготовить ванну. Теперь я уже ни о чемъ не думала: ни о загробной жизни, ни о папѣ, ни о Ленѣ. Послѣ ванны я совсѣмъ оправилась, поглядѣла на часы и удивилась, что нѣтъ еще одиннадцати, а мнѣ казалось, будто съ тѣхъ поръ, какъ я была въ квартирѣ Покрошинской, прошло нѣсколько сутокъ. Голова еще плохо работала. Инстинктивно я боялась заснуть, и все мнѣ казалось, что во снѣ у меня лопнетъ сердце, и тогда уже не спасетъ никакая скорая помощь.

Но я все-таки уснула.

На другой день была такая слабость во всемъ тѣлѣ, что я велѣла передать мамѣ, чтобъ завтракъ мнѣ принесли въ комнату Я не могла и не хотѣла ѣсть, но это было необходимо, чтобы не возбуждать никакихъ разговоровъ. Не хотѣлось также, чтобы мама увидѣла мое блѣдно-желтое лицо. Я все время думала: придетъ или не придетъ околоточный и дѣйствительно ли умерла Покрошинская?

Мысль о томъ, что я могу увидѣть ее въ гробу,

казалась необыкновенно страшной, страшнѣе самой смерти.

На другое утро я уже владѣла собой совсѣмъ хорошо. Вмѣсто страха явились разсудочность и надежда, что мама ничего не узнаетъ. Но она узнала изъ газеты, которую случайно прочла Надя,—она всегда просматривала только одинъ отдѣлъ происшествій.

Вмѣстѣ съ именемъ Покрошинской стояло полностью и мое имя, отчество и фамилія, а также было сказано, что полиція доставила меня домой. Вмѣсто того, чтобы скрыть прочитанное, глупенькая Надя расплакалась и побѣжала къ мамѣ. Послѣдовала бурная сцена. Мать не только не поняла и не пожалѣла меня, а начала обвинять въ грубомъ эгоизмѣ и бранить курсы, а потомъ расплакалась.

Я все время молчала. Въ этотъ день я уже не могла ѣсть, а когда поѣла, вдругъ почувствовала угрызенія совѣсти передъ Покрошинской и рѣшила, что непремѣнно должна ее увидѣть сегодня же.

Въ газетѣ было сказано, что ея тѣло было отправлено въ покойницкую при больницѣ Маріи Магдалины. Но мама вдругъ рѣшила меня не пускать и только послѣ долгихъ просьбъ позволила ѣхать вмѣстѣ съ Надей, горѣвшей любопытствомъ.

Въ больницѣ намъ сказали, что тѣло Покрошинской уже отправлено въ женскій медицинскій институтъ для вскрытія и почти навѣрное или погребено, или раздѣлено на части для практическихъ работъ медичекъ. Мы съ Надей вернулись домой. И она, и мама цѣлую недѣлю разспрашивали меня, какъ, зачѣмъ и отчего мы это сдѣлали.

Я не отвѣчала ни одного слова.

VI.

На слѣдующій день почтальонъ принесъ мое собственное письмо къ Ленѣ. На конвертѣ была сдѣлана наклейка и на ней написано «не доставлено за неточностью и неполностью адреса».

И только, когда я взяла этотъ конвертъ въ руки, мнѣ вдругъ стала ясна вся нелѣпость моего поступка. И безумно стало жаль погибшую Покрошинскую, которая могла бы умереть еще не скоро, и взявъ отъ жизни многое хорошее, чего, вѣроятно, нѣтъ на томъ свѣтѣ. Было стыдно, горько и больно. И не съ кѣмъ было подѣлиться своимъ горемъ.

Мучила еще одна мысль: почему и я, и Покрошинская приняли одно и то же количество одного и того же яда, и я осталась жить, а она умерла? Правда, потомъ я узнала, что когда пріѣхалъ докторъ скорой помощи, то еще замѣтилъ во мнѣ признаки жизни и началъ приводить меня первую въ чувство.

Значитъ, въ Ядзѣ этихъ признаковъ уже не было.

Почему?

И другого объясненія, кромѣ слова «судьба», я не могла найти. И теперь, когда гляжу на свою жизнь, на жизнь мужа и думаю о Ленѣ, — утѣшаю себя этимъ словомъ: «судьба»...

Черезъ двѣ недѣли, когда организмъ мой и нервы пришли въ полный порядокъ, совсѣмъ неожиданно утромъ раздался звонокъ. Горничная пришла и сказала, что меня хочетъ видѣть какая-то дама. Я была еще не совсѣмъ одѣта, но должна была ее принять. Въ глубокомъ траурѣ вошла женщина лѣтъ пятидесяти, отдернула вуаль, посмотрѣла на меня, сѣла въ кресло и вдругъ разрыдалась.

Мать Ядзи долго и упорно сначала спрашивала, а затѣмъ чуть ли не на колѣняхъ умоляла разсказать о причинахъ, которыя заставили меня и ея дочь принять ядъ. Я ничего не умѣла ей отвѣтить, потому что и сама не знала, зачѣмъ мы это сдѣлали. Я только изо всѣхъ силъ старалась разъяснить несчастной женщинѣ, что ни у меня, ни у Ядзи не произошло никакой драмы, и нашъ поступокъ былъ результатомъ нашего образа мыслей. Но она не вѣрила. Ей все казалось, что ея милую Ядзю обезчестилъ какой-то негодяй.

— Иначе бы она не рѣшилась на это, я слишкомъ ее хорошо знаю,—говорила старушка.

А я въ отвѣтъ снова повторяла то же самое. Просидѣла эта дама у меня почти до самаго вечера и крѣпко утомила. Подъ конецъ она повысила тонъ и уходя называла меня негодяйкой.

Я ничего ей не отвѣтила.

Затѣмъ случилось еще худшее. Оказалось, что мама написала о происшествіи со мной Жоржу. Онъ взялъ отпускъ на семь дней и примчался съ курьерскимъ.

Убитый, несчастный онъ ни на минуту не покидалъ меня,—ни на одну минуточку... Правда, очевидно изъ деликатности, не разспрашивалъ о самоубійствѣ, но я видѣла, что онъ убѣжденъ, будто меня къ этому толкнула совѣсть и какіе-то вопросы чести. Можетъ быть даже Жоржъ думалъ, что я хотѣла отправиться вслѣдъ за отцомъ, передъ которымъ чувствовала себя виноватой.

Вообще, должна сказать, что когда мужчина старается объяснить себѣ какой-нибудь непонятный для него шагъ женщины, то черезчуръ мудритъ и, въ большинствѣ случаевъ, идеализируетъ женщину.

Въ нашей жизни все гораздо проще.

И мнѣ было бы гораздо легче, еслибы и Жоржъ смотрѣлъ на меня проще. Онъ то сидѣлъ по цѣлымъ часамъ задумчивый и неподвижный, то вдругъ вскакивалъ, бѣгалъ по комнатѣ и говорилъ, говорилъ:

— Я васъ понимаю, я васъ понимаю... Жить въ такой странѣ, какъ Россія, и чувствовать себя бездѣятельной и незамѣтной, — для васъ это невыносимо. Итти на курсы, какъ въ храмъ, и увидѣть тамъ толпу самыхъ ординарныхъ, гораздо ниже васъ стоящихъ по развитію дѣвушекъ и усышать съ каѳедры, вмѣсто горячей проповѣди, шамканіе какой-нибудь «старой несочницы» по морфологіи. Съ вашими способностями, съ глубиной вашей души нельзя жить такъ, какъ вы живете. Послушайте, городъ, въ которомъ я служу, большой и чудесный, въ немъ есть великолѣпная библіотека. Я сумѣю достать всѣ книги, какія васъ интересуютъ. Тамъ есть опера, не хуже императорской, и драматическій театръ, въ которомъ ставятся всѣ новинки. Я сдѣлаю все, чтобъ вы не скучали. Я готовъ быть вашимъ лакеемъ, только позвольте мнѣ соединить свою жизнь съ вашей. Если вы когда-нибудь меня разлюбите, — (бѣдный Жоржъ позабылъ меня спросить, люблю ли я его теперь) я притворюсь, что не вижу ничего, мало того: я чувствую, что способенъ даже полюбить человѣка, который вамъ понравится. Насколько я успѣлъ замѣтить, какъ работника въ контрольной палатѣ меня оцѣнили. Черезъ годъ, полтора, я уже буду получать гораздо больше. Намъ не придется бѣдствовать. Лѣтомъ поѣдемъ за границу. Вѣдь я знаю, что я говорю, потому что знаю васъ, возлѣ которой прожилъ три года. Конечно, васъ не могъ бы удовлетворить такой человѣкъ, какъ Леня...

Я сильно закусила нижнюю губу, чтобы не улыбнуться и не оскорбить этой улыбкой Жоржа, который съ горящими глазами, съ взъерошенными волосами въ такія минуты былъ положительно красивъ и скорѣе напоминалъ поэта, нежели чиновника контрольной палаты.

Такія объясненія онъ повторялъ каждый день. Увы, должна сознаться, что они на меня дѣйствовали. Быть воистину любимой—всегда пріятно, а Жоржъ любилъ меня давно и сильно.

Въ итогѣ, я дала согласіе, что въ январѣ мы повѣнчаемся. И онъ уѣхалъ сіяющимъ и ликующимъ женихомъ съ цѣлой грудой моихъ фотографій. Сіяла и мама, радовались и сестры.

А я? Я готовилась къ замужеству съ чувствомъ, очень похожимъ на то, съ какимъ шла въ комнату Покрошинской, думая, что никогда ужъ не вернусь.

Въ январѣ мы поженились. И не хочется мнѣ теперь, даже на бумагѣ оставить слѣдъ объ этомъ событіи. Первый годъ прошелъ скучновато. Да и отъ физической близости я, по правдѣ сказать, ожидала большаго. И мнѣ стало понятно, что въ бракѣ не это главное. Дѣтей мнѣ не хотѣлось имѣть: я боялась родовъ буквально больше смерти.

И тѣмъ не менѣе измѣнило меня рожденіе Миши. Пришлось нелегко, но зато не умѣю, да я думаю, никто не умѣетъ описать того блаженства, которое я испытала, когда крохотныя губки моего сына прикоснулись къ моей груди. И Жоржъ сталъ мнѣ казаться другимъ и какъ человѣкъ, и какъ мужчина. Раньше я никогда не могла поцѣловать ему руки, а теперь дѣлаю это часто и съ удовольствіемъ, къ которому присоединялась и благодарность. Я могу съ точностью

сказать, что этотъ годъ былъ для Жоржа самымъ радостнымъ въ жизни, а чувствовать, что даешь настоящее счастье, значитъ быть счастливой самой. Черезъ два года родилась Маруся. Жизнь наладилась и пошла ровно. Я была съ мужемъ искренной, но только никогда не могла сказать, что была у Лени на квартирѣ, не могла разсказать, какъ видѣла Леню во снѣ. Но сама я къ своему роману съ Леней уже относилась иначе. И еслибы, напримѣръ, мнѣ предложили за одно свиданіе съ Леней, чтобъ мой Миша заболѣлъ, я бы съ негодованіемъ прогнала такого человѣка. Помнила я также, что Леня когда-то любилъ какую-то Маню и теперь, можетъ быть, любитъ, а можетъ быть и женился. И помнила, что Жоржъ никогда ни словомъ, ни дѣломъ, не принадлежалъ ни одной женщинѣ, кромѣ меня.

Должна также по правдѣ сказать, что я уже давно перестала читать и единственнымъ искусствомъ, которое меня интересовало, — была музыка, — оперу я посѣщала часто. Жоржъ всегда доставалъ билеты, если въ нашъ городъ пріѣзжали Шаляпинъ и Собиновъ. Черезъ четыре года мужъ былъ уже старшимъ ревизоромъ, но не легко это ему далось, служба сильно отнимала его у меня. Иногда онъ возвращался усталый, жалкій, безпомощный, какъ ребенокъ, и тогда мнѣ было стыдно ласкаться къ нему.

Лѣтомъ мы жили за Днѣпромъ, въ лѣсу, на дачѣ, стоявшей далеко отъ поселка. Я съ дѣтьми ходила купаться, а потомъ, накрывшись простыней, любила долго лежать на пескѣ и ни о чемъ не думать, только слушать разговоры Миши и Маруси. Безусловно, за это время я очень похорошѣла, но и располнѣла. Такъ прошло еще два года. Я начала учить Мишу писать

и читать. И казался онъ мнѣ необыкновенно талантливымъ.

Какъ я уже говорила, я газетъ почти не читала. И политика меня интересовала менѣе всего на свѣтѣ. Я очень сердилась на рабочихъ, когда они устраивали безпорядки и на тѣхъ, кто не умѣетъ устранить причинъ этихъ безпорядковъ.

Объявленіе войны было для меня полной неожиданностью. А эпитеты: «европейская», «народная» и «отечественная» казались неточными. Я знала, что Жоржъ ополченецъ второго разряда, и была спокойна. Только иногда бывало больно глядѣть на женъ и дѣтей тѣхъ, которыхъ взяли въ войска.

Дачники переполошились и одинъ за другимъ начали переѣзжать въ городъ. Вышелъ изъ своего обычнаго равновѣсія и Жоржъ. Онъ привозилъ съ собою цѣлый ворохъ газетъ, которыя заставлялъ и меня читать вслухъ. Когда я прочла о томъ, что дѣлали нѣмцы въ Калишѣ,—улетучилось и мое спокойствіе. Захотѣлось въ городъ.

Къ первому августу мы уже были тамъ.

VII.

Стыдно было ѣсть и пить, стыдно было ложиться на мягкую постель, стыдно было отъ увѣренности, что съ моимъ мужемъ и моими дѣтьми ничего не случится. По вечерамъ мы долго не спали и уже не цѣловались, какъ прежде, а только разговаривали.

Жоржъ вдругъ хватался за голову руками и произносилъ:

— Нѣтъ, ты только подумай: сидятъ люди, играютъ въ винтъ, вдругъ входятъ какіе-то господа нѣмцы и говорятъ: «пожалуйте, сейчасъ васъ будутъ разстрѣливать»... Какъ, что, почему? «Нѣтъ, ужъ пожалуйте»... Если это было и не такъ, то почти такъ, я увѣренъ, и будь я назначенъ въ этотъ городъ, то же самое могло бы быть и съ тобой, и со мной.

Я представила себѣ, какъ должно было бы произойти все это и похолодѣла. Такой цинизмъ и психологія этихъ разстрѣливающихъ были мнѣ непонятны. Съ юношескаго возраста у меня была привычка добиваться объясненія всего, чего я не видѣла, научнымъ путемъ. Попросту говоря, поискать въ своей памяти, не слыхала ли я чего-нибудь о такомъ явленіи и раньше. Теперь я могла сама себѣ отвѣтить только, что у разстрѣливателей были парализованы тѣ чувства, которыя вызываютъ жалость къ себѣ подобному и беззащитному...

Черезъ нѣсколько дней я прочла въ газетахъ, что отъ рукъ тѣхъ же людей погибла молодая красивая женщина, мать и жена, что съ нея были сорваны повязки и бинты, прикрывающіе ожоги, вмѣстѣ съ кожей, когда она была еще живая... И опять ужасъ, какъ ураганъ, ворвался въ мою психику и тутъ уже никакія усилія объяснить себѣ это звѣрство не помогли.

Нервы мои расшатались; я начала плохо спать. Грезились кошмары, полные ужаса. Я не видѣла крови, не слыхала стоновъ, но послѣ каждаго такого сновидѣнія пила воду, ходила на цыпочкахъ по ковру, чтобы не разбудить мужа, и боялась лечь въ постель при мысли, что переживу снова ужасъ.

Во второй разъ въ жизни я увидѣла тотъ же самый сонъ: мнѣ приснился Леня въ солдатской гру-

бой шинели, но съ офицерскими погонами. И почему то ясно увидѣла я, что одна пола этой шинели немного длиннѣе другой, и на плечахъ у него были какіе-то ремни, а не золотая портупея. Будто подошелъ, обнялъ, поцѣловалъ меня горячими губами въ лѣвый глазъ и потупился. Когда онъ поднялъ голову, я увидѣла, что Леня плачетъ. Его слезы падали на мои руки и каждая изъ нихъ жгла, точно была капелькой расплавленнаго олова.

Онъ не сказалъ ни одного слова и это именно и дѣлало весь сонъ безконечно страшнымъ.

Открывъ глаза, я сбросила одѣяло на полъ и босикомъ побѣжала въ гостиную. Уже былъ шестой часъ утра, и по улицѣ спѣшили рабочіе. Ѣхали какія то военныя фуры, запряженныя крѣпкими лошадьми, съ крѣпкими просмоленными постромками. Во всѣ эти дни черезъ нашъ городъ проходили войска. Не знаю почему, но именно въ эту ночь, или вѣрнѣе, въ это утро я уже не сомнѣвалась, что пошелъ и Леня и что именно сегодня онъ здѣсь, въ нашемъ городѣ и, конечно, мы увидимся.

Какъ, гдѣ?—я не могла себѣ этого представить, но не только вѣрила, а знала, что мы увидимся.

Отъ мысли о Ленѣ и отъ яркости сновидѣнія мнѣ вдругъ стало нечѣмъ дышать. Инстинктивно я повернула шпигалетъ и открыла окно. Холодомъ пахнуло въ комнату, и сразу мнѣ стало легче. По улицѣ продолжали итти люди, а мнѣ было все равно. Я совсѣмъ забыла, что гляжу на нихъ въ одной рубашкѣ.

Началась новая недѣля, и эти семь дней играли въ моей жизни, пожалуй, большую роль, чѣмъ семь предыдущихъ лѣтъ.

Я до сихъ поръ никогда не лгала мужу и съ ве-

ликой брезгливостью глядѣла на тѣхъ женъ, которыя лгали. Послѣ той ночи, когда мнѣ приснился Леня, я въ однѣ сутки осунулась, пожелтѣла и похудѣла. Жоржъ встревожился, ходилъ за мной и спрашивалъ. не больна ли я и о чемъ я думаю. Приходилось отвѣчать, что болитъ голова, и думаю я о томъ, что вотъ прачка долго не несетъ бѣлья, не пропало бы оно.

Дѣти меня теребили и тоже о чемъ то спрашивали, я слышала голоса, но не понимала значенія ихъ словъ. Надѣла шляпу и пошла бродить по улицѣ. Встрѣтила цѣлый полкъ, идущій на вокзалъ; остановилась и внимательно вглядывалась въ лица офицеровъ. Не могла удержаться отъ слезъ. Потомъ вспомнила, что Леня кавалеристъ, и опять пошла, куда глаза глядятъ. Не чувствовала ни голода, ни усталости. Автоматически повернула въ городской садъ и сѣла на скамейку въ одной изъ самыхъ отдаленныхъ аллей.

Рада была, что здѣсь никого нѣтъ.

Приходилось храбро самой себѣ сказать: «я никогда и никого, кромѣ Леонида, не любила и все мое замужество было сплошной, если не комедіей, то драмой, а я великолѣпной актрисой, женщиной съ огромной силой воли, умѣющей внушать себѣ все, что угодно».

Мысль, о томъ, что Леню взяли изъ запаса, была страшной. Тосковало сердце также отъ сознанія, что мы теперь можемъ не увидѣться. Великій ужасъ вдругъ тихо подходилъ ко мнѣ и шепталъ: «убьютъ, убьютъ»... И это было тяжелѣе всего. Своя воля дѣлалась безсильной, какъ у ребенка, которому у гроба матери говорятъ: не плачь.

Я плакала, прислонившись къ дереву, и не знала, куда мнѣ итти.

Слезы какъ будто облегчили. Снова на улицѣ. Вошла въ трамвай и не посмотрѣла, какой номеръ вагона. Заѣхала куда то на край города. И здѣсь солдаты и офицеры, — все хорошія, серьезныя лица.

Мнѣ вспомнилось то не симпатичное отношеніе къ военнымъ, которое я иногда замѣчала въ обществѣ. И такъ же, какъ я поняла, въ этотъ день, что всегда любила и люблю только одного Леню, такъ же ясна стала мнѣ несправедливость такого отношенія. Вѣдь всѣ эти одѣтые въ защитнаго цвѣта рубахи и брюки люди, всѣ они гораздо меньше буржуа, чѣмъ тѣ, которые считаютъ себя особенно полезными и нужными. И какъ стихія всегда красивѣе и всегда производитъ гораздо больше впечатлѣнія, чѣмъ произведеніе рукъ человѣческихъ, такъ симпатичнѣе мнѣ были они, просто идущіе умирать, потому что это нужно для счастья и спокойствія тѣхъ, которые будутъ жить послѣ нихъ.

Вернулась я домой, должно быть, въ седьмомъ часу. Мужъ и дѣти уже давно пообѣдали. Жоржъ встревожился, но по лицу его я видѣла, что онъ очень далекъ отъ того, чтобы угадать причину происшедшей во мнѣ перемѣны. Ласково заглядывалъ онъ въ глаза и уже ни о чемъ не спрашивалъ и не пробовалъ читать мнѣ вслухъ газетъ. Только принесъ мнѣ мигреневый кристаллъ и сказалъ:

— Потри виски, будетъ легче.

Я заставила себя улыбнуться и исполнила его желаніе. И это вышло хорошо, потому что, когда у меня снова навернулись слезы, я свалила ихъ на ни въ чемъ неповинный кристаллъ. Какъ всякій дѣйстви-

тельно любящій человѣкъ, Жоржъ хоть и не понималъ, но чувствовалъ, что со мной происходитъ что-то очень неладное. Онъ не приставалъ съ ласками, но все время слѣдилъ за мной и это было непріятно.

Въ дѣтской ссорилась съ нянькой и кричала Маруся. Прежде я побѣжала бы туда, а теперь мнѣ было все равно: сѣла въ гостиной на мягкое кресло и точно одеревянѣла.

Неслышными шажками по ковру подошелъ Миша и ни съ того, ни съ сего началъ цѣловать мнѣ руки. Эта ласка ребенка разволновала и растрогала меня гораздо больше, чѣмъ всѣ дѣйствія и взгляды мужа.

Дѣти легли въ этотъ вечеръ спать очень поздно, а я не могла себѣ даже представить, какъ это смогу раздѣться и лечь въ постель. Надѣла только бѣлую ночную кофточку и ходила взадъ и впередъ по темной гостиной до тѣхъ поръ, пока не начала шататься. Вошла въ спальню, Жоржъ уже лежалъ подъ одѣяломъ, читалъ газету и курилъ папиросу. Онъ ни слова не произнесъ, только поглядѣлъ искоса,—такъ смотрятъ преданныя собаки.

Наконецъ, сказалъ:

— Пойди сюда.

По привычкѣ я подошла и сѣла. Мужъ сначала тихо гладилъ меня по рукѣ, но когда онъ прикоснулся къ моей таліи, меня вдругъ всю передернуло.

— Тебѣ нездоровится?—спросилъ онъ.

— Да, лихорадитъ. Не нужно цѣловаться...

Одно представленіе о томъ, что не сегодня, такъ завтра или черезъ три дня я должна быть фактически женой этого милаго, честнаго, любящаго, но совсѣмъ чужого человѣка, пугало меня больше, чѣмъ еслибы мнѣ сказали, что черезъ два дня я заболѣю тифомъ.

И тутъ же, сидя возлѣ него, я придумала: напишу Надѣ, чтобы она протелеграфировала мнѣ, будто мама опасно заболѣла. Я уѣду, а тамъ ужъ найду выходъ.

«Убьютъ, убьютъ»... точно прошепталъ мнѣ кто въ ухо.

Меня опять всю передернуло. Я сдѣлала надъ собой огромное усиліе, отошла за комодъ и въ одинъ мигъ раздѣлась, — боялась, чтобы Жоржъ не поглядѣлъ на меня. Такъ же быстро юркнула подъ одѣяло и заставила себя сказать ровнымъ голосомъ:

— Пожалуйста, потуши лампу и не шелести газетой, это такъ раздражаетъ. Высплюсь и завтра все пройдетъ. Это, навѣрно, легкій припадокъ малярія...

VIII.

Цвѣты, цвѣты и справа, и слѣва, впереди и дальше зеленый лугъ; я иду одна по тропинкѣ между кивающихъ своими головками маргаритокъ, клевера, лиловыхъ колокольчиковъ и бѣлыхъ «кашекъ», — всѣ они выглядываютъ изъ шелковой травы.

Цвѣтовъ гораздо меньше, чѣмъ травы, но безъ нихъ трава не была бы такой красивой. Синее небо. И поютъ птицы. Съ легкой душой двигаюсь я впередъ. Потомъ вдругъ вспоминаю, что уже поздно и нужно кормить завтракомъ Мишу и Марусю, безъ меня они, вѣроятно, очень капризничаютъ, а нянька ничего не можетъ подѣлать.

Нужно вернуться.

Заставляю себя и поворачиваю назадъ. Иду такъ же, не спѣша. И вижу, что тѣ самые цвѣты, которыми я только что любовалась, уже скошены и ле-

7

жать неподвижными и не шевелитъ вѣтеръ больше ихъ головокъ. И похолодѣло мое сердце отъ жалости и горячею кровью пробѣжала мысль: «кто могъ это сдѣлать, кто?»...

Къ своему удивленію, когда я открыла глаза, то увидѣла, что уже одиннадцатый часъ, и Жоржа на постели нѣтъ. Вскочила, позвонила, велѣла принести воды похолоднѣе, какъ можно холоднѣе... И когда умылась, легче не стало, но явилась увѣренность, что ни сегодня, ни въ послѣдующіе дни я уже ничѣмъ не выдамъ своего настроенія и не буду тревожить и мучить ни въ чемъ неповиннаго мужа.

Позвала Мишу и Марусю и сказала:

— Идемте, дѣтки, гулять.

Они обрадовались, знали, что гулять съ мамой, это значитъ зайти въ магазины и купить что-нибудь хорошенькое или вкусное.

Какъ дороги они были мнѣ въ эти минуты. За нихъ, какъ утопающій за соломенку, хваталась я, незнающая, гдѣ любимый человѣкъ, но ясно чувствующая, что онъ близко, здѣсь, въ этомъ городѣ, идетъ быть можетъ, на смерть, и попрощаться намъ нельзя.

Я знала, какъ любятъ дѣти ѣздить на извозчикѣ, и нарочно подозвала самаго лучшаго. Но не пришлось намъ прокатиться: по главной улицѣ опять шли войска и нужно было двигаться шагомъ. И снова, еще острѣе стало мое мученіе, я должна была отвѣчать на вопросы дѣтей:

— Куда солдаты идутъ, почему идутъ, а что они тамъ будутъ дѣлать?

И цѣлый день Миша и Маруся были особенно любопытны, ласковы и нѣжны. Это мучило меня. Я казалась самой себѣ недостойной этой ласки женщи-

ной, которая думаетъ не объ отцѣ своихъ дѣтей, а о другомъ, во много разъ болѣе дорогомъ. Я хорошо знала, что такая измѣна и есть настоящая измѣна мужу. Чистая передъ нимъ тѣломъ, я невѣрна была помыслами.

Затѣмъ стала утѣшать себя. Приходило въ голову: «еслибы каждаго человѣка и каждую женщину судить не за то только, что онъ сдѣлалъ, а за то, что хотѣлъ сдѣлать, то на всемъ земномъ шарѣ были бы одни преступники, а въ городахъ, вмѣсто домовъ, однѣ тюрьмы съ желѣзными рѣшетками».

Но отъ этого все же не было легче.

Мучило и злило сознаніе, что страдаю такъ я лишь потому, что началась война и что Леню могутъ убить. Вѣдь сидѣла же я столько лѣтъ и вспоминала о немъ совсѣмъ не такъ болѣзненно, а теперь точно съ ума сошла и нѣтъ покоя ни на одну минуту. И кажется, всю жизнь отдала бы за то, чтобы его увидѣть.

Со мной случилось приблизительно то, что написано въ Библіи о двухъ женщинахъ, пришедшихъ къ Соломону, которыя обѣ утверждали, что принесенный ими ребенокъ, принадлежитъ только ей. И когда мудрый царь велѣлъ занести мечъ надъ неповинной жертвой, чтобы раздѣлить младенца пополамъ, то настоящая мать закричала: «лучше отдайте ребенка ей, но пусть онъ будетъ живъ».

Такъ и я сейчасъ... Уже не мечтала о личномъ счастьѣ, о томъ, чтобы уйти отъ Жоржа и сдѣлаться хотя бы любовницей Лени... Этого мнѣ сейчасъ не нужно было. И страстно хотѣлось лишь одного, чтобы любимый остался живъ.

Еще протянулись два дня. Я затихла и, вѣроятно, казалась нормальной: глаза Жоржа уже не такъ вни-

7*

мательно слѣдили за мной. Только никуда итти не хотѣлось. Я отправляла дѣтей съ нянькой, брала стулъ, выносила на балконъ и по цѣлымъ часамъ сидѣла не двигаясь, глядѣла на людей, на войска. Увѣренность, что я еще увижу Леню, не оставляла меня.

Около трехъ часовъ я услышала музыку, но безъ обычнаго буханія турецкаго барабана. Въ одну секунду голова моя сообразила, что только въ кавалеріи въ оркестрахъ нѣтъ большого барабана. Потомъ показалась пыль, сверкнули трубы, проѣхали на бѣлыхъ лошадяхъ музыканты, а затѣмъ долго стучали лошадиныя копыта и долго мелькали загорѣлыя лица и перекрещенныя ремнями спины. Во рту у меня вдругъ пересохло; жадно глядѣла я внизъ на каждаго офицера,— теперь ихъ очень трудно было отличить отъ солдатъ. Трудно было также съ высоты третьяго этажа разглядѣть черты лица, но я бы узнала его фигуру.

Я вскочила и быстро, какъ только могла, сбѣжала по лѣстницѣ внизъ. Лошади все топали и топали, точно въ кинемотографѣ двигались эти сѣро-зеленые ряды.

Сердце мое вдругъ дернулось и похолодѣло. На правомъ флангѣ послѣдняго эскадрона я уловила взглядомъ знакомую шею и поворотъ головы. Когда овладѣла собой, не знала, что предпринять дальше. Первой мыслью было: на вокзалъ. Сдѣлавъ усиліе, я подбѣжала къ ѣхавшей позади фурѣ съ краснымъ кре стомъ и крикнула сидѣвшему на козлахъ солдату:

— Какой это полкъ?

Онъ отвѣтилъ. Я вернулась въ квартиру, дрожащими руками надѣла шляпу, выпила воды, сказала горничной, что ухожу, и снова очутилась на улицѣ.

Почему то казалось, что въ трамваѣ я доѣду скорѣй. И дѣйствительно вагонъ пошелъ быстро, но че-

резъ два квартала остановился и долго не трогался. Стояла цѣлая вереница вагоновъ впереди. Я рѣшила взять извозчика, но вокругъ не было ни одного. Безпомощно я опять взошла на площадку трамвая. Десять минутъ показались мнѣ безконечными. Вагонъ снова загудѣлъ, и послѣ многихъ остановокъ, наконецъ, подъѣхалъ къ зданію пассажирскаго вокзала. Я взбѣжала на крыльцо и посмотрѣла направо и налѣво, нигдѣ не было видно кавалеріи. Рѣшила пойти къ коменданту станціи и спросить, когда отправляется такой то поѣздъ, но въ его канцеляріи всѣ были заняты и никто и ничего не сказалъ мнѣ опредѣленнаго. Тогда я вернулась въ залъ перваго класса, подошла къ какому-то офицеру и просила мнѣ разсказать, гдѣ, какъ и когда происходитъ посадка войскъ въ вагоны. Офицеръ старался быть очень любезнымъ и разъяснилъ, что дѣлается это очень далеко на товарной станціи, что каждая часть имѣетъ свою очередь и назначенные вагоны, но когда именно отправляется полкъ, о которомъ я спрашивала, онъ не зналъ.

Я взяла извозчика и поѣхала на товарную станцію. У переѣзда извозчика остановили и городовой сказалъ, что дальше нельзя. Я встала и пошла по рельсамъ среди зеленоватыхъ рубахъ. Увидѣла двухъ кавалерійскихъ офицеровъ и опять стала разспрашивать. Молодой подполковникъ сухо и строго произнесъ:

— Ничего не могу вамъ, сударыня, сказать точно. Насколько мнѣ извѣстно, этотъ полкъ отправляется не сегодня.

— Но тамъ мой братъ, почти крикнула я.

Офицеръ пожалъ плечами, приложилъ руку къ козырьку и вмѣстѣ со своимъ товарищемъ пошелъ дальше.

«И зачѣмъ мнѣ нужно было возвращаться въ ком-

нату, зачѣмъ нужно было надѣвать эту шляпу и садиться въ трамвай, думала я, пошла бы вслѣдъ за полкомъ и все бы узнала».

Я рѣшила обождать и начала прогуливаться взадъ и впередъ возлѣ суетившихся людей и лошадей. Сначала на меня никто не обращалъ вниманія, а затѣмъ подошелъ, вѣроятно, адъютантъ и какъ можно любезнѣе объявилъ, что постороннимъ здѣсь быть нельзя.

Пришлось покориться.

Совсѣмъ обезсиленная я вернулась на вокзалъ, опять въ залъ перваго класса и спросила себѣ лимонаду. Сдѣлала два глотка, оглянулась и возлѣ книжнаго кіоска увидѣла Леню въ солдатской грубой шинели, но съ офицерскими погонами, я замѣтила и то, что одна пола его шинели немного длиннѣе другой, и на плечахъ у него были какіе-то ремни, а не золотая портунея. Чуть нагнувшись впередъ, онъ выбиралъ газету

«Только бы не упасть, только бы не упасть», мелькнуло у меня въ головѣ. И я тоже направилась къ кіоску. Знала, что онъ почувствуетъ мой взглядъ и не окликнула. И дѣйствительно, Леня оглянулся, встрѣтился съ моими глазами и густо покраснѣлъ. Теперь онъ былъ съ бородкой и казался гораздо старше. Леня звякнулъ шпорами и даже какъ-будто весело произнесъ:

— Вы, или не вы?

— Я, произнесли мои губы, а въ мысляхъ снова промелькнуло: «только бы не упасть, только бы не упасть»... Я не сказала ему, какъ искала его, какъ угадала, что онъ не уѣдетъ, пока мы не увидимся.

— Ахъ, какъ это пріятно, сказалъ Леня, — у васъ время есть?

— Есть, отвѣтила я.

— Я отпросился только купить папиросъ и газетъ, но папиросы уже купилъ и думаю, что смогу здѣсь пробыть еще минутъ двадцать. Выпьемте чаю.

Говорилъ онъ какъ будто совершенно спокойно, но въ голосѣ его слышалась спазма глубокаго волненія.

Старался шутить:

— Вотъ идемъ нѣмца добивать. Можетъ быть, это очень эгоистично, но я очень радъ, что началась война, необходимая, интересная, а то въ деревнѣ сдѣлался ужаснымъ буржуа... Хотя больше сидѣлъ въ уѣздномъ городѣ и игралъ въ винтъ у предводителя дворянства. Хотѣли меня женить, но изъ этого ничего не вышло, ибо свобода дороже всего, да и любви не было къ той, которую пророчили мнѣ въ супруги.

Какъ ни тяжко было мнѣ, но послѣднія слова Лени радостнымъ огонькомъ вдругъ зажгли мою усталую душу. Вернулось самообладаніе.

— Ну, а вы какъ, — спросилъ Леня, — счастливы, есть дѣтки?

— Относительно счастлива, но, конечно, того, что переживалось, напримѣръ, на дачѣ въ Финляндіи восемь лѣтъ назадъ, того никогда не было и быть не можетъ.

Глаза Лени посмотрѣли виновато. Не помню, о чемъ мы еще говорили, но четверть часа пролетѣли, какъ пятнадцать секундъ.

— Я васъ провожу, сказала я Ленѣ, когда онъ всталъ со стула и расплатился за чай.

На улицѣ я молча взяла его подъ руку. Медленно шагали мы по мостовой. Разговаривать не могли, не умѣли. Впереди показался переѣздъ, дальше котораго не пустили моего извозчика. И Леня остановился здѣсь же и произнесъ:

— Туда уже не нужно...

Вокругъ никого не было. Я крѣпко стиснула его правую руку и вдругъ почувствовала, что изъ моихъ глазъ покатились горячія слезы.

— Ты плачешь?.. Не нужно, голубчикъ, — все отъ судьбы, а не отъ насъ.

Я стиснула его руку еще сильнѣе, поднесла къ своимъ губамъ и поцѣловала. Леня быстро ее выдернулъ и растерянно сказалъ:

— Я никогда не думалъ, что ты такая... такая останешься. Ну, Христосъ съ тобой.

Онъ сжалъ мои виски, поцѣловалъ меня въ губы и въ лѣвый глазъ, махнулъ рукой, перепрыгнулъ черезъ барьеръ и побѣжалъ туда къ сѣрозеленымъ рубахамъ и лошадямъ.

Тоненькая кавалерійская труба выводила какой-то сигналъ. Я подошла къ первому попавшемуся извозчику и назвала улицу, на которой мы жили.

А какъ я доѣхала—не помню...

Но удивительно было то, что теперь я уже владѣла собой прекрасно. Точно шла, шла по пустынѣ и думала, что конецъ, что дальше не хватитъ силъ, а кто то добрый подалъ мнѣ стаканъ чистой свѣжей воды. И опять стало можно двигаться впередъ. Вечеромъ къ мужу пришли два сослуживца. Онъ зналъ, что я не люблю гостей и принялъ ихъ въ кабинетѣ. Слышно было, какъ они говорили о войнѣ и какъ Жоржъ громко произнесъ:

— Моя жена ужасно впечатлительна, послѣ прочтенія газеты она дѣлается сама не своя, хоть за докторомъ посылай...

IX.

Съ этого вечера мнѣ все труднѣе и тяжелѣе было жить возлѣ Жоржа. Я положительно не выносила его поцѣлуевъ. Крѣпко хотѣлось куда-нибудь уѣхать.

Я знала, какъ скучаетъ безъ меня до сихъ поръ не вышедшая замужъ Надя, знала, какъ она обрадуется моему пріѣзду. Быстро и неожиданно для себя самой я сѣла и написала ей письмо, въ которомъ просила протелеграфировать, будто мама не совсѣмъ здорова. Послала заказнымъ, три дня напряженно ждала. Желанная телеграмма пришла, когда мужа не было дома — «мама заболѣла пріѣзжай Надя».

Жоржъ очень встревожился, когда прочелъ эти слова, но совѣтовалъ обождать полученія болѣе подробнаго извѣстія. Я притворилась, что ждать не въ силахъ. Въ концѣ концовъ и онъ со мной согласился. Далъ денегъ и самъ проводилъ на вокзалъ. Миша и Маруся крѣпко плакали. Было мнѣ стыдно глядѣть на ихъ слезы. А въ купэ, когда поѣздъ тронулся, вдругъ стало легко, нужно было обдумать многое и многое, а нигдѣ такъ хорошо не думается, какъ въ вагонѣ, когда лежишь на спинѣ и слышишь одинъ мягкій гулъ колесъ. Но, какъ говорится: чужую бѣду руками разведу, а съ своей ума не приложу. Прежде всего я рѣшила поговорить съ мамой по возможности искренно и написать Жоржу такое письмо, которое бы его успокоило.

Наши оказались еще на дачѣ, все на той же Лахтѣ. Мама крѣпко обрадовалась мнѣ. Нади и Тани не было дома, уѣхали въ Сестрорѣцкъ на музыку. Поѣзда все еще ходили неправильно, и въ этотъ день меня никто

не ожидалъ. Къ моему удивленію, здѣсь было еще совсѣмъ тепло; большая часть дачниковъ уже разъѣхалась, и не утомляло мельканіе людей.

Всходила луна.

Настроеніе вдругъ измѣнилось. Я уже не могла лгать, но не хотѣлось никого и посвящать въ свою тайну. Я разсказала, что очень утомилась за это время, соскучилась и потому пріѣхала. И это вышло правдоподобно, потому что за минувшую недѣлю я такъ похудѣла, точно перенесла тяжелую болѣзнь; лицо осунулось и пожелтѣло, глаза впали.

— И отлично сдѣлала, и отлично сдѣлала, — отвѣтила мама.

Она не знала о телеграммѣ, посланной Надей. А когда вернулись сестры я и имъ разсказала то же самое. Въ этотъ же вечеръ написала и бросила короткое письмо Жоржу, будто мама совсѣмъ поправилась.

Радовала и бодрила твердая увѣренность, что я любима тѣмъ, кого люблю.

Когда мама легла спать, я и сестры еще долго сидѣли на балконѣ. На сосѣдней дачѣ мужской голосъ запѣлъ романсъ, еще никогда мною неслышанный, на слова:

«Я вчера еще радъ былъ отречься отъ счастья»...

Мелодія уплывала въ лѣсъ къ темнымъ елямъ, къ ихъ вершинамъ и къ лунному свѣту. Пѣвецъ на нѣсколько минутъ замолчалъ, и мнѣ стало жаль, что оборвался такой не шаблонный мотивъ. Когда онъ опять запѣлъ я не могла разобрать словъ, сбѣжала съ веранды и подошла къ самому забору. Ночной вѣте-

рокъ подулъ въ мою сторону и здѣсь я отчетливо услышала еще три строфы:

«Теплый взглядъ, мимолетнаго полный участія,
«Грусть въ прекрасныхъ чертахъ молодого лица...
«И мучительно хочется счастья...»

И хотя это былъ конецъ августа, но я чувствовала себя, какъ весной. Мнѣ казалось, что у меня нѣтъ никакого мужа и дѣтей, а есть гдѣ-то Леня, который теперь непремѣнно думаетъ обо мнѣ. И казалось, что Надя еще въ седьмомъ классѣ, а Таня въ третьемъ, а я курсистка.

Я легла спать съ Надей въ одной комнатѣ, и мы еще долго болтали. Мнѣ ужасно хотѣлось, чтобы Надя спросила, не знаю ли я чего-нибудь о Ленѣ, но она не спросила, и мое легкое огорченіе снова перешло въ радость: было очевидно, что сестра забыла о его существованіи, не только теперь, но никогда не подозрѣвала, какъ онъ дорогъ для меня. Значитъ, о моей любви, первой и послѣдней, знали только трое: Господь Богъ, Леня и я. Мнѣ всегда казалось и теперь кажется, что острѣе всего и радостнѣе то чувство, о которомъ никто не знаетъ.

Когда Надя потушила лампу и уснула, я еще долго ворочалась. Рѣшила, что завтра подъ какимъ-нибудь предлогомъ поѣду въ Петроградъ и непремѣнно побываю возлѣ Екатерининскаго сквера, гдѣ мы встрѣчались съ Леней. Такъ и сдѣлала. Сказала мамѣ, что мнѣ нужно купить чулки и туфли.

Радостно и весело ѣхала я по Невскому. Возлѣ сквера сошла и хотя былъ теперь конецъ лѣта, а не зима, но я совершенно ясно представила себѣ фигуру Лени, идущаго въ николаевской шинели съ бобровымъ

воротникомъ со стороны Садовой. Пріятно было ѣхать и по Каменноостровскому въ трамваѣ.

На дачу я вернулась въ шестомъ часу, прямо къ обѣду. Мама разспрашивала меня о мужѣ, о дѣтяхъ, а я только улыбалась и отвѣчала невпопадъ, такъ что Надя сказала:

— Ты стала какой-то блажененькой.

Конечно, современный бракъ, да еще съ такимъ мужемъ, какъ Жоржъ, не похожъ на рабство, но все-таки я себя чувствовала, какъ чувствуетъ, вѣроятно, человѣкъ, выпущенный изъ тюрьмы на волю. Я сказала, что хочу послѣ обѣда отдохнуть.

— А конечно, отдохни, отвѣтила мать, вѣдь заснула вчера въ три часа, а встала въ восемь.

Милая, она сама постлала мнѣ постель и переложила ключъ внутрь комнаты.

— Лучше запрись, а то непремѣнно Танька влетитъ и тебя потревожитъ.

Я такъ и сдѣлала. Но полежала недолго. Захотѣлось воспользоваться своей свободой и, никого не обманывая, написать Ленѣ. Это письмо было вторымъ въ жизни и первымъ послѣ замужества.

«Тогда на вокзалѣ, прощаясь, я ничего не успѣла сказать, да врядъ ли и нужно было, потому что самое главное — Вы поняли и почувствовали: не было и не будетъ для меня дороже человѣка. Не знаю, дойдетъ ли къ Вамъ это письмо, но я рѣшила въ первый и послѣдній разъ въ жизни быть абсолютно искренной. Жить съ однимъ, любя другого — каторга, и не будь у меня дѣтей, конечно, я ушла бы отъ мужа и не къ Вамъ, а просто домой, или постаралась бы найти себѣ какую-нибудь службу, но жила бы только Вами. Когда-то еще дѣвушкой я написала Вамъ боль-

шое письмо, такое же правдивое, какъ и это, и отправила его заказнымъ. Ждала отвѣта десять дней; когда увидѣла, что его не будетъ, рѣшила, что больше жить незачѣмъ. И вмѣстѣ съ одной подругой отравилась морфіемъ, но меня спасли, а подруга умерла. Къ моему удивленію, письмо это вернулось, потому что Васъ не разыскали. Значитъ, Вы не отвѣтили не потому, что не хотѣли. И мысль, что я не отвергнута, долго поддерживала меня и, вѣроятно, помогла прожить нѣсколько лѣтъ съ человѣкомъ, котораго я только уважаю. Когда я была у Васъ въ квартирѣ въ первый и послѣдній разъ, и Вы сказали свою обычную фразу: «свобода дороже всего» и довольно ясно высказались, что не считаете бракъ счастьемъ, мнѣ было горько и обидно вспоминать эти слова, но теперь, когда я, вѣроятно, еще лучше знаю, что такое законный бракъ — говорю, что согласна съ Вами. И еслибы мнѣ сейчасъ предложили, не причиняя никому горя, сдѣлаться Вашей законной женой, я бы не согласилась и потому именно, что люблю Васъ, Леня, больше всего на свѣтѣ, больше собственной жизни... Васъ это, можетъ быть, удивитъ, но я вѣрующая, я убѣждена въ существованіи загробной жизни и думаю, что тамъ никогда моя душа не отлетитъ отъ Вашей. Бывали мѣсяцы и, можетъ быть, цѣлые годы, когда я думала, что мое отношеніе къ мужу и есть любовь, но послѣ объявленія войны, послѣ того, какъ я уже не сомнѣвалась, что и Вы тамъ будете, а главное послѣ встрѣчи на вокзалѣ, я, къ своему счастью или несчастью, слишкомъ ясно поняла, что одинъ Вы самый дорогой и одному Вамъ могла бы сказать «люблю», хотя ни прежде, ни потомъ, ни Вы, ни я никогда не произнесли этого слова. Да, я бы еще хотѣла увидѣть

Васъ на этомъ свѣтѣ, пока и Вы молоды, пока умѣю и есть силы у меня такъ любить. Но знаю, что не смогу оставить дѣтей, а съ ними и мужа, и поэтому будетъ лучше, если еще когда-нибудь увижу Васъ на улицѣ или на вокзалѣ, буду и тѣмъ довольна, до конца дней моихъ. Думаю и увѣрена, что Богъ сохранитъ Васъ на полѣ сраженія: я сумѣю вымолить у него Вашу безопасность. Больше ничего не могу Вамъ написать; для Васъ чуткаго и безъ того все ясно. Я теперь похожа на того цыпленка, о которомъ вы сказали, что не летать ему вольной чайкой — и не нужно, — пусть полетятъ мои дѣти; я сумѣю ихъ воспитать и разсказать имъ о жизни все, прежде, чѣмъ она исковеркаетъ ихъ.

Ну, до свиданья, или прощайте, не знаю, какъ не знаете и Вы. Тоска давитъ меня. Если у Васъ явится желаніе или возможность отвѣтить мнѣ, адресуйте въ нашъ городъ «до востребованія».

Вся Ваша.

Знайте, что если не получу отвѣта, то буду увѣрена, что случилось это лишь потому, что не дошло къ Вамъ мое письмо. Да сохранитъ Васъ Богъ».

Уютно и спокойно, точно въ гнѣздышкѣ прожила я эти двѣ недѣли. Отъ Жоржа начали приходить частыя письма, онъ умолялъ поскорѣе вернуться и жаловался, что ничего не можетъ подѣлать съ дѣтьми. Я назначила свой отъѣздъ на двадцать восьмое августа. Передъ этимъ еще разъ побывала въ городѣ. Помню, на Лиговской улицѣ я увидѣла цѣлые поѣзда трамваевъ, окрашенныхъ въ бѣлый цвѣтъ: перевозили съ Варшавскаго вокзала раненыхъ. Мнѣ удалось подойти къ одному изъ вагоновъ вплотную, и я встрѣтилась глазами съ

лихорадочнымъ взглядомъ желтаго и печальнаго человѣка и сейчасъ же отдернулась назадъ. Потомъ мнѣ было стыдно и казалась жестокой вся толпа, глядѣвшая на это зрѣлище.

Я рада была, когда вернулась домой. Моросилъ дождикъ; невесело шумѣли деревья. И, кажется, въ единственной нашей дачѣ свѣтился огонекъ. Въ столовой показалось очень тепло и свѣтло, а мама и сестры какъ будто стали гораздо милѣе и ближе. Скрѣпя сердце, я все-таки уѣхала въ тотъ день, въ какой назначила...

X.

Въ вагонѣ мнѣ приснился странный сонъ: несчастная Покрошинская, которая все меня просила о чемъ то такомъ, чего я не могла ей дать.

Мнѣ это показалось дурнымъ предзнаменованіемъ, но потомъ впечатлѣніе изгладилось, и ѣхала я, уже совсѣмъ спокойная, готовая ко всему.

Меня встрѣтилъ Жоржъ вмѣстѣ съ Мишей. Мужу я почти не обрадовалась, зато, увидѣвъ личико своего мальчика, подумала: «если даже все потеряно, то для такихъ дѣтей стоитъ жить».

Ѣхала я на квартиру, точно въ тюрьму. Здѣсь меня радостно встрѣтила Маруся.

Жоржъ спросилъ, что съ мамой. Я такъ просто и легко солгала:

— Сначала думали, что воспаленіе легкихъ, очень повысилась температура, ну, а потомъ оказалось, что просто сильная простуда, и все очень скоро прошло.

Онъ ходилъ за мной по пятамъ и виновато улыбался, а я чувствовала, что мнѣ слѣдуетъ приласкаться, но не могла себя заставить этого сдѣлать.

Мало-по-малу жизнь вошла въ обычную колею. Чтобы меньше думать о Ленѣ и не такъ мучиться, я старалась заполнять весь свой день, ходила въ комитетъ о раненыхъ и шила тамъ бѣлье, а дома, если нечего было дѣлать, читала газеты и книги. Мнѣ казалось, что, вѣроятно, прежде нѣмцы не были такими холодными и жестокими, но когда я прочла «Мадемуазель Фифи», «Сдобную пышку» и еще нѣсколько разсказовъ Мопассана, то поняла, что и сорокъ лѣтъ назадъ они были такими же и это у нихъ въ крови, какъ у волковъ.

Нѣсколько разъ я была на почтѣ, но ни одного письма не получила. Попробовала послать заказное, но мнѣ его вернули съ надписью: «возвращается за неустановленіемъ пріема и выдачи заказной корреспонденціи въ полевыхъ учрежденіяхъ».

Когда я засыпаю, мнѣ иногда кто-то шепчетъ въ самое ухо: «убьютъ, убьютъ»...

Я вскакиваю, тревожно гляжу на храпящаго Жоржа, босикомъ иду къ графину, который стоитъ на окнѣ, и жадными глотками пью воду.

Жизнь моя съ внѣшней стороны ползетъ ровно. Когда Жоржа нѣтъ дома, я пишу эти записки и думаю: «какъ хорошо, что я не назвала нигдѣ своего имени и фамиліи, не назвала и фамиліи Лени. Пусть и послѣ моей смерти никто не узнаетъ, чье это сердце такъ страдало. Слишкомъ много и безъ меня сейчасъ страданій...

Когда нервы непокойны, я и днемъ иногда ложусь на постель и крѣпко уткнувшись лицомъ въ подушку,

стараюсь не шевелиться, но въ эти минуты рѣдко отдыхаю.

Въ темнотѣ вдругъ начинаю видѣть, какъ медленно двигаются окрашенные въ бѣлый цвѣтъ вагоны трамвая, набитые искалѣченными людьми.

До обѣда я читаю газеты, прежде всего списки раненыхъ и убитыхъ, и думаю: «если Леня вернется— я не выдержу, уйду къ нему и тогда... пропала.

Если не вернется,—затоскую и тоже—пропала...

Борисъ Лазаревскій.

8

ГАЛИЦКІЕ КНЯЗЬЯ

СЕРГѢЙ ГОРОДЕЦКІЙ

8*

ГАЛИЦКІЕ КНЯЗЬЯ.

I.

БУЙ-РОМАНЪ.

Буйноликъ и чернокудръ,
Грозенъ окомъ и румянъ,
А умомъ хитеръ и мудръ
Былъ могучій князь Романъ.

Коли вѣрить звону струнъ,
Коли правду пѣлъ баянъ,
Былъ кудесникъ и колдунъ
Велемудрый князь Романъ.

Соберетъ свои войска,
Дастъ въ лѣсахъ укрыться имъ, —
И летитъ подъ облака
Чернымъ ворономъ лихимъ.

Зорко выслѣдитъ враговъ
И взыграетъ на дубу.
Вои знаютъ княжій зовъ,
Знаютъ добрую волшбу!

И гремитъ побѣдный кликъ,
И разсѣянъ вражій станъ.
И опять свой княжій ликъ
Принимаетъ князь Романъ.

А бывало и не то:
Рыщетъ, смотритъ вѣрный полкъ —
Нѣтъ Романа! Верстъ за сто
Мчится полемъ сѣрый волкъ.

Мчится онъ стрѣлы вѣрнѣй,
Не по волчьему удалъ.
Въ стойлахъ вражьихъ у коней
Глотки вырвалъ и пропалъ.

А еще бывало такъ:
Отъ своихъ летучихъ стай
Отобьется князь. И въ мракъ
Пробѣгаетъ горностай.

Средь полночной синевы
Въ станъ врага изыщетъ ходъ,
И у луковъ тетивы,
Острозубый, изгрызетъ.

Это все не чудеса!
Князь Романъ хитрѣй чудилъ!
Зналъ онъ птичьи голоса,
Со звѣрями говорилъ.

Левъ и туръ, орелъ и рысь,
Всѣ цари звѣрей земныхъ,
Съ нимъ равняться собрались
Въ пѣсняхъ Нестора сѣдыхъ.

И когда въ лихомъ бою
Вражья рать въ него впилась,
Встрѣтилъ смѣхомъ смерть свою
Буй-Романъ, колдунъ и князь.

II.

СТРОИТЕЛЬ ДАНІИЛЪ.

На галицкомъ червономъ тронѣ
Сидѣлъ со славой Даніилъ.
Онъ былъ вторымъ по Соломонѣ,
Какъ лѣтописецъ говорилъ.

Романъ былъ мудръ на волхbованья,
А онъ хитеръ былъ въ красотѣ.
Какія сказочныя зданья
Воздвиглись по его мечтѣ!

Художникъ знаменитый Авдій —
Иль, по тогдашнему, хитрецъ —
Служить всей хитростью по правдѣ
Былъ приглашенъ въ его дворецъ.

Онъ храмъ построилъ величавый
На дивныхъ четырехъ столпахъ,
А на столпахъ людскія главы,
А своды въ звѣздахъ и лучахъ.

Увы намъ! Нынѣ неизвѣстно,
Какъ Авдій стѣны расписалъ.
Но въ этомъ храмѣ было тѣсно —
Дивился людъ, толпой вздыхалъ.

Когда же мимо проходили
Слѣпцы-пѣвцы, иль мастера,
Ихъ всѣхъ при князѣ Даніилѣ
Не упускали со двора.

Князь Даніилъ любилъ затѣи:
Тамъ вежу ставилъ до небесъ
И рылъ колодецъ передъ нею,
Тамъ садъ садилъ, что райскій лѣсъ.

Затѣйникъ мирный, былъ онъ въ войнахъ
Великодушенъ и могучъ.
Среди полковъ своихъ спокойныхъ
Онъ пролеталъ, какъ быстрый лучъ.

«Будь безпощаденъ къ рати вражьей,
Не трогай мирныхъ поселянъ» —
Такъ онъ училъ и славу нажилъ
Своей странѣ средь дальнихъ странъ.

«Корону на себя надѣньте,
Король великій, Даніилъ!» —
Такъ римскій папа Иннокентій
Его въ нѣметчину манилъ.

Но Даніилъ былъ русскимъ княземъ,
Могучимъ, гордымъ и святымъ.
Онъ въ лѣтописномъ древнемъ сказѣ
По Соломонѣ слылъ вторымъ.

Сергѣй Городецкій.

ОСТРІЕ МЕЧА

ПОВѢСТЬ

ѲЕДОРА СОЛОГУБА

ОСТРІЕ МЕЧА.

I.

Екатерина Сергѣевна Старградская почему-то вспомнила въ это безмятежно-тихое утро, что меньше, чѣмъ черезъ четыре мѣсяца, она будетъ праздновать свою серебряную свадьбу. Вспомнила всю свою жизнь, и удивилась.

Стоя передъ зеркаломъ, она долго смотрѣла на свое отраженіе. Ни одного сѣдого волоска, ни одной морщинки, — лицо молодой женщины. И въ душѣ своей чувствовала она то же дыханіе молодости и надеждъ. Правда, она вышла замужъ очень молодою, — но все-таки, — четверть вѣка!

Какъ странно! Всѣ эти годы казалось ей, что настоящая жизнь еще впереди. Все вокругъ измѣнялось, — мужъ подвигался по служебной лѣстницѣ, отличился въ японской войнѣ, ужъ давно произведенъ въ генералъ-лейтенанты, и командуетъ большою воинскою частью вблизи западной границы. Дѣти, всѣ четверо, сынъ и три дочери, строго и просто воспитанные, благополучно выросли, и сынъ уже два года офицеръ. Старшая дочь замужемъ, и у нея недавно родился

славный мальчуганъ, весь въ бабушку, какъ увѣряли всѣ въ домѣ.

«Бабушка!» — съ улыбкою подумала про себя Екатерина Сергѣевна.

Чувствуя себя молодою и сильною, сладко и робко прислушиваясь къ трепетной боли сладкихъ надеждъ, все тою же тоскою щемящихъ сердце, какъ и четверть вѣка назадъ, она съ обычною милою ласкою обошла весь домъ, — заботливая хозяйка, жена и мать, — поговорила съ мужемъ, чутко замѣтила, что онъ чѣмъ-то озабоченъ, нѣжно отмѣтила въ душѣ его ласковость, и вышла въ садъ. И въ душѣ ея было тревожное ожиданіе.

Она знала, что сейчасъ придетъ Павелъ Дмитріевичъ Буравовъ, ея старый другъ, и что разговоръ съ нимъ опять обвѣетъ ее грустью, мечтами и надеждами. Сидѣла въ бесѣдкѣ надъ высокимъ берегомъ рѣки, и смотрѣла на домики городской окраины, на рѣку, такую спокойную, точно и не текла въ ней вода, и на поля за рѣкою.

Домъ Старградскихъ, купленный давно, еще когда дѣти были маленькими, стоялъ на краю города; передъ домомъ — площадь, церковь, за домомъ — большой садъ, гдѣ ярко освѣщенныя солнцемъ лужайки чередовались съ мѣстами глубокой тѣни. Въ саду слышны были голоса молодежи, а здѣсь, въ бесѣдкѣ, было тихо-тихо, какъ бываетъ только въ тѣхъ уютныхъ уголкахъ, гдѣ мечты сплетаются съ воспоминаніями, и гдѣ, мечтая и вспоминая, не знаешь, окончена ли вся жизнь, или вотъ-вотъ сейчасъ начнется новая.

На песчаной дорожкѣ послышались знакомые шаги, знакомый голосъ негромко назвалъ ея имя. Сердце Екатерины Сергѣевны сильно забилось. Но голосъ ея

былъ молодо звученъ, когда она говорила первыя слова привѣта.

И вотъ онъ сидитъ передъ нею. Бесѣда ихъ тиха, и кажется, что тишина и печаль сторожатъ миръ этого мѣста. На его рукавѣ крепъ, — мѣсяцъ назадъ умерла его жена. Густые волосы его слегка тронуты просѣдью. Онъ немного старше Екатерины Сергѣевны, но, когда онъ смотритъ на нее, кажется, что онъ также молодъ. Голосъ его, ясный и отчетливый, — славный голосъ опытнаго учителя, — звучитъ молодо и взволнованно.

Они сидятъ, смотрятъ нѣжно другъ на друга, и говорятъ, какъ вчера, какъ третьяго дня, какъ почти каждый день въ послѣднія двѣ недѣли. Говорятъ о себѣ, о своей странной жизни, о своей полузадушенной, но вѣчно-живой любви, о своихъ робкихъ надеждахъ.

II.

Осторожно и нѣжно глядя на Буравова, Екатерина Сергѣевна говорила:

— Я все думаю, Павелъ Дмитріевичъ, о вашей женѣ... покойной женѣ. Такъ странно звучитъ слово покойная, когда думаешь о Софьѣ Даніиловнѣ. Она была такая живая, такая веселая, такая радующаяся земной жизни.

— Да, — сказалъ Буравовъ тихо и задумчиво, — это было такъ неожиданно!

— И такъ грустно! — сказала Екатерина Сергѣевна.

Въ ея памяти встало лицо покойницы во время ея недолгой болѣзни, и потомъ въ гробу. Все то же легкомысленное, веселое лицо, и только черныя, крутыя брови слегка приподняты, и словно отблескъ уди-

вленія лежалъ на застывшей улыбкѣ. Екатерина Сергѣевна внимательно смотрѣла на Буравова. Ей хотѣлось разгадать, былъ ли онъ потрясенъ смертью жены, съ кот рою и онъ, какъ она со своимъ мужемъ, прожилъ почти четверть вѣка, — Буравовъ вѣнчался ровно за мѣсяцъ до ея свадьбы. Но свѣтло, почти радостно было его лицо. Да, вѣдь онъ любилъ не жену, онъ любилъ другую.

Онъ говорилъ медленно, слѣдя глазами бѣгущія по далекимъ полямъ тѣни тучъ:

— Смерть — дивный феноменъ. Великое чувство освобожденія и печали.

Екатерина Сергѣевна покачала головою.

— Освобожденіе, да, — сказала она, — но печаль! Для этого не надо смерти. Печаль здѣсь.

Буравовъ взялъ ея руку, пожалъ осторожно, и сказалъ:

— Вы знаете, я ея не любилъ. Былъ увлеченъ короткое время. Но не любилъ. Не ее любилъ.

— Она это знала? — спросила Екатерина Сергѣевна.

— Она такъ поспѣшно и жадно жила, — отвѣчалъ Буравовъ, — что едва-ли замѣчала многое. А я всѣ эти долгіе годы...

Щеки Екатерины Сергѣевны вспыхнули. Она торопливо сказала:

— Да, я знаю. Вы любили меня!

Такъ полнозвучны и многозвучны были эти слова! Боль воспоминаній, радость, упрекъ, надежда, — все слилось въ этомъ взволнованномъ возгласѣ. И такъ зажглись глаза, какъ зажигаются они только у очень молодыхъ, если не годами, то душою.

Буравовъ поднесъ ея руку къ своимъ губамъ. Говорилъ:

— Всѣ эти годы такое горькое сознаніе роковой ошибки! Я любилъ только васъ.

— И однако, — съ легкимъ вздохомъ сказала Екатерина Сергѣевна, — женою вашею была она, а не я. Вы скажете, что и я... Да, я не осталась дѣвою четверть вѣка ждать жениха, который мнѣ измѣнилъ, ждать и надѣяться, что онъ ко мнѣ вернется!

— Моя вина такъ велика! — сказалъ онъ. — Вина и ошибка! Это была какая-то угарная, мимолетная страсть, и она такъ быстро разсѣялась, и я понялъ, что люблю только васъ. Но уже было поздно. Вы уже были замужемъ. Если бы вы знали, какъ я страдалъ, вы бы меня простили.

— Другъ мой, — говорила Екатерина Сергѣевна, и слезы были въ звукѣ ея голоса, — я васъ давно простила. Но у меня уже взрослыя дѣти! Я привыкла къ моей печали, и мнѣ такъ легко здѣсь.

— А я! — воскликнулъ Буравовъ. — Нѣтъ, я не могъ привыкнуть. И теперь, когда я свободенъ, я съ прежнею любовью, съ прежнею страст ю зову васъ. Придите ко мнѣ, верните свою свободу, будьте счастливы со мною.

— Вы свободны,—повторила Екатерина Сергѣевна,— а я нѣтъ. И ужъ я какъ будто боюсь перемѣнъ. Мнѣ здѣсь такъ покойно, какъ въ послѣднемъ убѣжищѣ. Мои цѣпи стали привычными условіями моего существованія.

— Если бы вы не надѣли этихъ цѣпей,—сказалъ Буравовъ,—я вернулся бы къ вамъ скоро. Ахъ, зачѣмъ вы тогда такъ поторопились!

Улыбаясь странно и нѣжно, Екатерина Сергѣевна говорила:

— Простите меня, другъ мой. Я была тогда такъ одинока, такъ несчастна. А онъ, мой мужъ, онъ—пря-

мой, простой, честный человѣкъ. И за всѣ эти годы онъ совсѣмъ не измѣнился душой, и теперь, корпусный командиръ, онъ такой же славный и милый, какъ тогда, когда онъ былъ скромнымъ субалтернъ-офицеромъ. И тогда онъ былъ такъ нѣженъ со мною! Я думаю, онъ догадывался о томъ, что я переживала. Но никогда, никогда онъ меня ничѣмъ не обидѣлъ. Онъ всегда былъ истиннымъ рыцаремъ. И какъ мнѣ было горько, что, цѣлуя его, я носила въ душѣ иной образъ!

Она плакала. Буравовъ цѣловалъ ея руки, заглядывалъ въ ея опечаленные глаза, и говорилъ:

— Но вы меня все еще любите?

— Вы это знаете, — тихо сказала Екатерина Сергѣевна. — Да, я васъ люблю. Теперь мнѣ уже легко сказать это слово. Скажу вамъ откровенно, другъ мой, я долго ждала и надѣялась, и мнѣ казалось, что на головѣ моей—вѣнецъ надежды, милый, благоуханный, но перевитый терніями.

Очень взволнованный, Буравовъ заговорилъ страстно:

— Вы должны уйти со мною, потому-что мы любимъ другъ друга. Идите за мною, умоляю васъ, милая Катя!

Чувствуя, какъ сладкою мукою болитъ ея сердце, Екатерина Сергѣевна воскликнула:

— Отчего вы не говорили мнѣ этого раньше?

— Вы правы, когда упрекаете меня въ этомъ, — отвѣчалъ Буравовъ.—Я безконечно виноватъ. Я знаю,— я былъ малодушенъ, я не умѣлъ разбить моихъ цѣпей, я колебался, боялся чего-то. Не за себя,—за васъ.

Улыбаясь сквозь слезы, думала она:

«Боялся за меня,—но чего же?»

Вспомнилась жена Буравова, бойкая, веселая, легко-

мысленная красавица. Она была ревнива? Можетъ быть. Даже не то, что ревнива, а ужъ очень неожиданна во всѣхъ своихъ поступкахъ, ни добрая, ни злая, взбалмошная, непослѣдовательная, избалованная своимъ богатствомъ, женщина съ душою ребенка. Да, она, пожалуй, способна была бы облить сѣрною кислотою свою соперницу.

Неужели онъ этого боялся?

«Но и слѣпая, я любила бы его. Или онъ боялся моего безобразія?»

«Нѣтъ,—думала она опять,—онъ не разлюбилъ бы меня и обезображенную».

Буравовъ говорилъ:

— Любовь должна была торжествовать надо всѣмъ. Но, можетъ быть, для нашей любви нужны были долгіе годы внѣшняго разъединенія. Душа человѣка, подобно нѣкоей Гризельдѣ, должна быть покорною до конца. Но теперь, когда годы очистили мою душу, и когда ваша душа такъ много страдала, теперь мы будемъ сильны, будемъ счастливы! Неужели для насъ невозможно счастіе! Позднее, но тѣмъ болѣе сладкое.

«Уйти отъ мужа!—со страхомъ думала Екатерина Сергѣевна.—Такъ опечалить его! Быть счастливою для себя!»

Ей казалось, что если она уйдетъ отъ мужа, то дѣти осудятъ ее. Они такъ любятъ отца! Съ какими глазами скажетъ она имъ:

— Я ухожу отъ вашего отца!

Кощунственнымъ казалось ей передъ дѣтьми порвать связь, завязавшуюся, когда ихъ еще не было на свѣтѣ, разрушить то, на чемъ построена вся ихъ жизнь. Какимъ ударомъ это будетъ для нихъ, какимъ крушеніемъ всего ихъ міра!

9

Еще старшія дочери, можетъ быть, поймутъ и не осудятъ. А младшая, Раиса, странная дѣвушка, сотканная изъ противоположностей, такая веселая и такая молитвенная, такая кроткая и такая иногда вдругъ гнѣвная, нѣжная и откровенная,—какъ она взглянетъ на мать, что ей скажетъ?

Безконечно слабою чувствовала себя Екатерина Сергѣевна въ эти минуты, и только могла плакать.

Но неужели надо отказаться отъ своего счастья? Какъ это жестоко!

— Другъ мой!—воскликнула она,—сердце мое разрывается. Но какъ я его оставлю?

— Вы ему уже не нужны,—хмуро сказалъ Буравовъ.

— Кто это можетъ знать!—возражала она.—Кто знаетъ, кому какъ бываетъ больно, когда рвутся эти нити! Вѣдь ихъ сплетала вся наша съ нимъ жизнь!

— Можетъ быть, его утѣшитъ Мари Дюбуа,—сказалъ Буравовъ, насмѣшливо улыбаясь.

Екатерина Сергѣевна улыбнулась. Молоденькая француженка Мари, сестра инженера, служащаго на одной изъ здѣшнихъ фабрикъ, нѣсколько разъ приносила цвѣты генералу Старградскому. Да, она смотрѣла на него влюбленными глазами. Генералъ былъ очень красивъ и представителенъ въ своемъ гусарскомъ мундирѣ. Но Екатерина Сергѣевна твердо знала, что ни наивная Мари, и никакая другая женщина на свѣтѣ не займетъ ея мѣста въ вѣрномъ, рыцарскомъ сердцѣ ея мужа. Ей опять вспомнились безчисленныя черты его ласковости, доброты, спокойной и увѣренной любви.

Нѣтъ, Мари его не утѣшитъ.

III.

Въ домѣ и въ саду всегда было шумно, весело и молодо. Старшая, замужняя дочь, Александра, со своимъ мужемъ, капитаномъ Ельцовымъ, жила здѣсь-же: домъ былъ просторенъ и помѣстителенъ. Около двухъ младшихъ, Людмилы и Раисы, всегда толпилась молодежь, или влюбленная, или просто веселая. И потому садъ, дремотный и задумчивый въ своихъ уютныхъ убѣжищахъ, почти всегда звучалъ гдѣ-нибудь шумомъ, смѣхомъ, веселостью, беззаботностью, и свѣтилъ всѣми озареніями молодости.

Въ послѣдніе дни Александра была нѣсколько обезпокоена выраженіемъ какой-то сосредоточенной серьезности, которую она подмѣчала на лицахъ отца и мужа. Ея безпокойство усиливалось, когда она вспоминала, какъ недѣлю тому назадъ, за утреннимъ чаемъ, младшая сестра, Раиса, сказала:

— А мнѣ сегодня ночью снилось, что скоро будетъ война.

Всѣ засмѣялись: ничто въ эти ясные лѣтніе дни не предвѣщало близости войны. Даже отецъ улыбнулся и сказалъ:

— Нѣтъ, Раисочка, всѣ штатскіе предсказатели обѣщаютъ европейскую войну только въ 1915 году, а этотъ годъ, Богъ дастъ, переживемъ спокойно.

Надъ Раисиными снами всѣ въ домѣ посмѣивались. Одна Александра знала странное свойство этихъ сновъ,— они нерѣдко сбывались.

И вотъ теперь Александра старалась почаще быть съ мужемъ.

Они шли вдвоемъ по тѣнистой дорожкѣ сада, и го-

9*

ворили о второй сестрѣ, Людмилѣ, и объ инженерѣ Шпруделѣ, который явно ухаживалъ за Людмилою.

Ельцовъ говорилъ:

— Нѣтъ, что ты тамъ ни говори, а не нравится мнѣ этотъ заграничный инженеръ, этотъ вашъ благовоспитанный Шпрудель.

Александра, можетъ быть, изъ сочувствія къ роману сестры Людмилы, считала нужнымъ заступаться за Шпруделя, хотя онъ и ей самой не нравился. Она говорила не совсѣмъ увѣренно:

— Онъ очень милый. Такая возвышенная, нѣжная душа! Любитъ стихи, природу, музыку. Такъ хорошо знаетъ Шиллера, даже въ русскихъ переводахъ! Такъ хорошо изучилъ русскій языкъ!

— А мнѣ онъ не нравится и не нравится,—говорилъ Ельцовъ. — Не могу тебѣ сказать, какъ мнѣ досадно, что Людмила любитъ эту ходячую цитату. Мнѣ иногда хочется ударить его. Особенно, когда онъ изъ Шиллера декламируетъ.

Александра, сдержанно улыбаясь, сказала:

— Что ты говоришь, Володя! Какъ можно!

— И твой отецъ его не любитъ,—сказалъ Ельцовъ.

Это было очень значительнымъ аргументомъ. Отецъ рѣдко высказывалъ свои мнѣнія, и не давилъ никого своею волею, но его слова, мнѣнія, взгляды очень замѣчались и цѣнились дѣтьми.

Какъ всегда бываетъ у замужней сестры по отношенію къ младшей, Александрѣ хотѣлось, чтобы и Людмила устроила свою судьбу. Поэтому ее очень огорчала холодность отца къ Шпруделю. Утѣшая себя и Людмилу, она думала, что отецъ еще мало знаетъ Шпруделя, и только потому такъ холоденъ къ нему.

— Какъ бы то ни было, — говорилъ Ельцовъ, — совѣтую тебѣ быть съ нимъ осторожнѣе и не болтать лишняго.

Александра внимательно посмотрѣла на мужа. Хотѣла сказать что-то. Но въ это время подошелъ къ нимъ младшій братъ, веселый, простодушный подпоручикъ, Сережа. Онъ спросилъ:

— Это вы про кого? Про Шпруделя? Гейнрихъ — премилый малый, я его очень люблю. Ей Богу, хоть онъ и нѣмчура.

Ельцовъ сказалъ сдержанно:

— Да, онъ умѣетъ вкрадываться въ довѣріе къ людямъ. Но меня-то онъ не обманетъ.

IV.

Гейнрихъ Шпрудель, запасной лейтенантъ германской арміи, служилъ инженеромъ на одномъ изъ здѣшнихъ заводовъ. Жилъ онъ въ этомъ городѣ уже года два. Онъ былъ молодой, высокій, голубоглазый нѣмецъ. Легко знакомился съ людьми. Особенно много знакомыхъ было у него въ военной средѣ. Такъ какъ онъ былъ иностранецъ, то его очень охотно принимали во всякомъ обществѣ Никому не казались странными ни его разспросы о разныхъ дѣлахъ, военныхъ и гражданскихъ, ни его любовь къ прогулкамъ.

Онъ былъ влюбленъ во вторую дочь генерала Старградскаго, Людмилу. Изо всѣхъ здѣшнихъ барышенъ эта спокойная, уравновѣшенная дѣвица казалась ему наиболѣе подходящею къ идеалу той скромной и степенной женщины, которая, «домъ украшая изяществомъ строя, не знаетъ покоя». И хотя она была русская,

но онъ думалъ, что въ Германіи она станетъ такою же хорошею женою, матерью и хозяйкою, словно въ Германіи и выросла.

Сидя съ нею на скамейкѣ передъ цвѣточною куртиною, онъ говорилъ:

— Мнѣ очень горько, что твой отецъ меня не любитъ.

Людмила отвѣчала со своимъ обычнымъ спокойствіемъ:

— Папа, вообще, очень сдержанный человѣкъ.

— Со мною онъ особенно холоденъ, — говорилъ Шпрудель. — Онъ слишкомъ патріотъ. Хотя мы ему еще и не открыли нашей любви, но онъ догадывается. Ему досадно, что дочь боевого русскаго генерала любитъ нѣмца.

— Папа узнаетъ тебя поближе, — увѣряла Людмила, — и пойметъ тебя.

— Я боюсь, — сказалъ Шпрудель, — что онъ будетъ настаивать...

Людмила слегка покраснѣла, и сказала:

— Я люблю тебя, и никто мнѣ не помѣшаетъ. Я увѣрена, что папа не будетъ ставить мнѣ препятствій. Но если бы даже...—нѣтъ, ничто на свѣтѣ не разлучитъ меня съ тобою.

Она прижалась къ его плечу, и сквозная тѣнь листвы покрыла ея разнѣженное лицо веселыми солнышками.

V.

Раиса и Уэллеръ, высокій, сильный и очень спокойный молодой красивый англичанинъ, вдвоемъ играли въ теннисъ. Уэллеръ выигралъ нѣсколько разъ подъ рядъ. Раиса бросила ракетку на песокъ.

— Довольно,—сказала она,—я устала.

Она сѣла на скамью передъ площадкою. Продолжая начатый еще до игры разговоръ, она сказала съ выраженіемъ кроткаго упрека:

— Вы ни во что, ни во что не вѣрите.

— Это не совсѣмъ такъ, Раиса, — возразилъ Уэллеръ.—Я вѣрую, какъ должно вѣрить. Но въ предвѣщательные сны...

— Мои сны всегда сбывались,—сказала Раиса.

Въ ея словахъ была такая кроткая увѣренность, что Уэллеръ невольно улыбнулся. Онъ сказалъ:

— Сбывались, конечно, Раиса, но кромѣ тѣхъ, которые не сбывались.

Раиса тихо покачала головою, и сказала:

— Мнѣ ужасно досадно на себя, что я вамъ разсказала мой вчерашній сонъ. Еще хорошо, что я не сказала вамъ, на кого былъ похожъ свѣтлый воинъ моего сна.

— А на кого? — спросилъ Уэллеръ. — Скажите, Раиса, прошу васъ.

Раиса молчала, и счастливыми глазами всматривалась въ кусты жасмина за теннисъ-гроундомъ. Уэллеръ улыбаясь сказалъ:

— Надѣюсь, онъ не на меня былъ похожъ?

Раиса покраснѣла очень, и отвернулась. Уэллеръ понялъ, что угадалъ. Ему стало радостно, но въ то же

время онъ упрекалъ себя, зачѣмъ онъ своими словами заставилъ Раису такъ покраснѣть.

Раиса сказала тихо, и слезы слышались въ ея голосѣ:

— Я разсказываю, а вы смѣетесь.

Уэллеръ смутился.

— Простите, Раиса,—сказалъ онъ,—я улыбался не потому, что хотѣлъ смѣяться надъ вами. Я улыбался своимъ мыслямъ и воспоминаніямъ. Смѣяться надъ вами я не могу, потому-что я люблю васъ.

Онъ смотрѣлъ на нее разнѣженными глазами. И правда, въ эту минуту вспомнились ему милыя и смѣлыя дѣвушки его далекой родины, вспомнились его ласковыя сестры съ такою же кроткою увѣренностью такихъ же синихъ глазъ. Онѣ были такъ же набожны, какъ Раиса, и такъ же любили читать благочестивыя книги. И были такія же веселыя, кроткія и порою неожиданно вспыльчивыя, какъ Раиса.

— Люблю,—повторилъ онъ тихо.

Раиса повернула къ нему раскраснѣвшееся лицо. Посмотрѣла на него, счастливо улыбаясь, какъ смотрятъ на солнце,—радостно и трудно. Сказала застѣнчиво:

— Нѣтъ, нѣтъ, не говорите мнѣ объ этомъ. Вы все отъ разсудка. А я молюсь, и знаю, что моя молитва услышана.

— Хорошо, Раиса, вы—счастливая,—говорилъ Уэллеръ.—И вы напрасно думаете, что я не вѣрю правдѣ вашихъ словъ. Но вѣдь сонъ вашъ можно растолковать, какъ угодно. Ну, скажите, что предвѣщаетъ тотъ сонъ, который вы мнѣ разсказали.

— Что-то страшное,—сказала Раиса.

— А что именно?—продолжалъ спрашивать Уэллеръ.

Раиса застѣнчиво улыбнулась, и сказала:

— Не знаю. Я спрошу сегодня у Никандра,—онъ такъ все понимаетъ.

Уэллеръ досадливо пожалъ плечами. Онъ ужъ видѣлъ нѣсколько разъ у Раисы странника Никандра, и не могъ понять, что милая и чуткая Раиса находила привлекательнаго въ этомъ простомъ, полуграмотномъ мужикѣ. Ему не хотѣлось спорить съ Раисою, но все-таки онъ не могъ удержаться отъ того, чтобы не сказать:

— Какъ всегда, Раиса, вы увлекаетесь. Вашъ Никандръ — лукавый, хитрый, но совершенно невѣжественный человѣкъ.

Раиса съ упрекомъ посмотрѣла на него. Что значитъ невѣжественный? Развѣ для святости нужны книжныя знанія и наученія профессоровъ? Развѣ Богъ не открывается простымъ людямъ и дѣтямъ? Какая гордость человѣческаго ума! Въ этомъ мірѣ, гдѣ все сіяетъ и радуется простодушно, и небеса развертываютъ свой синѣющій покровъ надъ широкою далью долинъ, всегда думать о бѣдной человѣческой наукѣ!

— Вы — раціоналистъ, — сказала Раиса, — и я васъ не люблю.

— Не ошибаетесь ли вы, Раиса?—улыбаясь, спросилъ Уэллеръ.

— Нѣтъ, не ошибаюсь.

И, увидѣвъ подходящихъ къ нимъ Людмилу и Шпруделя, она сказала:

— Вотъ, спросите Людмилу или Шпруделя, они вамъ тоже скажутъ, что вы — раціоналистъ.

Людмила, улыбаясь, спросила:

— Раиса, ты опять на него нападаешь?

А Шпрудель принялъ сторону Раисы. Онъ говорилъ:

— Конечно, Ричардъ, вы—раціоналистъ. Вы слишкомъ привязаны къ земнымъ цѣнностямъ, и для васъ трудно слѣдить за крылатыми мечтами и за высокими духовными устремленіями Раисы. Туда, «высоко надъ бездной пространствъ и временъ», вы не послѣдуете за Раисою.

— Не ошибаетесь-ли вы, Гейнрихъ!—флегматично повторилъ Уэллеръ.

— Думаю, что нѣтъ, — говорилъ Шпрудель. — Вы способны дремать, когда Раиса играетъ или поетъ.

Но это ужъ показалось Раисѣ несправедливымъ. Она живо сказала:

— Нѣтъ, онъ слушаетъ внимательно.

Шпрудель, увлекаясь своимъ краснорѣчіемъ, продолжалъ:

— На одно и то же явленіе вы и Раиса реагируете совершенно различно. Одни и тѣ же ворота ведутъ васъ къ законамъ, Раису къ вольной природѣ. Вы — отвлеченный мыслитель, и о такихъ, какъ вы, Шиллеръ справедливо сказалъ, что они весьма часто имѣютъ холодное сердце.

Раиса засмѣялась и сказала:

— Слышите, бѣдный Уэллеръ, у васъ холодное сердце.

А Шпрудель, какъ поставленный на рельсы, катилъ дальше, и самый голосъ его пріобрѣталъ все болѣе машинный оттѣнокъ. Онъ говорилъ:

— Потому что они расчленяютъ впечатлѣнія, которыя способны тронуть душу только въ цѣломъ. Но вы на меня не сердитесь. Вы — славный малый и отличный товарищъ.

Уэллеръ саркастически усмѣхнулся, поклонился и сказалъ:

— Благодарю. Прикажете отвѣтить вамъ тѣмъ-же?

Въ тонѣ его голоса было что-то неуловимо-дерзкое, такъ что Шпрудель досадливо поморщился. Людмилѣ показалось, что молодые люди готовы поссориться. Она торопливо сказала:

— Юноши, не ссорьтесь! Шпрудель, не нападайте на Уэллера.

Шпрудель вспомнилъ соотвѣтствующую, какъ ему казалось, случаю цитату изъ Шиллера:

— «Даже изъ рукъ недостойныхъ истина дѣйствуетъ сильно».

Цвѣты поздняго лѣта благоухали такъ нѣжно и тонко, и такъ безоблачна была безбрежная лазурь, только-что омытая недавно-прошедшимъ дождемъ, и такъ свѣжо и молодо зеленѣлъ весь садъ, что Раисѣ и самыя высокія слова казались грузными и неуклюжими, когда они падали изъ устъ Шпруделя. Она вздохнула и подумала:

«Бѣдная Людмила!»

Уэллеръ пожалъ плечами, и холодно спросилъ:

— Увѣрены-ли вы, Гейнрихъ, что устами вашими говоритъ истина?

Шпрудель продолжалъ цитировать:

— «Истины оба мы ищемъ,—сказалъ Шиллеръ,— ее ты ищешь въ природѣ, я ищу въ сердцѣ, и вѣрь, что мы оба ее найдемъ».

Сергѣй подошелъ и слушалъ съ улыбкою.

— Опять изъ Шиллера?—тихо спросилъ онъ Раису.

Раиса молча кивнула головою. Сергѣй весело сказалъ Шпруделю:

— Онъ — ужасный колбасникъ, вашъ Шиллеръ.

Шпрудель очень обидѣлся за Шиллера, но вспомнилъ изъ него же убійственную цитату:

— «Есть люди, которые потому бранятъ грацій, что никогда не были ими обласканы».

Сергѣй засмѣялся.

— Ну, это антимонія на постномъ маслѣ. Сестры, мама васъ зоветъ зачѣмъ-то.

VI.

Шпрудель и Уэллеръ остались вдвоемъ. Шпрудель чувствовалъ себя уязвленнымъ. Ему хотѣлось сказать Уэллеру что-нибудь непріятное. Онъ сказалъ:

— Другъ мой, мнѣ жаль васъ.

— Тронутъ, — отвѣчалъ Уэллеръ.

— Вы любите Раису, — говорилъ Шпрудель. — Но она отвѣтитъ вамъ, какъ возлюбленная рыцаря Тогенбурга: «Сладко мнѣ твоей сестрою, милый рыцарь, быть, но любовію иною не могу любить».

Уэллеръ сдѣлалъ ледяно-холодное лицо, и сказалъ:

— Другъ мой, позвольте мнѣ сказать вамъ пару дружескихъ словъ.

— Пожалуйста,—сказалъ Шпрудель, зло усмѣхаясь.

— Я—очень спокойный человѣкъ,—говорилъ Уэллеръ. — Но есть вещи, которыхъ я не люблю.

Шпрудель насмѣшливо засмѣялся.

— Какъ и всякій. Вы не открыли мнѣ ничего новаго.

— И не собираюсь, — отвѣчалъ Уэллеръ. — Но видите-ли, есть случаи, когда боксъ вразумительнѣе словъ.

— Ого! — воскликнулъ Шпрудель въ недоумѣніи.

Неизвѣстно, чѣмъ бы кончился разговоръ молодыхъ людей, но, къ счастію, въ это время возвратились сестры.

Александра сказала:

— Ну, что же, молодые люди, гулять? Идемъ или ѣдемъ?

Раиса со счастливою улыбкою смотрѣла на небо. Бездонные просторы небесъ всегда манили къ себѣ ея взоры. Все, что совершалось на небѣ, она замѣчала раньше другихъ сестеръ. Даже ночью занавѣски въ ея спальнѣ не задергивалась, чтобы она могла, и лежа въ постели, видѣть звѣзды, вѣчныя, чистыя, всегда утѣшающія.

И теперь она воскликнула:

— Смотрите, радуга!

Шпрудель рѣшилъ, что ссориться не стоитъ и несвоевременно. Интереснѣе отправиться на прогулку. Онъ сказалъ:

— Дождя сегодня больше не будетъ. «Не человѣчьими руками жемчужный, разноцвѣтный мостъ изъ водъ построенъ надъ водами!»

Раиса взглянула на него, и вздохнула. Жемчужный мостъ показался ей пошатнувшимся, когда говорилъ Шпрудель.

VII.

Стоя надъ высокимъ берегомъ рѣки и мечтательно глядя въ далекія поля, Шпрудель говорилъ Людмилѣ:

— Мнѣ хочется пройти къ старой мельницѣ, къ Орлицамъ. Здѣсь вездѣ такіе просторы, такъ много земли. У иного русскаго помѣщика больше земли, чѣмъ у баварскаго короля. У Орлицъ—цвѣтущіе луга, и я «пойду, волнуемый мечтами, въ луга, гдѣ зеркальный потокъ, чтобъ для тебя, между цвѣтами, сорвать прелестнѣйшій цвѣтокъ».

— Но вѣдь тамъ болото? — сказала Людмила.

— Ну что жъ! — сказалъ Шпрудель. — Не найдемъ дороги, вернемся. А можетъ быть, найдется мостъ, гдѣ «катятся волны внизу, повозки вверху, и любезно мастеръ возможность далъ также и мнѣ перейти».

— Не знаю,—отвѣчала Людмила.—Мы только разъ туда ѣздили, уже давно, и я не помню дороги.

Шпрудель вздохнулъ, нѣжно пожалъ руку Людмилѣ, и патетически воскликнулъ:

— Ахъ, Людмила, мой нѣжный другъ! Если бы я не любилъ тебя, я любилъ бы одну природу! «Если-бъ въ мірѣ вдругъ людей не стало, то считалъ бы я живыми скалы». Но не долго мнѣ гулять въ этихъ прекрасныхъ мѣстахъ.

— Почему, Гейнрихъ? — тревожно спросила Людмила.

Неопредѣленныя выраженія смѣнялись на лицѣ Шпруделя. Онъ отвернулся отъ Людмилы, и говорилъ тихо и отрывочно:

— Я получилъ печальное извѣстіе. Мой отецъ боленъ. Зоветъ домой. Торопитъ. Боится, что умретъ, не успѣвши увидѣть меня. И я долженъ спѣшить.

Людмила слегка поблѣднѣла. Спросила:

— Но ты вернешься, Гейнрихъ?

Шпрудель нѣжно обнялъ ее за плечи, привлекъ къ себѣ, и говорилъ:

— Если бы я былъ посланъ въ пучину морскую за кубкомъ золотымъ, и тогда бы я къ тебѣ вернулся, Людмила. А ты, Людмила? «Людмила моя все еще меня любитъ? У меня то же сердце, что вчера: а у тебя?»

Онъ въ самомъ дѣлѣ любилъ Людмилу, и былъ

взволнованъ необходимостью разлуки. Но его постоянныя цитаты изъ Шиллера и постоянно приподнятый тонъ дѣлали звукъ его рѣчей невѣрнымъ. Людмила, очарованная голубоглазымъ тевтономъ, не замѣчала этого. Слезы были у нея на глазахъ, когда она говорила:

— Ты знаешь, какъ я тебя люблю.

— «Любовь есть лѣстница, по которой мы восходимъ къ богоподобію»,—опять процитировалъ Шпрудель.

— Я боюсь этой разлуки,—говорила Людмила.

Шпрудель сейчасъ же вспомнилъ утѣшающую цитату:

— «Кто можетъ разорвать союзъ двухъ сердецъ? разъединить тоны одного аккорда?» Для моей любви нѣтъ Леты.

VIII.

Совершенно неожиданно для многихъ развертывались грозныя событія. Австрія послала ультиматумъ Сербіи, и стало извѣстно, что Россія принимаетъ живѣйшее участіе въ судьбѣ слабаго славянскаго государства.

Послѣ обѣда получены были газеты съ очень тревожными извѣстіями. Поднялись шумные, взволнованные разговоры. Генералъ Старградскій спокойно сказалъ:

— Мы заступимся за Сербію.

Молодой французъ Дюбуа, братъ той юной Мари, о которой утромъ говорилъ Буравовъ, восклицалъ съ волненіемъ:

— И будетъ великая война, и моя бѣдная Франція... Но мы исполнимъ нашъ долгъ, чего бы намъ это ни стоило!

Одинъ только Шпрудель былъ совершенно спокоенъ. Онъ съ насмѣшливою улыбкою спросилъ:

— Да развѣ Сербія—вассалъ Россіи, чтобы вы за нее заступались? Германія этого не позволитъ.

Онъ сказалъ это такимъ высокомѣрнымъ тономъ, что всѣ посмотрѣли на него съ удивленіемъ. Сергѣй засмѣялся.

— Ну, — сказалъ онъ, — какъ же это вы не позволите?

Шпрудель очень высокомѣрно и краснорѣчиво доказывалъ, что Германія имѣетъ достаточно силъ, чтобы заступиться за свою союзницу и вести побѣдоносную войну на два фронта.

Ельцовъ тихо сказалъ Александрѣ:

— Замѣчательный тонъ у этого господина!

Александра отвѣчала ему такъ же тихо:

— Я никогда еще не видѣла его такимъ запальчивымъ. Изъ-подъ оболочки скромнаго инженера выглядываетъ мундиръ прусскаго лейтенанта.

— Хорошо, если только лейтенанта,—сердито проворчалъ Ельцовъ.

Старградскій спокойно отвѣчалъ Шпруделю:

— Нѣтъ, господинъ Шпрудель, мы не дадимъ Сербію въ обиду. Мы не одни, и пришелъ часъ расплаты по старымъ счетамъ. На этотъ разъ мы не уступимъ.

Екатерина Сергѣевна тревожно спросила:

— Но если будетъ война, тебя пошлютъ?

Старградскій улыбнулся.

— Надѣюсь, Катя, что не оставятъ дома.

— Боже мой! Боже мой! — воскликнула Екатерина Сергѣевна, и заплакала.

IX.

Людмила, очень взволнованная, тронула Шпруделя за плечо, и тихо шепнула ему:

— Гейнрихъ, пойдемъ въ садъ, мнѣ надо сказать тебѣ кое-что.

Она быстро вышла на балконъ. Шпрудель пошелъ за нею. Людмила быстро шла въ дальній уголъ сада, къ пруду. Когда уже за деревьями не слышно было голосовъ и шума въ домѣ, она остановилась на берегу пруда, положила обѣ руки на плечо Шпруделя, и, глядя прямо въ его глаза, спросила:

— Гейнрихъ, ты поступишь въ армію, ты будешь воевать противъ Россіи?

Шпрудель глянулъ въ сторону, и уклончиво отвѣчалъ:

— Будемъ надѣяться, что до войны дѣло не дойдетъ.

Людмила заплакала.

— Гейнрихъ, — говорила она, — если ты меня любишь, останься. Подумай, — сердце мое, сердце мое!..

Шпрудель пожалъ плечами. Лицо его приняло высокомѣрное выраженіе Онъ сказалъ холодно:

— Я — германецъ. Я долженъ.

Людмила плакала и говорила:

— Я, вѣдь, ничего у тебя не прошу, только останься. Не хочешь? Но вѣдь я тебя люблю. Люблю, но я все-таки русская. Моему народу, моей Россіи не измѣню, скорѣе любовь къ тебѣ вырву изъ сердца, хотя бы и вмѣстѣ съ жизнью.

— Людмила, — торжественно сказалъ Шпрудель, — что бы ни случилось, въ какомъ бы положеніи я ни былъ, я не сдѣлаю ничего, что было бы недостойно твоей любви ко мнѣ и моей чести.

10

X.

Черезъ нѣсколько дней началась мобилизація, и вслѣдъ за тѣмъ Германія объявила намъ войну. Въ домѣ стало суетливо и неспокойно. Ельцовъ и Сергѣй уѣхали со своимъ полкомъ въ первые же дни, а скоро послѣ нихъ и генералъ собрался уѣзжать. Грозный смыслъ событій тонулъ въ хлопотахъ о вещахъ, о чемоданахъ. Время отъ времени въ комнаты входила няня, очень старая, останавливалась на порогѣ, подпирала голову рукою, смотрѣла на генерала съ соболѣзнованіемъ, вздыхала. покачивала головою, и уходила. Разговоры велись по большей части въ тревожномъ темпѣ, и многія слова и дѣйствія казались иногда безпричинными. Одинъ генералъ Старградскій спокойно курилъ папиросу за папиросою, то задумывался, то спокойно говорилъ. Всѣ распоряженія передъ отъѣздомъ онъ быстро сдѣлалъ, и ждалъ назначеннаго для отправленія часа

Стоялъ ясный, солнечный день въ концѣ лѣта. Изъ открытыхъ оконъ по временамъ слышались звуки военной музыки, привѣтственные крики, пѣніе. Чувствовалось, что на улицѣ бодрое, спокойное и трезвое настроеніе.

Дочери старались быть чаще съ отцомъ; въ ихъ глазахъ было тревожно-ласковое выраженіе.

Екатерина Сергѣевна повторяла:

— Такой ужасъ эта война! Нашъ милый мальчикъ...

Привычнымъ жестомъ она прикладывала платокъ къ глазамъ. Видно было, что она плачетъ уже не первый разъ, и на лицахъ ея дочерей уже появлялось каждый разъ выраженіе очень сдержанное, похожее на выраженіе привычной скуки.

Раиса очень тихо сказала:

— Не надобно плакать, мама.

Старградскій зналъ, что эти слезы—признакъ только внѣшней слабости, и что его жена—твердая, славная женщина. Мягко улыбаясь, онъ говорилъ:

— Нашъ мальчикъ уѣхалъ веселый. Да и онъ-ли одинъ? Молодежь вся такъ хорошо и бодро настроена. Не только студенты, даже мальчики рвутся на войну. Даже дѣвочки мечтаютъ о томъ, чтобы поступить въ сестры милосердія. У Марьи Петровны сыновья всюду бѣгаютъ, просятся, чтобы ихъ взяли если не въ солдаты, такъ хоть въ санитары, а сколько имъ лѣтъ?

Людмила сказала:

— Все-таки они не такъ ужъ молоды. Старшему уже девятнадцать, Миша годомъ только моложе.

— А нашъ Сережа уже второй годъ офицеромъ,— говорилъ Старградскій.—Даже Уэллеръ и Дюбуа просятся къ намъ въ добровольцы.

— Ихъ возьмутъ?—тревожно спросила Раиса.

— Возьмутъ, я думаю. Отчего же не взять! Союзники.

Раиса сказала, краснѣя:

— Вотъ сонъ въ руку. Я такъ и знала.

— Здѣсь такъ безпокойно и тревожно,—говорила Екатерина Сергѣевна.—Близка граница. Я думаю, Николай, что намъ лучше уѣхать отсюда въ Москву.

— Конечно, уѣзжайте,—сказалъ Старградскій.—И чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Война, какъ война. Ни за что нельзя поручиться.

Уже не первый разъ поднимался разговоръ объ отъѣздѣ. Екатерина Сергѣевна думала, что въ такой близости къ театру войны не слѣдуетъ жить семейству, изъ котораго уѣхали всѣ мужчины. Но дочерямъ

10*

это ея рѣшеніе не совсѣмъ нравилось. Особенно хотѣлось остаться Раисѣ. Она говорила:

— Когда мимо нашего дома будутъ проходить солдаты, я стану раздавать имъ цвѣты изъ нашего сада, и табакъ.

Людмила, слегка усмѣхаясь, возражала:

— Твои цвѣточки, Раиса, солдатамъ не нужны.

Какъ и многимъ русскимъ интеллигентнымъ людямъ, Людмилѣ казалось, что простому русскому народу доступны только простыя и грубыя удовольствія. Она была очень удивлена, что запретили продажу водки, и говорила иногда:

— Вотъ подождите, бунтъ будетъ, мужики водки потребуютъ.

Цвѣты въ рукахъ мужика—это казалось ей одною изъ наглядныхъ несообразностей. Но Раиса видѣла на станціи воинскіе вагоны, украшенныя зеленью и цвѣтами. Цвѣтики лазоревые въ солдатскихъ рукахъ казались ей необычайно-трогательными.

Иногда и Александра говорила:

— Я, мама, не уѣду. Я останусь съ Раисою.

— Ну, и глупо,—возражала Екатерина Сергѣевна.— Что здѣсь вамъ дѣлать? Всѣ говорятъ, что надо уѣзжать. И Павелъ Дмитріевичъ говоритъ то же. Поймите, близка граница. Впрочемъ, вы съ Раисою всегда наперекоръ, и всегда у васъ чудачества.

Раиса убѣждающимъ голосомъ говорила:

— Мама, отецъ Григорій остается-же. И здѣсь такъ много бѣдныхъ, безъ работы.

— Тебѣ отецъ Григорій дороже матери. Ты бы еще на странника Никандра...

Напоминаніе о Никандрѣ было непріятно Раисѣ. Какъ только начались тревожные дни въ городѣ, Ни-

кандръ ушелъ. Няня, никогда не любившая Никандра, говорила Раисѣ:

— Никандра твой говоритъ: «Я, говоритъ, нѣмецкаго духа не терплю». Живо собрался, пошелъ. Ужъ больше двухъ недѣль его здѣсь никто не видѣлъ. Лукавый онъ, твой Никандра.

— Зачѣмъ ты такъ, няня? Грѣшно,—съ укоромъ говорила Раиса.

— Спроси своего англичанина Личарду, онъ тебѣ то же скажетъ.

— Такъ онъ—англичанинъ. Онъ не можетъ понять. А ты, няня, русская, тебѣ грѣшно.

Няня досадливо махала рукою, и отходила.

Повторяя свою любимую мечту, Александра говорила:

— Въ нашемъ домѣ можно устроить лазаретъ хоть на десять раненыхъ. Хоть на легко раненыхъ. Чѣмъ ближе къ полю битвы, тѣмъ лучше. И здѣсь я все же ближе къ моему Володѣ.

— А если сюда придутъ нѣмцы?—говорила мать.

Александра спокойно отвѣчала:

— Будетъ то же, что въ Бельгіи. Страшно подумать. Но что же дѣлать!

Раиса плакала и говорила:

— Нѣмцы вытопчутъ мои цвѣтники сапогами. Они любятъ разрушать. И Уэллеръ говоритъ, что они грубые. А Уэллеръ никогда ни о комъ не говоритъ худо.

— Нѣмцы не тронутъ твоихъ цвѣтовъ,—отвѣчала Людмила.—Развѣ ты забыла, какъ Гейнрихъ любитъ цвѣты? Нѣтъ, я не вѣрю разсказамъ о германскихъ жестокостяхъ. Радимова вернулась, ей ничего не сдѣлали.

Александра сказала спокойно:

— По разному было, Людмила. Никто не думаетъ, что всѣ нѣмцы сразу стали звѣрьми.

Разговоры о германскихъ жестокостяхъ были особенно тягостны для Людмилы. Вѣдь она же была влюблена въ одного изъ германцевъ! Къ той общей влюбленности въ германское, въ ихъ философію, науку, культуру, въ весь строй ихъ жизни, къ этой влюбленности, владѣющей многими изъ насъ, въ душѣ Людмилы присоединялось особое, личное, глубокое чувство, та роковая привязанность, которая сильнѣе не только голоса разсудка, но и темной силы расовыхъ раздѣленій.

Людмила говорила:

— Люди — братья. И если братъ долженъ итти на брата, такъ зачѣмъ же ненужныя жестокости?

Александра напоминала ей:

— Однако, больныхъ изъ больницъ они выбрасывали. Развѣ ты не помнишь этого ужаснаго разсказа о женщинѣ, у которой солдаты срывали при обыскѣ повязки съ лица? Вѣдь эта несчастная умерла. Она довѣрчиво поѣхала къ нимъ лѣчиться, и они...

Людмила чувствовала въ своемъ сердцѣ остріе меча Неужели это все правда? Она плакала и говорила:

— Это ужасно, если правда! Такое злодѣйство.

Александра обнимала, и тихо утѣшала ее. Раиса, больно и кротко негодуя на эту темную силу, зажегшую столько злобы въ сердцахъ нашихъ враговъ, говорила:

— Нѣтъ, лучше я раздамъ мои цвѣты нашимъ солдатамъ.

Но матери страшно было и думать, что дочери останутся въ томъ городѣ, куда могутъ притти враги. Она говорила:

— Если ты думаешь, что нѣмцы твои цвѣты вытопчутъ, такъ подумай, Раиса, что они съ тобою сдѣлаютъ?

— О, я умѣю стрѣлять! — отвѣчала Раиса.

— Такъ вѣдь и тебя разстрѣляютъ!

— Пусть, но раньше я убью не одного врага.

А Александра говорила все о своемъ:

— Раненыхъ, можетъ быть, тогда и успѣемъ вывезти. Вѣдь мы же устроимъ на легко-раненыхъ.

Раиса вторила ей:

— Мы съ Сашею будемъ ходить за ними. Ты знаешь, папа, что мы этому учились.

Наконецъ Старградскій рѣшительно разочаровалъ ее.

— Раненыхъ къ вамъ не положатъ. Для этого есть полевые лазареты. Или отправятъ куда-нибудь подальше, изъ района дѣйствующей арміи.

Но Александрѣ все-таки не хотѣлось уѣзжать. Дѣти, жены запасныхъ, всѣмъ имъ надо помочь. У насъ не крѣпость, думала она, никому въ тягость мы не будемъ, а помочь проходящимъ войскамъ чѣмъ-нибудь сможемъ. Зачѣмъ же дѣлать такъ, чтобы наши войска шли точно въ пустынѣ? Но мать досадливо отмахивалась отъ всѣхъ ея разсужденій, и говорила:

— Ну, съ тобою не сговоришь. Не знаю, въ кого ты такая спорщица. Какъ только вашъ папа уѣдетъ, я начну укладываться. И тебѣ, Саша, я не позволю здѣсь оставаться. Ты должна подумать о своемъ ребенкѣ. Оставаться здѣсь съ нимъ, это — чистое безуміе.

Раиса спрашивала:

— А мнѣ, мамочка, можно остаться? У отца Григорія я бы могла...

— Ну, а тебѣ, Раиса, и тѣмъ болѣе, — строго отвѣчала Екатерина Сергѣевна.

XI.

Людмила пришла въ кабинетъ къ отцу, — поговорить. Сестры любили эти разговоры съ отцомъ.

Старградскій говорилъ:

— Ну вотъ, наконецъ, и намъ пришла очередь выступить на дѣло. Я очень радъ. Я такъ понимаю настроеніе Сережи. И я горжусь тѣмъ, что Сережа пошелъ на войну, какъ на праздникъ. Мнѣ только жаль, что ваша мама такъ печально настроена. Правда, матери всегда плачутъ, отпуская дѣтей на войну. Но вы, дочки, поддерживайте въ ней бодрость духа.

— Папа, когда братъ идетъ на брата, нечему радоваться, — тихо сказала Людмила.

— Нѣтъ, Людмила, не братъ на брата, — мирные народы защищаются отъ тевтонскаго насилія. Смотри, какъ спокойны Александра и Раиса. А вѣдь у Александры мужъ на передовыхъ позиціяхъ, а Раиса безпокоится за Уэллера.

Людмила посмотрѣла на отца съ удивленіемъ.

— Почему за Уэллера? Онъ влюбленъ въ Раису, а она къ нему совсѣмъ равнодушна.

— Ты ошибаешься, Людмила.

— Раиса и Уэллеръ такіе разные. Они постоянно спорятъ и ссорятся.

— Дастъ Богъ, всю жизнь проспорятъ, до старости будутъ ссориться и мириться. А съ нѣмцами у насъ мира все равно не будетъ и не можетъ быть. Не теперь, такъ послѣ, воевать съ нѣмцами все равно пришлось бы.

— Ихъ милитаризмъ — это одно, а ихъ культура очень высокая, — сказала Людмила, повторяя нашу общую ошибку.

Вѣдь многимъ изъ насъ казалось въ эти дни, что милитаризмъ — явленіе, случайное для современной Германіи.

Старградскій спокойно возразилъ:

— Высокая культура отшлифовала ихъ, но только шлифовка эта ничего не мѣняетъ въ ихъ духовной сущности, очень грубой.

— Папа, намъ еще многому отъ нихъ надобно учиться.

— Учиться никогда и никому не мѣшаетъ. Еще Петръ Великій сказалъ: «азъ есмь въ чину учимыхъ, и учащихъ мя требую». Только учиться намъ не у нѣмцевъ.

Людмилѣ, какъ и многимъ изъ насъ, казалось, что учиться чему-нибудь можно только у западныхъ европейцевъ. Она сказала:

— Не у странниковъ же, и не у старцевъ, какъ наша блажная Раиса!

Очень разсудительная, она всегда свысока относилась къ простодушной и молитвенной Раисѣ.

Старградскій отвѣчалъ:

— У народа многому можно учиться. А нѣмцы... Вотъ они смотрятъ на насъ, какъ на варваровъ, а дѣтей своихъ бьютъ.

— Папа, ты несправедливъ; ты не любишь нѣмцевъ.

— И они насъ не любятъ.

Людмила очень покраснѣла. Ей уже давно хотѣлось сказать отцу о своей любви къ Шпруделю. Странная для нея самой нерѣшительность сковывала ее. Теперь, когда Шпрудель уѣхалъ, ей особенно тяжело было скрывать отъ отца. Сегодня она шла къ отцу съ тѣмъ, чтобы наконецъ сказать объ этомъ. Смущаясь и робѣя, какъ дѣвочка, она сказала:

— Ты, папа, не знаешь... Я тебѣ не говорила, не рѣшалась, но ты, можетъ быть...

Отецъ улыбнулся.

— Все знаю. Но что дѣлать! Я даже знаю, что онъ называетъ тебя прекраснѣйшимъ экземпляромъ блондинки. Цитируетъ это прозвище изъ какой-то Шиллеровой пьесы.

— Мой Гейнрихъ, — начала было Людмила.

Отецъ говорилъ:

— Онъ — храбрый малый. Но слишкомъ самоувѣренный. Онъ знаетъ, что ты его любишь, и уже смотритъ на тебя, какъ на свою. Чѣмъ бы ни кончилась война, онъ безъ всякихъ колебанiй придетъ за тобою.

— Онъ такой умный, чувствительный, — говорила Людмила. — Такъ любитъ искусство, природу.

Старградскiй смотрѣлъ на нее съ сожалѣнiемъ. Онъ думалъ, что эта любовь еще не мало причинитъ Людмилѣ несчастiй. Онъ сказалъ:

— Вотъ ты его любишь, а на полѣ битвы онъ можетъ встрѣтиться съ твоимъ братомъ.

— Папа, это ужасно! — воскликнула Людмила, блѣднѣя. — Если бы ты зналъ, какъ мнѣ тяжело! Но что же мнѣ дѣлать! Я люблю его. Врагъ моей родины, — но мнѣ онъ дороже воздуха, которымъ я дышу.

— И ты не можешь вырвать этой любви изъ своего сердца?

— Нѣтъ, отецъ. Я отдала ему свою любовь, и это навѣки.

— А то, что онъ сражается противъ насъ?

— Папа, это — такой ужасъ! Я чувствую себя такъ, какъ будто у моей души глаза выжжены, и вокругъ меня такой мракъ! Но вѣдь кончится же эта война!

— Все на свѣтѣ кончается.

— Когда будетъ миръ, когда все это ужасное, жестокое забудется, ты не будешь противиться тому, чтобы я вышла за Гейнриха?

Старградскій пожалъ плечами.

— Это ужъ твое дѣло. Если тебѣ такъ надо...

Людмила говорила страстно:

— Развѣ всѣ люди — не одинъ родъ, великій, царящій надъ землею? Развѣ всѣ мы — не братья и не сестры? Развѣ мы должны раздѣляться и ненавидѣть, какъ звѣри разныхъ породъ? Наши дѣти одинаково любили бы и Россію и Германію.

— Скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается, — отвѣчалъ Старградскій.

— Перекуютъ же мечи на плуги, развѣ ты этому не вѣришь?

— Пока нѣмцы будутъ искать новыхъ рынковъ для своей промышленности, они намъ мира не дадутъ.

— Развѣ наши лучшія ожиданія—только праздныя мечты? И развѣ наши учителя и поэты говорили намъ неправду, повторяя высокія слова о человѣчествѣ, о братствѣ всѣхъ людей?

— «Небо ясно, подъ небомъ мѣста много всѣмъ». Но только каждое мѣсто подъ солнцемъ должно быть освящено. Родина тамъ, гдѣ мы молимся, любимъ и страдаемъ, а не тамъ, гдѣ коптятъ небо трубы нашихъ фабрикъ.

XII.

Вошли Екатерина Сергѣевна и Александра. Старградскій внимательно посмотрѣлъ на жену.

— Катя, ты опять плакала?

Она смущенно улыбнулась. Всѣ эти дни такая тоска

томила ее, и такою преступною казалась ей ея любовь къ Буравову! Она говорила:

— Николай, ради Бога, береги себя. У тебя уже есть все, чего можетъ пожелать человѣкъ твоего возраста. Въ твоемъ чинѣ нѣтъ никакой надобности стремиться подъ непріятельскіе выстрѣлы.

— Не безпокойся, Катя. Что Богъ дастъ, то и будетъ. Съ моимъ чиномъ и въ кусты прятаться тоже не полагается. Каждый изъ моихъ подчиненныхъ долженъ видѣть во мнѣ живой примѣръ. Ну, а ты, Саша, не боишься за мужа?

Александра вспыхнула. Глаза ея заблестѣли.

— Боюсь, боюсь. Вся душа моя—страхъ и тревога. Но если его убьютъ... Нѣтъ, я не буду плакать.

И вдругъ заплакала.

— Нѣтъ, нѣтъ, папа, не смотри,—это минутная слабость.

Заплакала и Людмила. Говорила:

— У насъ у всѣхъ есть за кого бояться. И у Раисы есть за кого молиться, для кого ждать чуда. И хуже всѣхъ мнѣ,—душа моя разрывается и томится смертельно.

Какъ это часто бываетъ, слезы успокоили Александру. Вытирая глаза платкомъ, и уже улыбаясь тому высокому чувству, которое трепетало въ ея сердцѣ, она говорила:

— Я знаю, наши побѣдятъ. Да и какъ имъ не побѣдить! Вѣдь мы всѣ такъ вѣримъ, такъ надѣемся! Россія отдала всю свою душу своей арміи,—какъ же ей не побѣдить! Но я знаю, для побѣды нужны жертвы. Надо же кому-нибудь умирать, и кому-нибудь носить трауръ.

— Не надо говорить о траурѣ!—вскрикнула Людмила.—Боже мой, Боже мой, братъ на брата!

Томимая жуткимъ безпокойствомъ, Екатерина Сергѣевна такъ же безцѣльно вышла, какъ и вошла. Людмила поспѣшно ушла вслѣдъ за нею.

XIII.

На улицѣ проходили солдаты. Слышны были звуки музыки, голоса мальчишекъ, широкій, веселый говоръ взрослыхъ. Гдѣ-то хлопали двери. Чувствовалось, что всѣ въ домѣ приникли къ окнамъ или вышли на улицу,—смотрѣть на солдатъ. Александра стояла у окна, прямая, неподвижная, какъ олицетвореніе строгой сосредоточенной печали и гордости,—истинная жена доблестнаго воина.

Старградскій съ тихою улыбкою смотрѣлъ на нее. Слова великаго поэта напѣвно бились въ его душѣ, и онъ говорилъ вполголоса:

— Есть упоеніе въ бою,
И мрачной бездны на краю...
Все, все, что гибелью грозитъ,
Для сердца смертнаго таитъ
Неизъяснимы наслажденья,
Безсмертья, можетъ быть, залогъ!
И счастливъ тотъ, кто средь волненья
Ихъ обрѣтать и вѣдать могъ.

Александра вслушалась въ эти торжественныя, мудрыя и страшныя слова. Словно остріе меча вонзилось въ ея грудь,—такая мука смертная! Но вспомнила всѣ завѣты милаго и суроваго дѣтства, — сердце, сердце мое, мужайся!

Съ неизъяснимымъ выраженіемъ высокой печали и высокаго счастія она сказала, словамъ высокаго поэта отвѣчая его же словами:

— Да, онъ, можетъ быть, счастливъ. А оставшіяся,— имъ «кудри наклонять, и плакать».

— Не только плакать, но и гордиться, — сказалъ отецъ.

— Да, отецъ, я знаю. И разсказывать дѣтямъ о доблести отцовъ. Слагать легенды.

Но она знала, что доблестная жизнь сама будетъ творить легенды.

XIV.

Музыка на короткое время смолкла. Далекій благовѣстъ звучалъ мирно и торжественно подъ этимъ яснымъ, вѣчнымъ небомъ. Неотвратимый, какъ поступь грядущаго, былъ слышенъ мѣрный солдатскій шагъ. На улицѣ Раиса разговаривала съ солдатами. Она въ своемъ саду нарвала громадную охапку цвѣтовъ, и раздавала ихъ солдатамъ. Заодно захватила и нѣсколько коробокъ отцовскихъ папиросъ, нагрузивъ ими смѣшливую горничную Дашу. Солдатики на ходу украшали цвѣтами свои зеленоватосѣрыя рубахи, а иные втыкали стебли цвѣтовъ въ дула ружей. Раиса, раздавъ всѣ цвѣты, принялась раздавать папиросы. Брали радостно, только иные говорили:

— Махорки бы намъ, барышня. У нея вкусъ крѣпче.

— Махорка — всѣмъ табакамъ табакъ.

Раиса смущенно отвѣчала:

— А махорки-то у меня и нѣтъ. Только папиросы.

— Спасибо и за папироски. Выкуримъ за ваше здоровье, — говорили солдаты.

Проходили, переговариваясь:

— Генеральская дочка, нашего корпуснаго.

— Ладная барышня.

— Шустрая!

— Спасибо, милая.

Голоса ихъ тонули въ удаляющихся звукахъ музыки и пѣнія. Александра отошла отъ окна, и молча смотрѣла на отца.

XV.

— Саша, — говорилъ Старградскій, — пока мы одни, я хочу тебѣ сказать то, чего я еще никому не говорилъ. Именно тебѣ хочу сказать: ты не только самая старшая изъ сестеръ, но и самая разумная.

Александра опустилась на колѣни у его ногъ, и прижалась головою къ его колѣнямъ. Онъ говорилъ:

— Саша, твоя мать меня не любитъ. Не любитъ потому, что любитъ другого.

Онъ говорилъ это спокойно и просто, но Александра поняла, что ему очень трудно было это сказать.

— Я слишкомъ поздно узналъ это. Еще когда она была моею невѣстою, она уже любила другого. Ихъ любовь была взаимная, — съ тяжелымъ спокойствіемъ говорилъ отецъ.

— А вышла за тебя?

— Да, вышла за меня. Въ васъ, женщинахъ, много непонятнаго, страннаго. Впрочемъ, еще раньше нашего замужества онъ женился на другой. Можетъ быть, потому...

Александра подняла раскраснѣвшееся лицо.

— Папа, ты говоришь про Буравова?

— Да, Александра, про Буравова, — отвѣчалъ отецъ.

По тону его словъ и по выраженію его лица было ясно, что ему трудно назвать это имя. Въ голосѣ слы-

шалась едва уловимая нотка презрительности. Александра сказала:

— Папа, я сама догадывалась. Но какъ же это могло случиться? Если онъ ее любилъ, зачѣмъ же онъ женился на другой?

Отецъ отвѣчалъ, глядя спокойно и печально передъ собою:

— Для меня это и до сихъ поръ не совсѣмъ понятно. Какая-то странная исторія.

Александра прошла взадъ и впередъ по кабинету, думая о томъ, что сказалъ ей отецъ, и что для нея уже давно было подозрѣваемою и страшною тайною родного дома. Хмуря брови, она сказала:

— Его жена богатая?

— Да, — отвѣчалъ отецъ. — Но не думаю, что онъ женился на покойной Софьѣ Даніиловнѣ только изъ-за денегъ. Не думаю, чтобы онъ былъ способенъ дѣйствовать по недостойнымъ мотивамъ.

Александра сказала задумчиво:

— Да, его всѣ уважаютъ. Но почему же онъ это сдѣлалъ?

— Не тѣмъ будь помянута покойница, — говорилъ Старградскій, — она умѣла вскружить голову всякому, а ваша мать всегда была тихая и сдержанная. Можетъ быть, мстя ему, она вышла за меня. Но она всегда была вѣрна мнѣ. Она всѣми силами души заставляла себя жить и чувствовать, какъ любящая нѣжно и преданно. Она сумѣла сдѣлать мою жизнь очень счастливою.

Александра вспоминала, годъ за годомъ, всю жизнь свою въ родномъ домѣ. Имъ, дѣтямъ, всегда казалось, что въ ихъ домѣ — счастье и радость. И такъ были странны иногда тихія дуновенія печали! Богъ вѣсть,

откуда они приходили. Теперь Александра понимала, что мать радовала всѣхъ, но душа ея была обвѣяна печалью. Она всегда знала, что по-настоящему Буравовъ любитъ только ее, и онъ зналъ, что она его не разлюбила.

Александра вспоминала тѣ мелкіе признаки, по которымъ она угадывала эту любовь. Она сказала:

— Да, когда Буравовъ къ намъ приходитъ, я никогда не могу отдѣлаться отъ какого-то страннаго чувства неловкости.

— А твои сестры замѣчали? — спросилъ отецъ.

— Людмила нѣтъ, — отвѣчала Александра. — Она слишкомъ разсудительна для того, чтобы догадываться. А Раиса еще давно сказала мнѣ: «Мама любитъ Буравова». Такъ прямо, безъ предисловій. Какъ всегда, со своею обычною манерою. Тогда я еще не повѣрила этому. Подумала, что опять дуритъ наша блаженная Раиса. Потомъ-то я поняла, что она очень чуткая, наша странная Раисочка.

— Ея странники и старцы иногда меня безпокоятъ, — сказалъ отецъ. — Но я увѣренъ, что это пройдетъ. Останется только правда исканій, правда вѣры. Все минется, одна правда останется. Такъ во всемъ, Саша. И въ эту войну мы идемъ добывать правду. Потому я и радъ этой войнѣ. Она развяжетъ многіе узлы. И въ нашей жизни. Теперь у него умерла жена. Если меня убьютъ...

Александра сказала со страхомъ:

— Нѣтъ, папа, такъ развязывать никакіе узлы не надобно. Ты долженъ для насъ...

— Ты не думай, Саша, — говорилъ отецъ, — что я буду искать смерти. Не о себѣ думать въ бою приходится. Да и было бы смѣшно, если бы я, какъ за-

11

пальчивый мальчикъ... Но вѣдь и война будетъ такая, какой еще не видѣлъ міръ. Война на истребленіе.

— Нѣтъ, этому нельзя повѣрить. Неужели Гейнрихъ Шпрудель, который такъ долго жилъ въ Россіи, захочетъ истреблять русскихъ?

— Да вѣдь и Шпрудель придетъ къ намъ не съ букетомъ фіалокъ. Можетъ быть, томикъ Шиллера и будетъ въ его походной сумкѣ, рядомъ съ фляжкою коньяку. А ты знаешь, какъ былъ похороненъ Шиллеръ? Въ общемъ склепѣ положили его. А потомъ, когда захотѣли положить его рядомъ съ Гете, взяли чьи-то кости, можетъ быть, и не Шиллера.

XVI.

Тихо вошла Людмила, и остановилась около дверей, вслушиваясь въ разговоръ.

— Нельзя же за безуміе немногихъ винить весь народъ, — сказала она.

Отецъ отвѣчалъ:

— Весь народъ это терпитъ и одобряетъ. И во время войны они будутъ всѣ вмѣстѣ.

— Вотъ ты увидишь, папа, ихъ писатели, художники, ученые будутъ протестовать противъ этой войны.

Александра сурово спросила:

— Ты сказала отцу, что любишь Шпруделя?

— Отецъ это знаетъ,—робко сказала Людмила.

Александра смотрѣла на нее съ удивленіемъ и страхомъ. Въ эти дни всеобщаго единодушія быть не вмѣстѣ со своимъ народомъ, любить врага своей родины,—это казалось прямодушной Александрѣ чудовищнымъ. Щеки ея ярко зардѣли, когда она говорила сестрѣ слова гнѣвнаго упрека:

— И въ эти дни ты можешь любить человѣка, который сражается противъ твоего брата?

— Саша, не упрекай меня,—плача, говорила Людмила. — Спроси свое сердце, — если любишь, то вѣдь это навѣки, этого нельзя побѣдить.

Но сердце Александры говорило ей совсѣмъ другое. Она гнѣвно спрашивала:

— Если ты будешь знать, что онъ убиваетъ русскихъ, ты будешь его любить?

— Его послали, его отечество требуетъ, чтобы онъ воевалъ, онъ обязанъ, — смущенно говорила Людмила.

— На его рукахъ будетъ русская кровь, — и ты будешь его цѣловать? — воскликнула Александра.

— Милая, сестра моя, ты терзаешь меня. Что я могу? Развѣ я счастія для себя хочу? Его могутъ убить. Но если онъ останется живъ, то вѣдь будетъ же миръ, забудется же это!

— Не знаю, Людмила, что будетъ. Но теперь, когда мы знаемъ о нихъ...

— Да мы ничего вѣрнаго не знаемъ. Но клянусь тебѣ, никто здѣсь не услышитъ о моей любви къ нему, и если когда-нибудь мнѣ придется сдѣлать выборъ между любовью къ милому моему и любовью къ родинѣ, я буду помнить, что я—русская, я не опозорю имени моего отца, и хотя бы сердце мое разорвалось отъ горя, я буду вѣрна, вѣрна моей милой Россіи.

Рыдая, она стала на колѣни передъ отцомъ. Старградскій обнялъ ее, и говорилъ, гладя ея волосы:

— Людмила, я былъ увѣренъ, что ты это скажешь. Дай Богъ, чтобы тебѣ не пришлось дѣлать этого выбора, и чтобы всѣ мы послѣ войны могли со спокойною душою протянуть руку бывшему врагу. Успокойся же, Людмила, не плачь.

11*

Александра все-таки не понимала того, какъ можетъ Людмила не разлюбить. Но кроткая жалость проникла въ ея сердце. Она подняла Людмилу, обняла ее, и, утѣшая, говорила:

— Милая, бѣдная сестра! Мы будемъ вмѣстѣ въ эти тяжелые дни, какъ-нибудь перетерпимъ нашу маленькую личную скорбь. Не будемъ думать о себѣ, о своихъ огорченіяхъ, — только о томъ станемъ заботиться, чтобы и свои силы приложить къ общему дѣлу, слиться съ народомъ въ его великомъ подвигѣ, — и намъ будетъ легко и радостно.

XVII.

Въ гостиной у Екатерины Сергѣевны сидѣла начальница мѣстной женской гимназіи, Берта Францевна Нахтигаль, ужасъ и кошмаръ простодушной Раисы. Обрусѣвшая нѣмка, она была хорошо принята во многихъ здѣшнихъ семействахъ, но непонятно было, что находили пріятнаго въ ея бесѣдахъ: онѣ сплошь состояли изъ неумѣреннаго восхваленія всего германскаго и самаго рѣзкаго порицанія всего русскаго. Впрочемъ, многіе изъ насъ именно это и любятъ.

Нахтигаль говорила генералу, только что вошедшему въ гостиную вмѣстѣ со старшими дочерьми:

— Я слышала, и вы, генералъ, тоже ѣдете на войну?

— Да, Берта Францевна, ѣду.

— Ай, ай, какъ нехорошо, такая война! Я говорила вчера съ пасторомъ Фрейландъ, и онъ мнѣ тоже говорилъ: «Ай, ай, какъ нехорошо, такая война!» И еще онъ мнѣ говорилъ: «Берта Францевна, я вамъ

скажу по секрету,—у насъ въ Берлинѣ сошли съ ума!» Онъ такъ говорилъ потому, что нѣмцы — очень культурный народъ, и не хотятъ воевать.

Тоскливо предчувствуя хвалебную Германіи рѣчь, Раиса быстро, почти мимовольно, сказала:

— Я каждый день молю Бога, чтобы сербы взяли Вѣну, а русскіе — Берлинъ. Но неужели нѣмцы возьмутъ Парижъ?

Поджавъ сухія губы, Нахтигаль строго взглянула совиными глазами на Раису, и затянула жалобнымъ голосомъ:

— Если Берлинъ возьмутъ, и такой хорошій городъ пострадаетъ и будетъ разрушенъ бомбами, это будетъ очень жаль.

И Александрѣ, обычно сдержанной, на этотъ разъ захотѣлось спорить съ самодовольною нѣмкою. Злое чувство закипѣло въ ней, когда она сказала голосомъ, болѣе рѣзкимъ, чѣмъ бы она сама хотѣла:

— Никто не станетъ разрушать Берлина, хотя это и очень непріятный городъ, тяжелый, безвкусный.

Екатерина Сергѣевна укоризненно посмотрѣла на дочь.

— О, Берлинъ — лучшій городъ въ свѣтѣ! — увѣренно сказала Нахтигаль.

— Ну, можно-ли его сравнить съ милымъ Парижемъ! — воскликнула Александра.

Екатерина Сергѣевна хотѣла было унять дочерей, но имя Парижа навѣяло на нее много сладостныхъ воспоминаній. Она сказала:

— Ахъ, кто же сравниваетъ! Парижъ, конечно, единственный городъ. Вы меня извините, Берта Францевна, но Парижъ внѣ всякихъ сравненій.

Щеки Нахтигаль покрылись кирпично-красными пятнами. Она заговорила, волнуясь:

— Я не могу съ вами согласиться, Екатерина Сергѣевна. Парижъ — неопрятный городъ. Тамъ по улицамъ вездѣ бумажки валяются. Тамъ вездѣ ужасный развратъ. Берлинъ гораздо лучше, чище, наряднѣе. Если вы хотите за границей купить на ваши деньги что-нибудь дешево, модно и хорошо, то вы можете сдѣлать это только въ Берлинѣ. Гдѣ вы найдете такой магазинъ, какъ Вертгеймъ? (Она сказала по-берлински Вертаймъ).

— У меня такое впечатлѣніе, — сказала Раиса, — что въ Берлинѣ дома довольно хорошіе, а одѣты берлинки очень странно, совсѣмъ безвкусно.

Нахтигаль говорила сердито:

— Я не понимаю, какъ можно не восхищаться такимъ городомъ, какъ Берлинъ! Послѣ этого вы можете сказать, что и Бисмаркъ не былъ очень великій человѣкъ!

Раиса, вся раскраснѣвшись, сказала запальчиво:

— Бисмаркъ былъ грубый и жестокій. Только въ немъ хоть то хорошо было, что онъ Россіи боялся.

Екатерина Сергѣевна посмотрѣла на нее съ укоромъ. Нахтигаль пришла въ ярость, и закричала:

— О, пфуй, пфуй! Такъ говорить о такомъ великомъ человѣкѣ, какъ Бисмаркъ! Бисмаркъ не могъ бояться, онъ никого не боялся, это былъ желѣзный человѣкъ, но онъ дѣлалъ политику, и не хотѣлъ ссориться со всѣми.

XVIII.

Нахтигаль такъ увлеклась своимъ яростнымъ крикомъ, что только тогда замѣтила вошедшаго Буравова, когда хозяйка обратилась къ нему со словами привѣта. Нахтигаль смущенно замолчала. Буравовъ былъ однимъ изъ немногихъ русскихъ, къ которымъ она чувствовала уваженіе, можетъ быть, за то, что онъ довольно долго жилъ, въ свои учебные годы, въ Германіи, и имѣлъ тамъ не мало друзей среди ученыхъ и литераторовъ. Нахтигаль старалась теперь говорить особенно любезно съ Буравовымъ. Но все же видно было, что она очень разсержена.

Александра внимательно смотрѣла на родителей и на Буравова. Ей хотѣлось провѣрить кое-что. Да, какъ всегда, при видѣ Буравова мать стала особенно оживленною и словно помолодѣвшею, а у отца стали грустными глаза, правда только на одну минуту; потомъ они опять приняли обычное спокойное и мужественное выраженіе.

Нахтигаль, любезно улыбаясь Буравову, говорила:

— Павелъ Дмитріевичъ, вы — такой умный человѣкъ, скажите ваше мнѣніе объ этой ужасной войнѣ.

Буравовъ поглядѣлъ на нее съ сочувствіемъ, пожалъ ея руку, и сказалъ утѣшающимъ голосомъ:

— Берта Францевна, вы взволнованы? Я такъ понимаю,—надѣюсь, здѣсь всѣ понимаютъ ваши чувства. Но Россія воюетъ не съ германскимъ народомъ, а съ тѣмъ милитаризмомъ, который такъ вреденъ для самой Германіи.

Нахтигаль казалось, что можно было бы въ болѣе опредѣленной формѣ выразить сочувствіе Германіи.

Но она не рѣшалась спорить съ Буравовымъ, и повторяла нерѣшительно:

— О, да, такая война, такая ужасная война!

— Вотъ, Павелъ Дмитріевичъ, мама хочетъ уѣхать, а мы не хотимъ, — сказала Раиса.

Екатерина Сергѣевна поглядѣла на него вопросительно, и онъ, отвѣчая на ея взглядъ, сказалъ:

— Конечно, уѣзжайте. И я непремѣнно уѣду при первой же возможности. Если я еще здѣсь, такъ только потому, что не досталъ билета. На вокзалѣ ужасъ что творится! Всѣ торопятся уѣхать во внутреннія губерніи. Но ужъ я рѣшилъ ѣхать на автомобилѣ.

— Счастливецъ!—съ завистливымъ вздохомъ сказала Екатерина Сергѣевна.

Она уже знала, что за автомобиль берутъ очень дорого, и не хотѣла тратить такихъ денегъ: содержаніе семьи и такъ стоило много, и отъ генеральскаго жалованья мало что оставалось.

— Если хотите, — сказалъ Буравовъ, — я и васъ возьму съ собою.

Екатерина Сергѣевна нерѣшительно взглянула на мужа.

— Спасибо, Павелъ Дмитріевичъ, — просто и спокойно сказалъ Старградскій.

Александра почувствовала, что ей хочется плакать. Она поспѣшно подошла къ окну.

Екатерина Сергѣевна, глядя на Буравова вдругъ заблестѣвшими глазами, говорила:

— Ахъ, я такъ буду вамъ благодарна!

Раиса грустно подумала, что опустѣетъ этотъ милый городъ, и въ саду не слышно будетъ милыхъ голосовъ. И что же будетъ? Придутъ враги — разрушать и жечь.

Нахтигаль непріятнымъ голосомъ старой, придирчивой гувернатки говорила:

— Я не понимаю, зачѣмъ уѣзжать! Нѣмцы—такой культурный народъ, они ничего худого никому не сдѣлаютъ.

— Однако, на Бельгію напали, и ведутъ себя тамъ, какъ гунны,—сказала Раиса.

Нахтигаль глядѣла на нее со злостью, и глаза ея горѣли по-змѣиному, когда она говорила:

— Это есть политика, и мы тутъ ничего не можемъ понимать. И особенно молоденькія дѣвушки ничего не могутъ понимать въ политикѣ. Это не дѣло женщинъ—заниматься политикой. Женщина должна знать только церковь, кухню и дѣтей,—и этого съ нея довольно во всю ея жизнь!

Расходилась сердитая нѣмка, и стучала по столу кулакомъ.

— Такъ думаютъ въ Германіи,—отвѣчала Раиса.—У насъ, въ Россіи, думаютъ иначе.

— Раиса, не спорь, — строго сказала мать.

Раиса замолчала. Межъ тѣмъ Буравовъ разсказывалъ генералу про свой автомобиль.

— Конечно, плохенькій, но до Москвы какъ-нибудь доберемся. Просили полторы тысячи, чтобы только довезти до Москвы. Я предпочелъ купить его. Заплатилъ семь тысячъ. Зато онъ мнѣ и въ Москвѣ будетъ служить.

— Мама,—тоскливо спросила Раиса,—такъ ты непремѣнно хочешь ѣхать?

— Конечно, поѣду.

Буравовъ подробно и красиво, съ настоящимъ ораторскимъ подъемомъ, сталъ доказывать, что въ такое время надо объединиться, и что для этого надо быть ближе къ центру.

— Здѣсь,—говорилъ онъ,—мы никому не можемъ принести никакой пользы въ этой сумятицѣ. Здѣсь совершенно достаточно мѣстныхъ силъ. Мы будемъ гораздо полезнѣе во внутреннихъ губерніяхъ, гдѣ можно организовать помощь семействамъ запасныхъ. Вообще въ эти тяжелые дни общество должно сплотиться.

Старградскій слушалъ его со спокойнымъ, слегка грустнымъ вниманіемъ.

— О, да, вы, конечно, совершенно правы, — говорила Екатерина Сергѣевна.—И я съ вами совершенно согласна.

«Какъ всегда!»—печально подумала Александра.

XIX.

Стали собираться городскіе знакомые проводить генерала на поѣздъ. Были здѣсь Уэллеръ и Дюбуа съ сестрою. Въ гостиной стало шумно, здѣсь и тамъ вспыхивали разговоры, какъ всегда въ такихъ случаяхъ, отрывочные и безпокойные.

За окномъ опять слышны были музыка и пѣніе.

Мари, съ цвѣтами въ рукахъ, подошла къ генералу, и смотрѣла на него влюбленными глазами.

Старградскій, улыбаясь ей ласково, какъ дочери, смотрѣлъ на ея раскраснѣвшееся лицо, и говорилъ:

— Милая Мари, вы опять балуете меня...

Съ трепетною ласковостью Мари говорила:

— О, пусть эти цвѣты будутъ съ вами въ вагонѣ. Я донесу ихъ до вагона. Можно?

— Спасибо, милая Мари!

Раиса откровенно-влюбленными глазами глядѣла на Уэллера, и спрашивала:

— Отчего же вы и Дюбуа не на службѣ? Вѣдь сегодня не праздникъ.

У нея еще была надежда, что слухъ не вѣренъ, и что Уэллеръ не идетъ въ добровольцы. И въ то же время она знала, что ей будетъ очень горько, если окажется, что Уэллеръ и не думалъ поступать въ русскую армію.

Ужасомъ и счастьемъ затрепетало ея сердце, когда она услышала радостныя слова Уэллера:

— Я пришелъ проститься. Сегодня уѣзжаю, въ одномъ поѣздѣ съ вашимъ отцомъ.

Улыбаясь сквозь слезы, Раиса говорила:

— Вотъ ужъ этого я отъ васъ не ожидала! Вы — такой раціоналистъ, и вдругъ поступаете, какъ экспансивный русскій студентъ.

— Такъ это правда? — спросила, подойдя къ нимъ, Александра.

— Да, — сказалъ Уэллеръ, — меня и Дюбуа взяли добровольцами. Я такъ счастливъ! Не все считать чужія деньги.

— Я думала, вы — такой спокойный и расчетливый, — улыбаясь, говорила Александра.

— Расчетливый потому, что коммерсантъ? — спросилъ Уэллеръ. — Да, я — коммерсантъ по призванію, стало быть, любитель риска. А война — наивысшій рискъ. И, прежде всего, я — англичанинъ, и потому люблю спортъ, борьбу, и не бѣгу опасностей.

Мимолетная тѣнь пробѣжала по лицу Раисы. Александра поняла, что смутило ее въ словахъ молодого англичанина, и спросила нарочно, чтобы дать ему возможность объяснить свою мысль:

— Только потому и пошли на войну?

Уэллеръ усмѣхнулся.

— Потому я рѣшился. А захотѣлъ я потому, что это — война за правое дѣло, великая, святая война. А вы, Раиса, что мнѣ скажете сегодня?

Раиса положила руку на его рукавъ, и говорила ему нѣжно:

— Пойдемте, милый Ричардъ, помолимтесь вмѣстѣ, и я васъ благословлю. Если вы не захотите меня огорчить, вы будете носить образокъ, который я вамъ дамъ.

Вслушавшись въ разговоръ молодежи, Буравовъ сказалъ съ укоромъ:

— Раиса, зачѣмъ эта экзальтація? Вы даже забываете, что онъ иного племени и иныхъ взглядовъ.

Онъ былъ увѣренъ, что Уэллеръ чувствуетъ себя неловко и не захочетъ молиться вмѣстѣ съ Раисою, и ему хотѣлось спасти молодого англичанина отъ этой неловкости. Но Екатерина Сергѣевна сказала ему тихо:

— Оставьте ее, Павелъ Дмитріевичъ.

— Я радъ, что Раиса хочетъ за меня помолиться, — сказалъ Уэллеръ. — И вашъ образокъ, Раиса, будетъ всегда со мною.

— И я всегда буду душою съ вами, Ричардъ, — радостно говорила Раиса, уводя Уэллера къ себѣ наверхъ.

XX.

Людмила тихо спросила Александру:

— Неужели она его любитъ?

— Да, любитъ, — сказала Александра.

Дюбуа весело, ни къ кому особенно не обращаясь, говорилъ:

— Мы съ Уэллеромъ въ одинъ полкъ. Я очень радъ. Ричардъ — славный товарищъ.

— Мнѣ страшно за моего брата, но я горжусь имъ, — говорила Мари. — И я такъ рада, что онъ будетъ служить подъ начальствомъ генерала!

Какъ всегда при упоминаніи о генералѣ, глаза ея заблестѣли.

— А вы, Мари, куда отправляетесь? — спросила Александра.

— Я поѣду въ Москву. Мнѣ тамъ обѣщали взять меня въ сестры милосердія. Генералъ былъ такъ добръ, похлопоталъ за меня. Можетъ быть, меня отправятъ въ полевой лазаретъ.

Людмила тихо сказала Александрѣ:

— Бѣдная! Она даже не можетъ скрыть, что влюблена въ папу.

XXI.

Старградскій, взглянувъ на часы, тихо сказалъ женѣ:

— Катя, на минутку пойдемъ ко мнѣ.

Когда дверь его кабинета затворилась за ними, Екатерина Сергѣевна порывисто бросилась къ мужу.

— Храни тебя Господь! Сохрани тебя Богъ! — повторяла она.

Она крестила его дрожащими руками, обнимала, плакала.

Старградскій спокойно сказалъ:

— Послушай, Катя, мы съ тобою не дѣти. Все можетъ случиться на войнѣ.

Екатерина Сергѣевна, прижимаясь къ нему, чувствовала, какъ больно остріе меча пронзаетъ ея душу. Мечта любви казалась ей преступною мечтою, когда она обнимала этого человѣка, котораго никогда не любила, и который идетъ туда, откуда не всѣ возвращаются. Она повторяла въ смертной истомѣ и тоскѣ:

— Богъ тебя спасетъ, сохранитъ!

— Если я не вернусь...—началъ Старградскій.

— Не надо, не надо! Ты вернешься!—восклицала она.

— Дай Богъ. Ну, а все-таки, на всякій случай скажу тебѣ,—прости за солдатскую откровенность,—долго траура не носи. Ты еще молода, живи для себя, для того, кого полюбишь. Кого любишь.

— Зачѣмъ ты это говоришь?—тоскливо спрашивала Екатерина Сергѣевна.

Старградскій спокойно говорилъ:

— Развѣ ты не хочешь слышать слово правды? Вотъ въ этомъ несчастіе нашей жизни, что мы таимъ что-то другъ отъ друга.

«Онъ все знаетъ!»—думала Екатерина Сергѣевна, и плакала, плакала горько.

Тихо сказала она:

— Иногда счастіе въ этомъ.

Такъ, точно она хотѣла оправдать передъ нимъ молчаніе всей своей жизни, то, что не сказала ему о своей любви къ другому.

— Для меня, не для тебя счастіе,—отвѣчалъ онъ.

Екатерина Сергѣевна горестно воскликнула:

— Да въ чемъ же правда? Въ мечтѣ бездѣйственной, или въ дѣятельной жизни?

И больно, и сладко ей было думать, что въ эту минуту она отрекается отъ мечты всей своей жизни.

Старградскій спокойно сказалъ:

— Правда въ томъ, чего хочетъ сердце.

Онъ пріоткрылъ дверь, и сказалъ не громко, но такъ, что звучный голосъ его покрылъ всю сумятицу разговоровъ и движеній въ гостиной:

— Дѣвочки, подите ко мнѣ.

Вошли Александра и Людмила.

— А гдѣ же Раиса? — спросилъ генералъ.

— Она сейчасъ придетъ,—отвѣчала Александра.— Она молится съ Уэллеромъ. Дюбуа пошелъ за нею. Онъ очень милый и услужливый.

Старградскій посмотрѣлъ на дочерей внимательно, и сказалъ:

— Не оставляйте мать, дѣвочки.

— Папа, будь спокоенъ, мы будемъ съ нею,— сказала Людмила.

— Поддерживайте ее, — говорилъ отецъ.

— Папа, ради Бога, береги себя,—отвѣчала Людмила.

Старградскій сказалъ, улыбаясь:

— Помнишь, кто писалъ: «Я къ пулямъ не хожу, а ты запрети имъ ко мнѣ летать?»

Въ это время, поспѣшная и легкая, въ кабинетъ вбѣжала Раиса.

— Папа, береги мой образокъ,—онъ спасетъ тебя.

— Спасибо, Раиса, твой образокъ всегда со мною Ну, а ты, самая умная, что скажешь мнѣ?

Александра покраснѣла, стала передъ отцомъ на колѣни. поцѣловала его руку, и сказала:

— Что смѣю сказать? Ты самъ знаешь. Я буду за тебя молиться.

— И я, папа, — сказала Раиса.

По ея лицу текли радостныя слезы, и, когда она рядомъ съ Александрою склонила свои колѣни передъ отцомъ, она казалась легкою, бѣлою и почти безтѣлесною. И такою свѣтлою, что невольная зависть вошла въ сердце Людмилы.

Старградскій говорилъ Раисѣ:

— Знаю, милая, что ты будешь за всѣхъ за насъ молиться.

XXII.

Вечеромъ въ тотъ же день Буравовъ сидѣлъ въ гостиной у Екатерины Сергѣевны. Сестеръ не было дома. Онѣ не надолго ушли куда-то.

Слова незначительнаго разговора перемежались минутами взволнованнаго молчанія. Въ большомъ волненіи они смотрѣли другъ на друга. Наконецъ Буравовъ тихо сказалъ:

— Катя, наконецъ я буду съ тобою долгіе дни. Прости, но я радъ.

Екатерина Сергѣевна смотрѣла на него испуганными глазами. Шептала:

— Сердце мое, сердце мое! Какъ оно бьется!

Буравовъ цѣловалъ ея руки, и говорилъ:

— Оно хочетъ счастія, оно ждетъ радости.

— Счастія, радости! — повторяла Екатерина Сергѣевна.

Какія слова! Точно изъ старой, забытой сказки! Теперь, въ эти великіе, грозные дни, слова о личномъ счастіи, о маленькой, уютной радости! Какая боль! Неужели онъ не знаетъ, что теперь на надо говорить объ этомъ? Или онъ, такой умный, такой мудрый, знаетъ лучше?

Онъ повторялъ:

— Мы будемъ вмѣстѣ, мы будемъ счастливы.

Какъ можно этому повѣрить? Словно испытуя свою душу, Екатерина Сергѣевна тихо говорила:

— Нѣтъ, нѣтъ! Онъ будетъ сражаться, онъ будетъ въ смертельной опасности, — какъ я могу въ эти дни думать о счастіи!

Буравовъ тихо покачалъ головою. О, эти женщины!

Онѣ всегда умѣютъ создавать неожиданныя препятствія. Онъ съ ласковымъ укоромъ говорилъ:

— Развѣ мужу твоему надо, чтобы мы сами отбросили отъ себя сладкія минуты счастія?

Звякнулъ въ передней колокольчикъ. Послышались голоса дѣвушекъ. Екатерина Сергѣевна пугливо смотрѣла на дверь. Буравовъ всталъ, и задумчиво ходилъ по комнатѣ.

XXIII.

Вошла Раиса. Она была въ безпокойномъ, нервномъ настроеніи, и казалась слишкомъ веселою. Шаловливо сказала она Буравову:

— Не думайте, что я поѣду съ вами.

— А какъ же? — спросилъ Буравовъ.

— Спрячусь въ погребъ, и вы меня не найдете.

— Какъ же не найду, если вы сами сказали, что спрячетесь въ погребъ?

— Да, но я вѣдь не сказала, въ какой погребъ. А потомъ — къ отцу Григорію.

Мать смотрѣла на Раису, укоризненно покачивая головою. Буравовъ сказалъ досадливо и наставительно:

— Блаженная Раиса! Не разберешь, шутите вы, или говорите серьезно. А развѣ можно шутить въ такіе значительные дни? Теперь надо работать.

— И молиться, — тихо сказала Раиса.

XXIV.

Черезъ день выѣхали. Автомобиль, купленный Буравовымъ, оказался помѣстительнымъ и сильнымъ. Но ѣхали не такъ скоро, какъ бы хотѣлось. Дороги были очень плохи. Недаромъ потомъ нѣмцы жаловались, что русскіе пять лѣтъ, готовясь къ войнѣ, портили дороги. Не разъ приходилось останавливаться для починокъ. Трудно было доставать бензинъ. Быстрой ѣздѣ мѣшало и то, что дороги были загромождены обозами и людьми. Съ пограничныхъ мѣстностей бѣжали обыватели, напуганные разговорами о германскихъ жестокостяхъ, а не мало было и такихъ, которые и сами испытали всѣ ужасы тевтонскаго нашествія. Бѣдные люди, среди которыхъ было много евреевъ, тащили кое-какой, спѣшно захваченный скарбъ, кто на телѣгахъ, кто на телѣжкахъ, тачкахъ, кто на своихъ собственныхъ спинахъ. Шли и ѣхали испуганные, плачущіе люди, кое-какъ одѣтые, и плачущимъ гвалтомъ ихъ стонали и тѣснота дорогъ, и окОлодорожные просторы неубранныхъ полей.

Сколько разсказовъ наслушались! Самыхъ невѣроятныхъ и ужасныхъ. Сколько разныхъ людей видѣли!

Останавливались то въ харчевняхъ, то въ гостиницахъ, то на вокзалахъ, то просто въ чьемъ-нибудь гостепріимномъ домѣ. На каждой остановкѣ приходилось раздавать деньги и пищу голоднымъ дѣтямъ съ ужасными, жалкими и жадными глазами.

Вездѣ, гдѣ проѣзжали, было тревожное настроеніе. Граница была близка, и вездѣ ходили слухи, что русская армія, повторяя двѣнадцатый годъ, отступитъ въ глубину страны, чтобы приготовить врагу гибель. Сча-

стливыми считались тѣ, кто могъ бѣжать далеко, далеко, дальше черты осѣдлости. Но не всѣмъ было дано и это жалкое счастіе.

Наконецъ. въ маленькомъ уѣздномъ городкѣ застряли основательно, дня на три: автомобиль надо было чинить. А отъѣхали едва верстъ шестьдесятъ. Помѣстились, очень тѣсно, въ гостиницѣ, но почти все время проводили то на улицахъ города, то въ буфетѣ вокзала.

Иногда разспрашивали, иногда пассивно слушали отрывки тревожныхъ разговоровъ. На вокзалѣ говорили про разрушеніе нѣмцами пограничнаго русскаго города.

— Провокаторскій выстрѣлъ!

— Просто, съ перепугу сами своихъ жарили, за русскихъ приняли.

— И разрушили почти весь городъ.

— Ну, на это только нѣмцы способны.

Событія уже сдѣлали людей довѣрчивыми къ страшнымъ слухамъ.

Буравовъ озабоченно повторялъ:

— Что вы подѣлаете съ этимъ народомъ! Этотъ ужасный, угрюмый человѣкъ говоритъ, что раньше, какъ завтра, автомобиль не будетъ готовъ.

Екатерина Сергѣевна кротко улыбалась и говорила:

— Ну, что жъ дѣлать, подождемъ!

Какая-то старуха, по-виду торговка, утѣшала плачущую дѣвушку, очень красивую и очень испуганную:

— Не плачь, не плачь, милая. Отца не вернешь, конечно. Горе, конечно, Господи, да ужъ что убиваться-то! Богъ ихъ накажетъ, нѣмцевъ проклятыхъ.

Сестры смотрѣли на нее и на молодую красавицу испуганными глазами. Она исчезла съ дочерью въ какомъ-то темномъ углу.

12*

Передавались страшные разсказы. Не разобрать иногда было, на-яву ли это, или кошмарный сонъ. Но, несмотря на усталость, сестры чувствовали себя очень бодрыми. Ихъ поддерживало нервное возбужденіе, да и сказывалось суровое, спартанское воспитаніе, которое получили онѣ въ родительскомъ домѣ.

Екатеринѣ Сергѣевнѣ иногда казалось, что цѣлые годы прошли съ тѣхъ поръ, какъ ея Сережа ушелъ на войну. А посчитаетъ дни, — и мѣсяца еще нѣтъ. Особенно удручало то, что со времени отъѣзда нельзя было получить никакой вѣсти ни отъ Сережи, ни отъ Ельцова. Утѣшали себя мыслью, что письма будутъ въ Москвѣ.

XXV.

Обѣдали въ буфетѣ вокзала. За сосѣднимъ столикомъ сидѣлъ плотный господинъ германской наружности. У него былъ очень веселый и гордый видъ. Буравовъ встрѣчалъ его, — это былъ технологъ Мюллендорфъ; онъ уже давно жилъ въ Россіи, работая на какомъ-то заводѣ.

Вслушавшись въ разговоръ Буравова со Старградскими, онъ сказалъ очень увѣренно:

— Наши скоро придутъ въ Москву.

Всѣ поглядѣли на него съ удивленіемъ. Онъ не казался пьянымъ. Александра спросила:

— Кто это ваши?

— Германская армія, — отвѣчалъ Мюллендорфъ.— Я говорю, что очень скоро наши войска войдутъ въ Москву.

Раиса засмѣялась.

— Плѣнными? Такъ ихъ и дальше Москвы отправятъ.

— Раиса, не дразни его, — тихо сказала Людмила.

Ей казалось вполнѣ естественнымъ, что въ начавшейся войнѣ германцы побѣдятъ. Слова этого господина поэтому не казались ей ни смѣшными, ни дерзкими.

Екатерина Сергѣевна тихо спросила Буравова:

— Кто этотъ странный господинъ?

Буравовъ разсказалъ ей, что зналъ о Мюллендорфѣ. А тотъ, отвѣчая Раисѣ, говорилъ:

— Нѣтъ, не плѣнными, а побѣдителями. Наши уже пришли въ Брюссель. Сначала возьмутъ Парижъ, усмирятъ французовъ, и потомъ сюда.

— Парижъ! О, милый городъ! — воскликнула Раиса. — Нѣтъ человѣка на землѣ, который не заплачетъ о Парижѣ. Москва, Парижъ, Лондонъ — вотъ настоящіе великіе города.

— У насъ очень хорошее войско,—хвастался Мюллендорфъ,—и пушки очень хорошія. Наши цеппелины летятъ вверху, и несутъ съ собою смерть и разрушеніе.

— Пушки у васъ, можетъ быть, и не хуже нашихъ, а только солдаты у васъ поплоше, — отвѣчала Раиса.

Мюллендорфъ покраснѣлъ и надулся.

— Нѣмцы никого не боятся, — сказалъ онъ.

— Кромѣ казаковъ, — со смѣхомъ сказала Раиса.

Мюллендорфъ смутился.

— О, ваши казаки!

Подумавъ немного, онъ продолжалъ уже не такъ увѣренно:

— Нѣтъ, нѣмцы и казаковъ не боятся. Нашъ кайзеръ Вильгельмъ — великій человѣкъ.

Раиса, всплеснувъ руками, обратилась къ Буравову:

— Неужели они всѣ такіе? Фрау Нахтигаль, этотъ

господинъ,—всѣ поютъ одно и то же, и пѣтушатся нестерпимо.

Буравовъ сухимъ тономъ началъ говорить ей что-то весьма несомнѣнное о превосходствѣ германской культуры. Екатерина Сергѣевна говорила Мюллендорфу:

— Россія и съ Наполеономъ справилась, справится, Богъ дастъ, и съ Вильгельмомъ.

Мюллендорфъ презрительно засмѣялся.

— Нашъ Вильгельмъ выше Наполеона.

Раиса, не дослушавъ Буравова, вскрикнула:

— О, что онъ говоритъ! Вильгельмъ выше Наполеона? Развѣ только ростомъ. А вы слышали, какія варварства были совершены германцами въ Бельгіи! Ваши солдаты истязали женщинъ и дѣтей, воевали съ безоружными...

Мюллендорфъ кивалъ головою, словно слышалъ что-то очень пріятное и вѣрное.

— Да,—сказалъ онъ внушительно,—это—проявленіе силы, себя сознающей. Никто не смѣетъ становиться поперекъ дороги нашей арміи.

Взволнованная и раскраснѣвшаяся, Раиса говорила:

— Нѣтъ, ваши войска совершаютъ нечестивое дѣло. Недаромъ великодушные англичане вооружились противъ Германіи.

— Наши ихъ разобьютъ,—хвастливо сказалъ Мюллендорфъ.

— Не рано-ли хвалиться?—сказала Александра.—Предсказаній такихъ вы бы лучше не дѣлали.

— Почему же, позволяю себѣ васъ спросить?

— Потому-что вы въ русскомъ городѣ, и говорите съ русскими людьми.

Раиса, краснѣя и волнуясь, говорила:

— Жребій войны въ рукахъ Божіихъ. Мы, рус-

скіе, вѣримъ, что не въ силѣ Богъ, а въ правдѣ. Только благочестивые владѣютъ міромъ. Дѣло наше правое, мы сильны, мы хотимъ побѣдить, и побѣдимъ.

Голосъ ея звенѣлъ, и глаза блестѣли.

Мюллендорфъ сердито отошелъ. Буравовъ принялся упрекать Раису, зачѣмъ было оскорблять нѣмецкія чувства этого человѣка.

Раиса не знала, чувствовать ли себя виноватою. Она робко сказала:

— Онъ наши русскія чувства оскорблялъ.

Но къ Буравову присоединилась, какъ всегда въ такихъ случаяхъ, Людмила. Она доказывала, что Мюллендорфъ — иностранецъ, и что къ нему надо быть снисходительнымъ. Посыпались на Раисину голову неумныя рѣчи умныхъ людей.

Раиса наивно спрашивала:

— А они, культурные нѣмцы, отчего же были такъ жестоки съ русскими путешественниками и больными?

Буравовъ наставительно объяснялъ, что, если кто-нибудь дѣлаетъ худо, то это не значитъ, что и мы должны поступать худо. И вдругъ, къ его удивленію, Екатерина Сергѣевна заступилась за Раису. Она сказала:

— Вы, Павелъ Дмитріевичъ, правы, какъ всегда. Но иногда мнѣ хочется поступать худо. И теперь, когда у меня мужъ и сынъ на войнѣ, я не хочу слушать дерзкія рѣчи зазнавшагося германца.

Буравовъ хотѣлъ было развить свой принципіальный взглядъ на дѣло, но въ залѣ поднялась сумятица. Кому-то показалось, что гдѣ-то стрѣляютъ. Слышны были взволнованные крики:

— Смотрите, дымъ, — горитъ что-то?

— Ужъ не нашъ-ли городъ?
— Нѣтъ, это далеко.

Всѣ бросились посмотрѣть, что тамъ дѣлается. Какъ всегда, когда еще не было очевидной опасности, любопытство въ толпѣ брало верхъ надъ страхомъ.

XXVI.

Какъ только Буравовъ и Екатерина Сергѣевна оставались вдвоемъ, гдѣ бы это ни было, въ гостиницѣ, въ буфетѣ вокзала, на городскихъ улицахъ, они опять начинали говорить о томъ же. И теперь, когда въ опустѣломъ буфетѣ только анемичная дѣвица дремала за буфетною стойкою, Буравовъ тихо говорилъ, ласково сжимая руки Екатерины Сергѣевны:

— Катя, въ эти трудныя минуты не мучь меня больше. Я знаю, ты меня любишь.

Она отвѣчала:

— Люблю! Милый, люблю! Всю жизнь любила только тебя. Но подумай, — онъ, мой мужъ, гдѣ-нибудь, можетъ быть, близко, можетъ быть, далеко, стоитъ подъ угрозою смерти, и въ эти минуты какъ же я стану стремиться къ счастью, думать о любви! Да вѣдь это было бы кощунствомъ! Довольно и того, что я послушалась васъ, другъ мой, и уѣхала.

— Но вѣдь что же иное? — спросилъ Буравовъ. — Не оставаться же въ городѣ, ждать невѣдомо чего!

— Теперь только о томъ и думаю, — говорила она, — добраться до Москвы, и работать, работать. И ждать вѣстей о мужѣ, о сынѣ. И не будемъ говорить объ этомъ, прошу васъ, другъ мой, очень прошу!

Отчаяніе и мольба были въ ея голосѣ.

Буравовъ говорилъ:

— Мы будемъ работать вмѣстѣ. Я не буду вамъ говорить о томъ, что васъ раздражаетъ.

— Не раздражаетъ, — мучитъ, — съ отчаяніемъ говорила Екатерина Сергѣевна. — Подумайте, мой Сережа, а здѣсь я,—ахъ Боже мой, Боже мой!

— Я буду надѣяться, буду ждать, — сказалъ онъ.

Екатерина Сергѣевна, плача, говорила:

— Можетъ быть, намъ лучше было бы въ Москвѣ разстаться, не видѣться.

— Ради Бога,—въ ужасѣ восклицалъ Буравовъ, — умоляю васъ, не лишайте меня послѣдняго утѣшенія хотя иногда видѣть васъ! Клянусь вамъ, я не буду мучить васъ.

— Да, другъ мой, не будемъ говорить объ этомъ.

Прошли долгія двѣ-три минуты тягостнаго для обоихъ молчанія. Обоимъ казалось, что жизнь разбита навсегда.

Наконецъ Буравовъ овладѣлъ собою. Онъ заговорилъ почти спокойнымъ голосомъ:

— Пусть будетъ такъ, какъ вы хотите. Но теперь я бы хотѣлъ обратить ваше вниманіе на Раису. Ея шовинизмъ, ея возбудимость, — все это для нея самой очень вредно. Вы должны были бы повліять на нее въ этомъ отношеніи.

— Напрасно, другъ мой, вы такъ часто ее останавливаете, — съ кроткимъ упрямствомъ отвѣчала Екатерина Сергѣевна. — Она откровенная, но вовсе не злая.

Буравовъ сказалъ съ удивленіемъ:

— Это ново! Вы за нее заступаетесь!

— Оставьте ее, — говорила Екатерина Сергѣевна, — она ничего дурного никому не скажетъ и не сдѣлаетъ

Она простая и прямодушная, и изо всѣхъ нашихъ дѣтей она больше всѣхъ похожа на отца. Оставьте ее.

— Какъ вамъ угодно, — холодно сказалъ Буравовъ.

Онъ не привыкъ къ тому, чтобы его совѣты отклонялись.

XXVII.

Вернулись сестры, взволнованныя и тревожныя. Александра чутко вглядѣлась въ лицо матери и Буравова. Острою жалостью наполнилось ея сердце. Она подошла къ Буравову, и сказала тихо:

— Мама очень безпокоится о Сережѣ. Я знаю, о чемъ вы говорили съ нею.

Буравовъ посмотрѣлъ на нее холодно и недовольно.

— Саша, я васъ не понимаю.

Но, не смущаясь его холоднымъ тономъ, Александра говорила:

— Простите, Павелъ Дмитріевичъ, мѣшаться въ это мнѣ не слѣдуетъ, но все же, прошу васъ, не волнуйте ее.

— Право, это меня удивляетъ, — пожимая плечами, говорилъ Буравовъ.

— Простите, — сказала Александра, поспѣшно отходя.

Екатерина Сергѣевна, цѣлуя Раису, тихо говорила ей:

— Милая Раиса, если бы ты знала, какая пустота въ душѣ моей!

— Мама, молись и надѣйся, — отвѣчала Раиса.

— Такъ жутко ждать! — жаловалась Екатерина Сергѣевна.

Сестры въ городѣ наслушались новыхъ разсказовъ. Людмилѣ казались эти разсказы совершенно невѣроят-

ными. Другія двѣ съ нею не спорили, но разсказамъ вѣрили.

Привезли въ городъ по желѣзной дорогѣ отъ позицій вмѣстѣ съ ранеными убитаго русскаго полковника. Въ городѣ разсказывали, что плѣнный офицеръ выхватилъ изъ кармана револьверъ, когда на него не смотрѣли, и выстрѣлилъ въ спину русскому полковнику. Убилъ наповалъ, и солдаты за это подняли его на штыки.

Не вѣрила Людмила этимъ разсказамъ, но они заставляли ее горько плакать.

XXVIII.

Въ эту ночь Раисѣ снились тревожные, страшные сны. Они казались ей вѣщими. Вѣдь и прежде, передъ всѣми значительными событіями ея жизни, ее навѣщали сны, которые потомъ странно сбывались, иногда со всѣми мелкими подробностями. И даже это были не совсѣмъ сны, — въ жуткія, томныя минуты полубодрствованія, полубреда, когда душа бывала взволнована какимъ-нибудь впечатлѣніемъ, и когда эта взволнованность въ долгой и страстной молитвѣ объединяла всю Раисину душу въ одно страстное устремленіе, передъ нею вставали отчетливо далекія, иногда невиданныя ею раньше мѣста, проходили знаемые и невѣдомые люди, звучала ихъ рѣчь. И долго потомъ эти видѣнія и слова жили въ душѣ Раисы. Иногда она разсказывала ихъ домашнимъ, — не всегда. Замѣтивъ, что эти видѣнія сбываются, она со страхомъ и слезами записывала ихъ. Этотъ странный дневникъ хранила она бережно. Сначала сбываемость этихъ ви-

дѣній пугала ее, — не отъ врага ли рода человѣческаго они? Но отецъ Григорій и странникъ Никандръ успокоили ее.

И вотъ, среди другихъ видѣній, три особенно запомнились ей. Предсталъ предъ нею ясный день на полѣ битвы. Мѣсто казалось знакомымъ, — поля и холмы сѣверо-восточной Франціи. На одномъ изъ холмовъ — нѣсколько тяжелыхъ орудій. Вдали виднѣлся нерусскій городъ. Кто-то тихо, но внятно сказалъ Раисѣ:

— Это — Реймсъ.

Высокій прусскій генералъ смотрѣлъ въ бинокль, и говорилъ:

— Я вижу тамъ что-то высокое. Оттуда они могутъ наблюдать за передвиженіемъ нашихъ войскъ.

Толстый полковникъ, повидимому баварецъ, отвѣчалъ:

— Это — соборъ, ваше превосходительство.

У генерала было надменное, сухое и злое лицо, и когда онъ, опустивъ бинокль, смотрѣлъ на баварца, его глаза казались острыми и неподвижными глазами хищной птицы. Лицо толстаго баварца было красное и добродушное.

Генералъ сухо кинулъ приказъ:

— Разстрѣлять.

Въ полковникѣ заговорили католическія чувства. Онъ почтительно сказалъ генералу:

— Древній католическій соборъ, знаменитый своею архитектурою и очень почитаемый. Его начали строить семьсотъ два года тому назадъ. Съ нимъ связано много историческихъ воспоминаній.

— Вздоръ! Сентиментальность! — злобно закричалъ тощій генералъ. — Я вамъ говорю, это что-то высокое опасно для насъ. Снести.

— Будетъ исполнено, — отвѣчалъ полковникъ.

Загрохотали пушки. Все потемнѣло въ Раисиныхъ глазахъ. Опять передъ нею явился тѣсный номеръ гостиницы, и тихо спящая на поставленной рядомъ кровати Александра. Въ полумглѣ исходящей ночи видна была открытая дверь въ комнату, гдѣ спали мать и Людмила. Раиса тихо встала съ постели, и опустилась на колѣни передъ образомъ, передъ зажженною ею съ вечера лампадою. Вдругъ сердце ея забилось и замерло, въ глазахъ потемнѣло. Она закрыла лицо руками, приникла къ полу, и опять иное видѣніе предстало передъ нею.

Надъ полемъ битвы низко неслись облака. Грохотали вдали пушки. Лежали раненые и убитые, русскіе и германцы. Слышались стоны раненыхъ, бредъ умирающихъ. Черезъ поле пробѣгали пруссаки. Ихъ голоса звучали глухо, какъ закутанные дымомъ. Молодой, высокій лейтенантъ, лица котораго сквозь застилавшій поле легкій туманъ еще не видѣла Раиса, говорилъ:

— Тутъ много раненыхъ русскихъ.

Голосъ его звучалъ знакомо, и отъ этого стало страшно Раисѣ.

Другой лейтенантъ, съ точными и отчетливыми движеніями, отчетливо и картаво говорилъ, щеголеватыми движеніями крутя усы:

— Въ плѣнъ не надо брать! Возиться съ ними некогда.

Вытянувшись въ струнку передъ офицерами, толстый солдатъ съ тупымъ лицомъ произнесъ такъ громко, точно говорилъ съ глухими:

— Господинъ лейтенантъ, вонъ лежитъ раненый русскій офицеръ.

Опять раздался знакомый голосъ перваго лейтенанта:

— Докончить!

И еще страшнѣе былъ этотъ знакомый голосъ потому, что онъ кричалъ на солдата какимъ-то звѣринымъ зыкомъ, и этимъ утяжелялъ и безъ того страшный смыслъ приказанія. Солдатъ отчетливо, какъ неживой, повернулся къ раненому русскому офицеру, и съ тупымъ и радостнымъ лицомъ вонзилъ штыкъ въ его грудь. Раненый русскій офицеръ со стономъ умеръ.

Раиса почувствовала въ сердцѣ своемъ остріе меча, и застонала. Она узнала убитаго, — близко, близко передъ ея глазами было мертвое лицо ея брата Сергѣя. И убійцу узнала, — лейтенантъ этотъ былъ Гейнрихъ Шпрудель. Онъ подошелъ къ убитому, нагнулся надъ нимъ, — и сердце Раисы замерло отъ страха и отвращенія. И уже она знала, что услышитъ сейчасъ кощунственную цитату изъ Шиллера.

Шпрудель говорилъ:

— Ахъ, чортъ возьми! Не всякому дается счастье прикончить брата своей невѣсты.

Отвратительно-вульгарно и грубо звучалъ его голосъ. Его товарищъ картаво говорилъ:

— Да, это рѣдкая удача.

— Къ счастію, — сказалъ Шпрудель, — русская дѣвушка объ этомъ не узнаетъ. Да, «теперь святого нѣтъ ужъ болѣ». Холодный долгъ господствуетъ надъ пламенною любовью.

Туманъ сгустился, и разсѣялся. Другое поле было передъ глазами Раисы. Близъ опушки темнаго лѣса, на кочковатой землѣ, заросшей спутанною, примятою травою, лежало нѣсколько убитыхъ и раненыхъ. Среди нихъ Раиса узнала Ельцова.

Ельцовъ приподнялся на ло тѣ, осмотрѣлся, и окликнулъ по-нѣмецки лежащаго недалеко пруссака:

— Господинъ лейтенантъ!

Раненый нѣмецъ проворчалъ сердито:

— О, чортъ возьми! Моя нога!

— Мы съ вами товарищи по несчастію, — сказалъ Ельцовъ.

Пруссакъ скосилъ на него злые глаза, и ворчалъ сквозь зубы:

— Не товарищи, а враги.

— Покурить бы, — сказалъ Ельцовъ. — Какая ужъ тамъ вражда!

Пруссакъ съ бѣшенствомъ крикнулъ:

— Проклятый русскій, вотъ тебѣ! Заткни свою глотку!

Онъ съ трудомъ приподнялся на локтѣ, и выстрѣлилъ изъ револьвера въ Ельцова. Выстрѣлъ былъ мѣтокъ. Ельцовъ успѣлъ только вскрикнуть:

— О, Господи! Господи!

И умеръ. Злой пруссакъ, падая въ усталости, шепталъ:

— Вотъ это—настоящая война: когда уходятъ здоровые, сражаются раненые.

Стало темно, и холодное остріе меча горѣло въ Раисиномъ сердцѣ.

Александра услышала тихій стонъ. Она подошла тихонько къ лежавшей на полу Раисѣ, и тронула ее за плечо.

— Что, Раиса? — тихо шепнула она.

Раиса медленно поднялась. Сердце ея, пронзенное остріемъ меча, трепетало. Раиса знала, что не заснетъ. Этотъ сонъ, думала она, только Александрѣ сказать.

— Выйдемъ въ коридоръ, — тихо сказала она.

Надѣла юбку и блузу, и вышла изъ номера. Горѣлъ ночникъ, въ окнѣ въ концѣ коридора мглистый

былъ полусвѣтъ. Заспанная баба стояла надъ лѣстницей, собираясь мыть полъ. Рядъ бѣлыхъ дверей молчалъ тревожно. Раиса повернулась къ вышедшей за нею Александрѣ, и почувствовала вдругъ, что тревожная тишина коридора душитъ ея слова.

— Выйдемъ отсюда, — сказала она.

Прямо передъ ихъ дверью была дверь на лѣстницу, ведущую во дворъ. Александра и Раиса вышли во дворъ и на улицу.

Предъутренній вѣтеръ свѣжо и влажно обвѣивалъ ихъ непокрытыя головы. Предутренняя рѣзкая прохлада и влажные отъ ранней росы камни мостовой сурово и нѣжно ласкали ихъ ноги.

Сестры сѣли на скамью бульвара. И Раиса разсказала Александрѣ свой сонъ,—про Реймсъ, про Сергѣя. Но про Ельцова еще не посмѣла сказать ей теперь.

XXIX.

И утромъ автомобиль все еще не былъ готовъ. Опять тоскливо ходили по городу, встрѣчая толпы бѣглецовъ изъ разоренныхъ мѣстъ, раздавая голоднымъ кое-какія деньги и хлѣбъ. Нѣсколько разъ приходили на станцію, завтракать, обѣдать и, главное, узнавать новости.

Уже привычнымъ становился этотъ буфетный залъ со столиками, чемоданами, узлами, весь этотъ шумъ, смятеніе, множество незнакомыхъ лицъ, то радостные, то тревожные голоса.

Разнесся слухъ, что подходитъ поѣздъ съ плѣнными. Говорили, что цѣлая дивизія сдалась. Другіе говорили, что батальонъ, или что два полка. Уже знали,

что среди солдатъ славянъ много, и что они совсѣмъ, какъ наши, а офицеры сидятъ злые, презлые. Говорили, что одинъ офицеръ въ санитара стрѣлялъ, и убилъ. Тотъ, будто бы, подошелъ къ нему на полѣ послѣ битвы, нагнулся, а пруссакъ въ него прямо въ упоръ выстрѣлилъ.

— Вотъ звѣри!—восклицали простодушные слушатели.

Спрашивали:

— Что ему будетъ?

Другіе, съ видомъ знающихъ, отвѣчали:

— Извѣстно что, — разстрѣляютъ.

XXX.

Поѣздъ пришелъ, и въ самомъ дѣлѣ привезли плѣнныхъ пруссаковъ, пять офицеровъ и сотни полторы рядовыхъ. Зоркая Александра, идя по платформѣ, увидѣла въ окнѣ одного вагона надменное лицо плѣннаго офицера. Онъ быстро отвернулся, но она была увѣрена, что это—Шпрудель. Вернулась въ залъ. Лицо Раисы было блѣдное и испуганное, словно и она знала объ этомъ. Александра отвела ее въ сторону, и зашептала:

— Можешь представить. я видѣла Гейнриха. Думаю, что не ошиблась. Онъ взятъ въ плѣнъ.

— Саша, милая, не говори объ этомъ Людмилѣ, — просила Раиса. — Пойми, Саша, имъ лучше не встрѣчаться. Если я даже говорю неправду, то все-же теперь, послѣ всѣхъ этихъ ужасовъ...

Александра сразу повѣрила въ Раисинъ сонъ, и тоже думала, что было бы лучше, если бы Людмила

13

не видѣла Шпруделя. Она быстро глянула туда, гдѣ осталась за столикомъ Людмила,—хотѣла подъ какимъ-нибудь предлогомъ увести ее въ городъ. Но Людмилы тамъ уже не было. Сестры тревожно переглянулись.

— Надо ее поискать,—сказала Александра.

Обѣжали всю станцію,—нигдѣ Людмилы не нашли. Вдругъ Раиса вскрикнула:

— Саша, смотри, они уже встрѣтились!

Въ кабинетъ начальника станціи входилъ Шпрудель, сопровождаемый двумя солдатами съ ружьями. За нимъ шла Людмила, и съ нею молодой поручикъ, сопровождавшій плѣнныхъ. Онъ говорилъ Людмилѣ:

— Только на пять минутъ. Я беру на себя большую отвѣтственность. Только имя вашего доблестнаго отца заставляетъ меня исполнить ваше желаніе.

Людмила и Александра вошли за ними. Дверь захлопнулась. Шпрудель холодно поклонился имъ. Съ выраженіемъ необычайной надменности онъ сказалъ поручику:

— Напрасно вы берете на себя эту отвѣтственность. Замѣтьте, что я не давалъ вамъ слова.

Поручикъ спокойно отвѣтилъ:

— Ну, убѣжать вамъ не удастся. Здѣсь солдаты.

И отошелъ къ окну. Людмила обнимала Шпруделя, и говорила:

— Гейнрихъ, какъ я рада, что ты не раненъ!

— Я въ отчаяніи, — сухимъ, непріятнымъ тономъ говорилъ Шпрудель,—что мнѣ пришлось встрѣтиться съ тобою въ такой обстановкѣ. Но, когда я тебѣ разскажу, ты увидишь, что у насъ не было никакой возможности пробиться. Мы все же исполнили свой долгъ, и сдѣлали то, что намъ было поручено.

Этотъ тонъ и эти слова раздражали Раису. Она подошла къ Шпруделю, и спросила:

— Шпрудель, что вы сдѣлали съ Сережею?

Людмила вздрогнула, и съ испугомъ глядѣла на Раису. Александра тянула ее за рукавъ, и шептала:

— Раиса, молчи!

Шпрудель холодно и надменно глянулъ на Раису, и сказалъ:

— Я не видѣлъ вашего брата, Раиса.

— Вы его убили!—кричала Раиса.

— Странное обвиненіе! — пожимая плечами, говорилъ Шпрудель. — Я самъ готовъ былъ отдать свою жизнь. Дочь воина, вы имѣете странное представленіе о войнѣ.

Людмила заплакала. Говорила:

— Милый, не слушай ея. Эта война — такое несчастіе! Мы всѣ потеряли головы.

Шпрудель отворачивался отъ горящаго взора Раисы. Онъ вспоминалъ разсказы о Раисинахъ снахъ, — въ Россіи онъ привыкъ на все обращать вниманіе, — и теперь его самоувѣренность колебалась холоднымъ ужасомъ. Онъ думалъ, что эта взбалмошная дѣвушка, пожалуй, и въ самомъ дѣлѣ ясновидящая. Вѣдь никто же не могъ разсказать ей того, что случилось съ нимъ третьяго дня. Даже и его совѣсть была смущена воспоминаніемъ о смерти Сергѣя, того славнаго юноши, который любилъ его, какъ любилъ всѣхъ, съ кѣмъ встрѣчался. Онъ бормоталъ, пожимая плечами:

— Но все же, — такія слова! «Голова должна воспитать сердце».

XXXI.

На платформѣ слышались чьи-то крики и рыданія. Поручикъ подошелъ къ двери, и пропустилъ Екатерину Сергѣевну и старуху съ плачущею дочерью, которыхъ сестры замѣтили еще вчера. Дѣвушка, рыдая, кричала:

— Онъ! Это онъ!

— Кто онъ? — спросила Александра.

— Онъ, этотъ прусскій офицеръ, приказалъ разстрѣлять моего отца!

— Сумасшедшая!—презрительно сказалъ Шпрудель.

Старуха старалась успокоить дѣвушку.

— Пойдемъ, пойдемъ, милая! — говорила она.

Замѣтивъ, что Александра и Раиса смотрятъ на нихъ съ участіемъ, она говорила имъ полушепотомъ:

— Нѣмцы обижали ее, ну, конечно, старикъ заступился, ударилъ нѣмца, ну, конечно, его и разстрѣляли. Что дѣлать, война, мы это понимаемъ, ну, а она все плачетъ.

— Этотъ самый офицеръ? — спросила Александра.

Старуха плача говорила:

— Этотъ, не этотъ, что тутъ, — старика убили, не вернешь. Торговлишка была, все сожгли, разграбили, какъ сами живы остались, не знаю. Что на насъ, только то и осталось. И ужъ какъ только выбраться удалось, не пойму. Конечно, здѣсь отдохнули немного, ну, а вотъ дѣвушка все плачетъ. Пойдемъ, пойдемъ, милая,—говорила она дѣвушкѣ.

Раиса спросила Шпруделя:

— Отчего же вы не скажете, правду-ли говоритъ эта дѣвушка?

— Я не обязанъ отвѣчать на нелѣпые вопросы,— со злостью сказалъ Шпрудель.

Людмила съ ужасомъ смотрѣла на дѣвушку, которая въ отчаяніи ломала руки и выкрикивала безсвязныя слова. Раиса подошла къ поручику.

— Уведите его. На немъ слишкомъ много русской крови, — сказала она.

Шпрудель задрожалъ отъ злости, и закричалъ:

— О, баранья голова! Только русскіе могутъ быть такъ безтолковы. «Духъ мужчины — разрушенье, дышитъ силой роковой». Прощай, Людмила, — до лучшихъ временъ.

Людмила съ ужасомъ смотрѣла на него. Онъ поцѣловалъ ея руку, она коснулась губами его лба. Поручикъ подошелъ къ нимъ.

— Простите, — сказалъ онъ Раисѣ.

Шпруделя увели. Людмила подошла къ Раисѣ, и глядѣла на нее глазами, полными слезъ.

— Раиса, безумная Раиса, что ты ему говорила? Неужели все это правда? Что же мнѣ, умереть?

Раиса обнимала и утѣшала ее нѣжными словами.

XXXII.

Межъ тѣмъ Екатерина Сергѣевна разговорилась съ молодымъ поручикомъ. Оказалось, что онъ бывалъ прошлою зимою въ ихъ домѣ. Онъ съ восторгомъ говорилъ о военной дѣятельности генерала Старградскаго и о той популярности, которою уже окружено его имя. Екатерина Сергѣевна молодо краснѣла отъ гордости. Она спросила:

— Вамъ съ плѣнными, должно быть, много хлопотъ? Непріятная обязанность.

Поручикъ махнулъ рукою, и сказалъ:

— Да ужъ и не говорите! Жалуются, что ихъ посадили въ вагонъ третьяго класса! Такъ шумѣли. А во второй или первый классъ посадить не было никакой возможности! Вагоновъ нѣтъ, надо раненыхъ офицеровъ помѣстить. Такъ теперь они требуютъ себѣ шампанскаго! Мы, говорятъ, офицеры, намъ полагается. Можете представить!

— Дайте имъ пива, — улыбаясь сказала Екатерина Сергѣевна.

— Нѣтъ, имъ подали чай. Вина и пива они не получатъ.

Видно было, что молодой человѣкъ очень раздраженъ заносчивостью пруссаковъ. Раиса, вслушавшись въ разговоръ, спросила:

— Вы слышали, что здѣсь говорила эта дѣвушка? Ея отца убили за то, что онъ за нее заступился. Это ужасно! И если преступникъ въ вашихъ рукахъ...

— Да, ее спросятъ, — сказалъ поручикъ. — Только ея мать едва ли признаетъ офицера. Вы знаете, русскіе слишкомъ мягкосердечны. Они предпочитаютъ прощать.

Раиса склонила голову. Вдругъ ей стало стыдно, что она съ такою нетерпимостью говорила со Шпруделемъ. Она подумала:

«Да, можетъ быть, такъ и надо. Богъ разсудитъ».

XXXIII.

Кое-какъ добрались наконецъ до Москвы. Москва была полна заботами о раненыхъ, — и Старградскія, всѣ четверо, и Буравовъ пристроились немедленно въ попечительства и лазареты. Дни ихъ были наполнены тяжелою, хлопотливою дѣятельностью.

Скоро пришло извѣстіе о томъ, что Ельцовъ и Сережа убиты въ одномъ и томъ же сраженіи. Какъ описать чувства матери, жены, сестеръ? Ихъ высокую скорбь, ихъ святыя слезы почтимъ благоговѣйнымъ молчаніемъ. Въ скорби своей и въ слезахъ онѣ были не одиноки. Трудъ развлекалъ и почти утѣшалъ ихъ.

И еще было имъ утѣшеніе,—быстро возраставшая воинская слава генерала Старградскаго. Онъ былъ неутомимъ и безстрашенъ. Вражескіе авіаторы не однажды выслѣживали его, не разъ были пробиты осколками снарядовъ стѣнки его вездѣ успѣвавшаго автомобиля, но Богъ хранилъ его во всѣхъ опасностяхъ. Солдаты почитали его за храбрость, и любили за его простоту, доступность и неустанное попеченіе о ихъ нуждахъ. Они слѣпо вѣрили ему, и знали, что имя его неразлучно съ побѣдою.

Александру утѣшалъ ея сынъ. Онъ былъ еще очень малъ, но она думала, что выраститъ его сильнымъ и мужественнымъ человѣкомъ. Раиса, видя, что она довольно спокойна, рѣшилась разсказать ей конецъ своего сна.

Тяжелѣе всѣхъ было Людмилѣ. Она узнала, гдѣ Шпрудель, писала ему, получила нѣсколько писемъ. Письма его были напыщенно-нѣжны, и почему-то больно ранили ея душу.

Съ сестрами и съ матерью Людмила никогда не говорила о Шпруделѣ. Когда мать заговаривала о немъ, Людмила багряно краснѣла, молчала, или заговаривала о другомъ, или подъ какимъ-нибудь предлогомъ выходила изъ комнаты.

Мать думала, что Людмилѣ тяжело говорить о Шпруделѣ. Онъ сражался противъ нашего войска, и Людмила все-таки любила его. Какою печалью должно было томиться ея сердце!

Потомъ она стала внимательнѣе присматриваться къ Людмилѣ. Какая-то значительная перемѣна совершилась въ этой дѣвушкѣ. Ея сужденія уже не были такъ увѣренны и рѣшительны. Совершенно несвойственная ей раньше мягкость была разлита въ ея словахъ и движеніяхъ. И особенно двѣ черты удивляли и радовали мать: Людмила сдружилась съ Раисою, съ которою прежде обращалась нѣсколько свысока; и, можетъ быть, въ связи съ этою дружбою, Людмила начала читать книги о религіозныхъ вопросахъ, и стала почти такъ же набожна, какъ и молитвенная Раиса. И уже не улыбалась ея заботамъ о лампадкахъ передъ образами.

XXXIV.

Однажды вечеромъ мать и Александра остались дома однѣ. Александра сидѣла у себя, смотрѣла на портретъ мужа, и плакала.

Мать стукнула въ ея дверь.

— Саша, можно посидѣть съ тобою?

— Пожалуйста, милая мама.

Мать сѣла рядомъ съ нею, и гладила ее по головѣ. Александра тихо говорила:

— Милаго моего убили. Но, впрочемъ, зачѣмъ же я это говорю! Я хочу быть со всѣми, радоваться и печалиться съ моимъ народомъ вмѣстѣ. Въ душѣ моей не только печаль, но и гордость.

— Саша, у тебя есть ребенокъ, — сказала мать.

Александра улыбнулась сквозь слезы, и лицо у нея просвѣтлѣло. Она сказала:

— Я буду говорить ему объ его отцѣ. И когда онъ спроситъ, какъ отецъ былъ убитъ, неужели слова ненависти будутъ въ этомъ разсказѣ!

— Онъ убитъ въ бою. Кого же ненавидѣть? — со строгою ласковостью спросила мать.—Или ты вѣришь Раисинымъ снамъ?

— Вѣщій сонъ,—говорила Александра.—Знаю, что нелѣпо вѣрить снамъ, но Раисину сну вѣрю. И подумай, мама, какой ужасъ въ томъ, что это сдѣлалъ Гейнрихъ Шпрудель! Какая тяжесть на сердцѣ у бѣдной Людмилы!

Екатерина Сергѣевна сказала со страхомъ:

— Ужасно! Но это — неправда.

— Спросить бы его самого, — говорила Александра, — да не отвѣтитъ. Слушай, мама, я тебѣ признаюсь. Можетъ быть, это глупо, но я писала Шпруделю, спрашивала его, что онъ знаетъ о смерти нашего Сергѣя. Онъ мнѣ ничего не отвѣтилъ.

— Можетъ быть, письмо не дошло?—сказала мать.

— Не знаю. Нѣтъ, спросить бы его лицомъ къ лицу. И знаешь, мама, мы его скоро увидимъ. Раиса сказала мнѣ.

— Опять вѣщій сонъ?

— Она предчувствуетъ, что мы увидимъ скоро и Шпруделя и Уэллера. Но ты подумай, мама, Людмила стала такъ нѣжна съ Раисою! Подумай, Людмила и

Раиса,—«огонь и ледъ, вода и пламень не столь различны межъ собой!» Значитъ, есть какая-то внутренняя убѣдительность въ Раисиномъ снѣ.

— Нѣтъ, нѣтъ, Александра, не говори такъ. Этого не можетъ быть, — со страхомъ сказала мать.

— Мама, ты могла бы сказать, что этого не было. Но что этого не могло быть, — о, нѣтъ! Мы знаемъ, что они добивали раненыхъ, даже своихъ тяжело-раненыхъ.

Екатерина Сергѣевна печально говорила:

— О, Боже мой, что дѣлаетъ война! Неужели еще долго не заживутъ эти раны, не успокоится эта злость? Неужели опять вспыхнетъ вражда между племенами?

— Не думай, мама, — сказала Александра, — что въ душѣ моей ненависть. Вѣрь, что въ отчаянiи моемъ есть великiй свѣтъ. Во мнѣ — душа простой русской женщины, и я чувствую въ себѣ силу прощать. Насъ много осиротѣлыхъ, во многихъ семьяхъ носятъ трауръ, но я вѣрю, что эти безмѣрныя жертвы не напрасны. Въ душѣ моей отчаянiе, но и свѣтлая надежда.

— Милая, милая! Благослови тебя Господь!—плача говорила мать.

XXXV.

И этотъ вѣщiй Раисинъ сонъ началъ сбываться. Однажды утромъ, когда мать и три дочери сидѣли за завтракомъ, онѣ были удивлены неожиданнымъ посѣщенiемъ Шпруделя.

Онъ былъ худъ и зеленъ. Глаза его горѣли безпокойно. Былая самоувѣренность смѣнилась суетливостью и безпокойною говорливостью.

Онъ разсказывалъ о томъ, какъ ему удалось добиться отпуска въ Москву.

— Этотъ ужасный захолустный городъ, гдѣ насъ держали, доводилъ меня до бѣшенства. Я долго добивался, чтобы мнѣ разрѣшили сюда пріѣхать, — наконецъ, позволили. Дали въ провожатые славнаго русскаго пѣхотинца, и разрѣшили пробыть здѣсь четыре дня для устройства своихъ дѣлъ. «О, какъ прекрасенъ день, когда солдатъ вновь наконецъ вернуться можетъ къ жизни, въ среду людей!» Надѣюсь, Людмила, ты сказала твоимъ родителямъ, что я тебя люблю? Я затѣмъ и пріѣхалъ, чтобы выяснить наконецъ отношеніе твоей семьи къ нашей любви.

Людмила опустила глаза. Лицо ея было холодно и печально. Словно думая о чемъ-то другомъ, она спросила:

— Послѣ войны ты опять будешь служить въ Россіи?

— Нѣтъ, съ меня довольно, — высокомѣрно отвѣчалъ Шпрудель. — Ты поѣдешь со мною въ Германію. «Если боги счастливы любовью, то и мы любовью равны богамъ. Счастливъ тотъ, чей домъ украшенъ скромной вѣрностью жены».

Людмила, очень блѣдная, подняла глаза на Шпруделя, и сказала тихо:

— Гейнрихъ, я не могу ѣхать съ тобою въ Германію.

— Почему ты не можешь? — съ удивленіемъ спросилъ Шпрудель.

Людмила опять опустила глаза. Едва слышенъ былъ ея голосъ:

— Гейнрихъ, развѣ ты думаешь, что между нами ничто не стоитъ?

Съ раздражающею механичностью Шпрудель бросилъ свою очередную цитату:

— «Быть на землѣ сопутницей супруга есть жребій женщины».

Не было такого случая въ жизни, на который Шпрудель не нашелъ бы подходящей цитаты у Шиллера.

Раиса, вдругъ зардѣвшись багряно, спросила высокозвенящимъ голосомъ:

— Гейнрихъ, вы намъ еще не разсказали о смерти Сергѣя. Въ вашихъ письмахъ не было объ этомъ ни слова.

Шпрудель пожалъ плечами. Глаза его забѣгали по сторонамъ, словно избѣгая Раисиныхъ глазъ. Онъ опустилъ голову, и сказалъ притворно-печальнымъ голосомъ:

— Не могу сказать вамъ, какъ мнѣ его было жаль. «Ахъ, онъ слишкомъ молодъ для могилы!»

— При васъ его убили? — спрашивала Раиса.

Шпрудель глухимъ голосомъ отвѣчалъ:

— Солдатъ штыкомъ. Да, я видѣлъ. Я не могъ остановить.

— Но онъ уже лежалъ? — спросила Раиса, пристально глядя на Шпруделя.

Шпрудель самъ себѣ дивился, не понимая, какая сила заставляетъ его говорить. Вѣдь гораздо спокойнѣе было бы сказать, что онъ ничего не знаетъ о смерти Сергѣя. Но ужъ разъ проговорился, трудно было остановиться. Онъ говорилъ, словно противъ воли:

— Да, онъ уже былъ раненъ.

Людмила сказала упавшимъ голосомъ:

— Оставь, Раиса. Что же онъ могъ? Жестокости войны не отъ него. Онъ только исполнялъ свой долгъ.

— Но и у тебя есть долгъ, — настойчиво сказала Раиса.

Людмила бросила на нее быстрый взглядъ, и улыбнулась.

— Я это знаю. Я этого не забуду.

— «Сердцу высокому и самый тяжелый долгъ покажется не труднымъ»,—процитировалъ Шпрудель.

Раиса гнѣвно говорила:

— О, не это—долгъ воина, чтобы добивать раненыхъ.

Шпрудель смотрѣлъ на нее угрюмо и злобно. Александра заговорила осторожно:

— Простите, Гейнрихъ, но вѣдь вы можете успокоить насъ однимъ словомъ. Можете ли вы сказать, что не по вашему приказу убитъ Сережа? Вы не отвѣтили мнѣ на этотъ вопросъ, когда я вамъ писала. Но вѣдь мое письмо вы получили?

Шпрудель угрюмо молчалъ. Александра продолжала спрашивать:

— Былъ-ли хоть одинъ случай, что вы приказывали добить раненыхъ?

— Странный вопросъ!—угрюмо и презрительно говорилъ Шпрудель.—Я исполнялъ мой воинскій долгъ. «Нравственный долгъ долженъ быть нарушенъ, чтобы уступить мѣсто долгу болѣе высокому и болѣе широкому». Дружба склоняется передъ любовью къ родинѣ.

Людмила поднялась съ мѣста, и въ ужасѣ, вся дрожа, смотрѣла на Шпруделя.

— Такъ это—правда? Вы убили?—воскликнула она.

Шпрудель говорилъ напыщеннымъ тономъ:

— Иногда убиваютъ изъ милосердія, чтобы прекратить страданія. «Смерть страшна для тебя? Ты хочешь быть вѣчно безсмертнымъ? Въ цѣломъ живи: ты умрешь, цѣлое жъ все будетъ жить».

— Гейнрихъ!—плача и ломая руки, говорила Людмила.—Ты говоришь такъ холодно. И то, что ты го-

воришь, такъ ужасно! Подумай, Гейнрихъ, мы говоримъ съ тобою о томъ, что очень значительно въ нашей жизни. Ты сражался противъ моей родины, но за это никто изъ насъ тебя не упрекнетъ, — тебя послали. Но вотъ мы спрашиваемъ тебя о томъ, какъ умеръ Сергѣй, — и вмѣсто простого и яснаго отвѣта мы слышимъ отъ тебя уклончивыя рѣчи. Подумай, о чемъ мы тебя спрашиваемъ? Кто ты, — воинъ или убійца? Ты долженъ отвѣчать! Ты могъ встрѣтиться на полѣ битвы съ нашимъ братомъ и убить его,—это было бы для насъ большое горе, но въ этомъ не было бы твоей вины. Но правда ли, что Сергѣй былъ убитъ послѣ боя?

— Не я его убилъ, — угрюмо сказалъ Шпрудель.

— Ты не долженъ, ты не смѣешь такъ говорить!— закричала Людмила. — Зачѣмъ ты сюда пришелъ? Ты пришелъ за мною,—и ты долженъ мнѣ отвѣчать, когда я тебя спрашиваю о смерти моего брата.

— Я его не убивалъ, — былъ холодный отвѣтъ.

— Ты не говоришь, ты не смѣешь говорить правды. Кровь брата моего на твоей совѣсти.

— Людмила, твой братъ убитъ не мною.

— Довольно. Я—русская. Я останусь здѣсь. Я не буду вашею женою.

Мать порывисто обняла ее.

— Такъ, Людмила, хорошо! Отецъ будетъ радъ.

Шпрудель всталъ со своего кресла, и надменно выпрямился.

— Вы отказываете побѣжденному? И въ такой рѣзкой формѣ? А я вѣрилъ, что «женскія души отзывчиво юны», и «свѣтлая надежда у меня цвѣла въ душѣ!»

Людмила смотрѣла на него мрачно-горящими глазами, и говорила:

— Я думала, что вы — рыцарь. Я ошиблась. Прощайте.

Надменное лицо Шпруделя побагровѣло и стало злымъ. Теряя самообладаніе, онъ закричалъ:

— Нѣтъ, я такъ не уйду! Никто не смѣетъ сказать, что германецъ — не рыцарь. Вы должны взять ваши слова назадъ. Я васъ заставлю!

Словно зараженная его бѣшенствомъ, Раиса почувствовала въ себѣ одинъ изъ тѣхъ припадковъ раздраженія, за которые потомъ такъ осуждала себя и въ которыхъ такъ горько каялась, простаивая часами на колѣняхъ передъ образомъ. Она закричала, наступая на Шпруделя и топая ногами:

— Вы могли бы вызвать на дуэль нашего брата или Ельцова, — но они убиты. Они убиты, но если хотите, я умѣю стрѣлять.

Александра обняла Раису, и отвела ее въ сторону. Невольно улыбаясь забавному выраженію гнѣва на кроткомъ Раисиномъ лицѣ, она сказала ей:

— Раиса, что скажетъ старецъ Никандръ?

Шпрудель говорилъ презрительно:

— Если бы передо мною былъ мужчина, то я и жизни не пожалѣлъ бы, чтобы выиграть ставку. Но это было бы смѣшно — драться съ женщинами!

Раиса, не помня себя, вырывалась изъ рукъ Александры, и кричала:

— Если бы вы меня убили, я была бы не первая женщина, убитая германскими войсками.

— Оставь, Раиса, — строго сказала Людмила. — Это — мое дѣло. Господинъ Шпрудель, вы сказали, что заставите меня взять мои слова обратно. Какъ же вы это сдѣлаете? Я ихъ обратно не беру. Мнѣ жаль, что я ошиблась, но я все же скажу, — вы, можетъ быть,

очень храбры, сильны, воинственны, но вы не доблестны, вы не рыцари. Вы разрушали соборы и библіотеки, вы убивали женщинъ и дѣтей. Мнѣ жаль, что я говорю это вамъ, безоружному. Но вотъ рядомъ съ вами въ ящикѣ стола два револьвера...

Мать вскрикнула въ ужасѣ:

— Людмила, ради Бога!

Раиса неистовымъ движеніемъ оттолкнула Александру, и бросилась къ столу.

— Нѣтъ, Людмила, — кричала она, — одинъ изъ этихъ револьверовъ — мнѣ: ты его слишкомъ любила, ты промахнешься.

Она порывисто выдвинула ящикъ стола, достала два револьвера, и одинъ изъ нихъ протянула Шпруделю. Шпрудель презрительно засмѣялся.

— Благочестивая Раиса, ни въ васъ, ни въ себя я не буду стрѣлять. Я долженъ жить для Германіи. Прощайте.

Онъ поспѣшно ушелъ. Раиса заплакала и упала на колѣни передъ матерью.

XXXVI.

Людмила плакала. Александра подошла къ ней, и тихо утѣшала ее. Она говорила:

— Мы можемъ плакать. Наши слезы насъ не обезсилятъ. Наше горе превратится въ радость. Мы будемъ жить, работать, надѣяться. Если не для себя, то для другихъ, для многихъ.

— Милыя дочери, — сказала мать, — я завидую вашему горю. Мой избытокъ счастія...

Она не кончила, и заплакала. Раиса подняла голову

и, все еще стоя на колѣняхъ, смотрѣла на мать. Ея голосъ звучалъ нѣжно и повелительно, когда она говорила:

— Мама, ты будешь вѣрна.

Екатерина Сергѣевна грустно улыбнулась.

— Дитя мое, ты хочешь, чтобы я повторила слова Пушкинской Татьяны: «Но я другому отдана, и буду вѣкъ ему вѣрна». Да ужъ не знаю, буду ли я хорошею актрисою для этой роли?

Все съ тою же настоятельностью говорила Раиса:

— Отецъ скоро придетъ къ намъ. Что же тогда ты, мама? Развяжешь или свяжешь?

Мать повторила тихо и задумчиво:

— «И буду вѣкъ ему вѣрна!»

Тоскуя и плача, говорила она:

— Сердце мое! Сердце мое! Воскресни, печаль моя свѣтлая!

Раиса утѣшала ее:

— Сердце твое бьется въ надеждѣ воскресенія! Въ эти дни надъ нашими головами зажигаются вѣнцы великихъ надеждъ.

XXXVII.

Въ этотъ день утромъ Екатерина Сергѣевна получила письмо отъ Буравова. Знакомый почеркъ на конвертѣ взволновалъ ее необычайно: вѣдь они встрѣчались каждый день или гдѣ-нибудь на работѣ, или онъ приходилъ къ обѣду или вечеромъ, — зачѣмъ же письмо? Значитъ, что-то необычное.

Онъ писалъ, что ему необходимо поговорить съ нею окончательно, что неопредѣленное положеніе тяготитъ его. Съ трогательнымъ краснорѣчіемъ онъ на-

14

поминалъ ей первые дни ихъ юной любви, умолялъ вернуться къ нему и покончить навсегда съ уже ни на что ненужною ложью жизни. Онъ просилъ назначить ему время, когда они могли бы поговорить наединѣ.

И вотъ вечеромъ они сидѣли вдвоемъ, и говорили,— все о томъ же, о безнадежномъ. Свѣтъ электрической лампочки подъ малиновымъ колпакомъ оставлялъ гостиную въ полумракѣ, озаряя только узкій кругъ у дивана и ихъ блѣдныя, трепетныя руки. Угли въ каминѣ слабо тлѣли, вѣя легкимъ жаромъ на ихъ лица.

— Нѣтъ, — сказала она, — какъ же я оставлю тотъ домъ, который мы съ нимъ вмѣстѣ создавали? Война окончится побѣдою, онъ вернется гордый и радостный, — и что же его встрѣтитъ? Нанести ему такой ударъ въ его торжественный день! Отравить радость побѣдителя!

— Но ты его не любишь! — сказалъ онъ.

Самыя сокровенныя глубины своей души пытала она, — что въ ней? Любовь? Отвращеніе? Привычка? Равнодушіе? И вѣрное сердце говорило ей, что ее съ мужемъ соединила не мечта любви, а непобѣдимая любовь къ жизни. Эту жизнь они создали, какъ умѣли, она ли ее разрушитъ? Мечта любви, что же она? Имъ, соединеннымъ жизнью, надо быть вмѣстѣ, до гроба быть вмѣстѣ!

Томя и тревожа, но не побѣждая, звучали въ ея душѣ слова ея стараго друга. Любовь, любовь, подавленная когда-то, отчего же ты теперь не возстанешь и не побѣдишь?

Онъ говорилъ настойчиво и трогательно:

— Катя, я спрашиваю тебя въ послѣдній разъ. Подумай, въ послѣдній разъ въ нашей жизни. Съ кѣмъ ты хочешь быть, съ нимъ или со мною?

И уже какъ будто «то въ высшемъ рѣшено совѣтѣ, то воля Неба», — не думая, почти не слыша себя, не зная, что скажетъ, какъ покорная иной волѣ, она сказала:

— Съ нимъ.

И такъ рѣшителенъ былъ звукъ ея голоса, что Буравовъ почувствовалъ вдругъ все безсиліе свое. Любовь, любовь, какъ можешь ты перейти въ такое жалкое безсиліе?

Но все еще не вѣря печальной правдѣ, онъ спросилъ:

— Ты твердо рѣшила?

И она отвѣчала:

— Твердо рѣшила. Прости, милый, милый, — иначе я не могу.

Буравовъ молча сжалъ ея руку, и смотрѣлъ ей въ глаза. Она заплакала. Онъ тихо поцѣловалъ ее, — въ послѣдній разъ, поцѣлуемъ нѣжнымъ, но холоднымъ и безрадостнымъ, — и ушелъ.

XXXVIII.

Раиса была обрадована, — и второе ея предчувствіе сбылось. Уэллеръ, легко раненый въ руку, былъ привезенъ въ Москву. Старградскія рѣшили взять его изъ лазарета къ себѣ, и Раиса поѣхала за нимъ.

Уэллеръ былъ все такой же спокойный и сдержанный. Но блескъ его глазъ выдавалъ Раисѣ, что онъ радъ и счастливъ. Они сидѣли въ быстро мчавшемся автомобилѣ, говорили о чемъ попало, и улыбались другъ другу. Когда уже автомобиль останавливался передъ подъѣздомъ, Уэллеръ тихо и быстро спросилъ:

14*

— Что вы теперь мнѣ скажете, Раиса?

Раиса вспыхнула, и отвѣтила такъ же тихо и торопливо:

— Теперь да. Теперь вы намъ не чужой.

Уэллеръ крѣпко сжалъ ея руку.

— И я смѣю сказать: ты — моя?

— Твоя, завоеванная тобою.

— Мы пойдемъ, помолимся вмѣстѣ?

— Да, помолимся, — улыбаясь, отвѣчала Раиса.

XXXIX.

Черезъ два дня послѣ перваго посѣщенія Шпруделя онъ появился вторично. Кончая обѣдъ, сидѣли въ столовой, когда горничная сказала, что пришелъ господинъ Шпрудель. Людмила поблѣднѣла, Раиса вскрикнула:

— Опять!

Уэллеръ началъ было:

— Позвольте мнѣ...

Но Екатерина Сергѣевна сказала горничной:

— Просите въ гостиную.

Когда горничная вышла, Александра спокойно сказала:

— Конечно, надо его принять. Но это будетъ послѣдній разъ.

Шпрудель, еще болѣе худой и зеленый, вошелъ въ гостиную. Тамъ никого еще не было. За закрытою дверью слышны были голоса. Шпрудель подошелъ къ столу, стоявшему у окна, тихо выдвинулъ ящикъ, вынулъ револьверъ, и спряталъ его въ карманъ. Потомъ онъ сталъ ходить по комнатѣ. Ждать ему пришлось

недолго, — дверь открылась, вышли сестры и мать, и Шпрудель былъ очень удивленъ, когда увидѣлъ за ними высокую и флегматичную фигуру Уэллера съ лѣвою рукою на черной перевязкѣ.

Шпрудель церемонно поклонился всѣмъ, и, не садясь на указанное ему кресло, заговорилъ:

— Понимаю всю неловкость моего возвращенія послѣ того, что здѣсь было. Но я люблю васъ, Людмила, и мнѣ тяжело разстаться съ вами такъ. Вы меня поспрашивали, я пытался уклониться отъ отвѣта. Я подумалъ, и рѣшилъ разсказать вамъ. Слушайте, и судите сами. Вечеромъ послѣ битвы я проходилъ, исполняя возложенное на меня порученіе, по проселочной дорогѣ. Со мною было нѣсколько солдатъ. По сторонамъ дороги было много убитыхъ. Наши санитары убирали раненыхъ. Вдругъ мы услышали револьверный выстрѣлъ, и мимо уха моего прожужжала пуля.

Все это Шпрудель разсказывалъ сухимъ и монотоннымъ голосомъ, словно отвѣчая заученный урокъ. Впечатлѣніе неправды и неискренности его словъ было такъ велико, что Людмила чувствовала, какъ ея щеки горятъ отъ стыда.

Межъ тѣмъ Раиса тихо подошла къ столу, выдвинула ящикъ, — такъ, одного изъ двухъ револьверовъ нѣтъ. Она шепнула Уэллеру:

— Ричардъ, не спускай съ него глазъ, — у него въ карманѣ револьверъ.

Уэллеръ молча кивнулъ головою.

Шпрудель продолжалъ свой лживый разсказъ:

— Стрѣлялъ раненый русскій. Мои солдаты были возмущены предательскимъ выстрѣломъ. Одинъ изъ нихъ бросился къ стрѣлявшему. Я крикнулъ: «Стой!» Но усердный солдатъ уже окончилъ свое дѣло, и когда

я подошелъ, онъ вынималъ свой штыкъ изъ тѣла убитаго. Я наклонился, и къ великому ужасу моему узналъ вашего брата. Я былъ потрясенъ до глубины моей души. Все это совершилось такъ быстро.

— И это былъ Сергѣй?—спросила Людмила.—И онъ стрѣлялъ въ васъ? Раненый, лежа на землѣ, онъ выстрѣлилъ вамъ въ спину?

— Да,—отвѣчалъ Шпрудель,—я же вамъ говорю.

— Вы лжете!—закричала Александра.

Людмила подошла къ Шпруделю. Глаза ея горѣли ненавистью и презрѣніемъ, когда она говорила:

— О нашемъ братѣ, съ которымъ мы вмѣстѣ выросли, чистую душу котораго мы такъ знаемъ, вы говорите намъ эту ложь! О, господинъ лейтенантъ, до этой минуты въ моемъ сердцѣ было еще сожалѣніе о невозвратномъ, теперь я васъ презираю. Вы—подлый и жестокій!

Лицо Шпруделя исказилось отвратительною гримасою злости. Онъ закричалъ неистовымъ голосомъ:

— Такъ умри же, мечтательная дура!

Выхватилъ изъ кармана револьверъ, и выстрѣлилъ въ Людмилу, цѣля ей въ грудь. Но Раиса и Уэллеръ во время бросились къ нему. Уэллеръ ударилъ его здоровою рукою по рукѣ, и пуля ударилась въ полъ. Револьверъ выпалъ изъ рукъ Шпруделя. Раиса быстро нагнулась и подняла револьверъ. Уэллеръ крѣпко держалъ Шпруделя за руку, но Шпрудель и не думалъ сопротивляться. Онъ стоялъ, опустивъ голову, и мрачно озирался исподлобья.

Уэллеръ сказалъ:

— Екатерина Сергѣевна, надо послать дѣвушку за людьми.

Горничная прибѣжала на звукъ выстрѣла, и съ испуганнымъ лицомъ стояла въ дверяхъ.

Раиса сказала рѣшительно:

— Нѣтъ, мама, никого не надо звать. Этотъ человѣкъ сдѣлалъ все злое, что могъ. Теперь онъ, какъ змѣя, лишенная жала.

— Да, отпустите его,—презрительно сказала Людмила.

Уэллеръ выпустилъ руку Шпруделя. Шпрудель поднялъ голову, и смотрѣлъ на всѣхъ злобно и недовѣрчиво.

— Какое странное великодушіе! — хриплымъ голосомъ бормоталъ онъ.—Я хотѣлъ васъ убить, отчего же вы не тащите меня въ судъ?

Екатерина Сергѣевна подошла къ нему, и сказала:

— Моя дочь васъ прощаетъ. Прощайте, господинъ Шпрудель.

Шпрудель злобно усмѣхнулся, тяжелымъ взоромъ окинулъ всѣхъ, и медленно вышелъ.

— Ну, вотъ и кончилось! Ну, вотъ и кончилось!— повторяла блѣдная Людмила, смѣясь и плача.

Өедоръ Сологубъ.

ФАЛИКОНЪ

НИКОЛАЙ ОЛИГЕРЪ

ФАЛИКОНЪ.

I.

Совсѣмъ не трудно открыть маленькое кафэ. Вывѣска, прилавокъ, дюжины четыре бутылокъ съ разноцвѣтными жидкостями, пара высокихъ стульевъ — вотъ и все. И потому въ каждомъ кварталѣ, маломальски оживленномъ, вы найдете пару американскихъ баровъ, одну пивную и одинъ кабачекъ съ холодной закуской. Выборъ слишкомъ богатый, — и потребителей, обычно, не хватаетъ.

Табачная лавка — дѣло другое. Табачная лавка, при наличности монополіи, — это, въ нѣкоторомъ родѣ, государственное учрежденіе. Продажа капораля, черныхъ, какъ уголь, сигаръ и гербовыхъ марокъ ввѣряется, обычно, чиновнымъ вдовамъ, отставнымъ жандармамъ и, вообще, лицамъ заслуженнымъ, которыя такъ или иначе потрудились уже на пользу республики. Заслуженныя лица не попадаются на каждомъ шагу и, поэтому, табачныхъ лавокъ не такъ ужъ много. Напримѣръ, въ большомъ, густо населенномъ районѣ Санъ-Сильвестръ имѣется только одна. Она помѣщается на углу двухъ большихъ улицъ, какъ разъ у трамвай-

ной остановки, и на ея большой вывѣскѣ ярко свѣтятся золотыя буквы: «Café-tabac Falicon».

Фаликонъ — это маленькая горная деревенька, такая маленькая, что о существованіи ея знаютъ только мѣстные уроженцы. Дюбуа тоже родился въ Фаликонѣ. Дюбуа никогда не былъ жандармомъ и его мать — не чиновная вдова. Но кто-то изъ родственниковъ Дюбуа служитъ въ префектурѣ. Однимъ словомъ, Дюбуа—тоже заслуженное лицо и имѣетъ патентъ на табачную лавку.

И умѣлый собственникъ патента соединилъ полезное съ пріятнымъ. Одна половина не слишкомъ большой комнаты отведена подъ собственно табачную торговлю, а другая занята стойкой и двумя разноцвѣтными бутылками. На стойкѣ, рядомъ съ высокимъ краномъ для воды, которой разбавляютъ абсентъ, помѣщается хитроумная машинка, нѣчто въ родѣ портативной рулетки. Въ верхней части этой машинки имѣются три параллельныхъ щели, которымъ соотвѣтствуютъ три цвѣтныхъ квадратика: бѣлый, желтый и зеленый. Направо, въ окошечкѣ, укрѣпленъ кружочекъ, раздѣленный на тѣ же цвѣта, а пониже кружочка — рычагъ. Вы опускаете въ одну изъ щелей, по вашему свободному выбору, монету въ два су, — толстое су, какъ ее здѣсь называютъ, — и нажимаете рычагъ. Кружокъ въ окошечкѣ нѣсколько мгновеній вращается съ бѣшеной быстротой, а затѣмъ останавливается на томъ цвѣтѣ, на который выпало счастье. Если вы выиграли — машинка выбрасываетъ мѣдный жетонъ, который позволяетъ израсходовать на что вамъ угодно въ этой самой лавочкѣ цѣлыхъ двадцать сантимовъ. Если вы проиграли — можете достать изъ жилетнаго кармана новую монету.

Человѣкъ, поджидающій у дверей кафэ трамвайный

вагонъ, пользуется невольно выдавшейся свободной минутой и забѣгаетъ въ «Фаликонъ», чтобы купить коробочку спичекъ, сигару или марку. На улицѣ пыльно и душно, бутылки сверкаютъ такъ соблазнительно, а трамвай не дошелъ еще до дальняго поворота улицы. Человѣкъ рѣшаетъ использовать свободную минуту наиболѣе продуктивно, промачиваетъ горло чѣмъ-нибудь зеленымъ, желтымъ или краснымъ, а затѣмъ трещитъ машинкой. Шесть или восемь су — это обычная цѣна, въ какую обходится минута.

Хозяинъ — не старъ, не толстъ, не худъ, слегка лысоватъ, очень вѣжливъ, предупредителенъ и добродушенъ. Постоянные посѣтители зовутъ его: «господинъ Фаликонъ», — и онъ охотно отзывается на эту кличку. Господъ Дюбуа во Франціи не мало, а Фаликонъ — только одинъ.

У Дюбуа-Фаликона очень милая жена, двѣнадцатилѣтняя дочь, которая обучается въ католическомъ пансіонѣ по ту сторону итальянской границы, и холостой братъ, который не успѣлъ еще самостоятельно устроиться въ жизни. Братъ помогаетъ перемывать посуду, замѣняетъ иногда хозяйку за табачнымъ прилавкомъ и завсегдатаи зовутъ его просто: Мишель.

Буквы на вывѣскѣ сверкаютъ золотомъ, бодро звенитъ трамвай, бутылки на полкахъ не застаиваются подолгу и этикетки у нихъ всегда дѣвственно свѣжи, а не загажены мухами, какъ это бываетъ въ менѣе счастливыхъ кафэ. Богъ торговли озарилъ Фаликонъ своей радостной улыбкой.

А что дѣлается по вечерамъ, на закатѣ, когда кончаются работы на фабрикахъ и на новыхъ постройкахъ! У прилавка, у стойки и у машинки — повсюду приходится выдерживать очередь.

Фаликонъ торгуетъ уже не первый годъ, — и на добродушномъ лицѣ хозяина ложится понемногу, но все плотнѣе и плотнѣе, выраженіе увѣреннаго спокойствія. И по вечерамъ онъ все чаще начинаетъ разговаривать съ женой о будущемъ. Но нехорошая это примѣта: разговаривать о будущемъ. Оно — невѣдомо, и ласковая улыбка бога торговли легко можетъ смѣниться на сумрачную гримасу отчаянія.

II.

У табачнаго прилавка остановился господинъ высокій, свѣтловолосый, гладко выбритый, съ крѣпкой деревянной спиной и упрямымъ подбородкомъ. Взялъ десятокъ папиросъ въ желтой оберткѣ, открытку и марку въ двадцать сантимовъ. Потомъ передвинулся лѣвѣе, къ игорной машинкѣ, поставилъ два су на зеленое и проигралъ. Тогда сдѣлалъ еще два шага влѣво, пожалъ руку хозяину, который, по случаю жары, стоялъ за стойкой безъ пиджака и жилета, въ вышитыхъ подтяжкахъ, — и сказалъ:

— Одинъ пиконъ, господинъ Фаликонъ!

Хозяинъ въ это время тянулся уже къ полкѣ, не глядя, но безошибочно поймалъ литровую бутылку съ темнокоричневымъ содержимымъ. Наливая изъ бутылки въ большую рюмку, спросилъ только изъ вѣжливости:

— Какъ всегда, съ гренадиномъ?

Получивъ утвердительный кивокъ, капнулъ въ ту же рюмку ярко-малиноваго сиропу и дополнилъ содовой водой изъ запотѣвшаго, со льда, сифона. Пиконъ былъ готовъ. Высокій господинъ не замедлилъ его выпить,

попросилъ повторить и, вскрывъ только что купленную желтую пачку, закурилъ.

— Становится жарко! — сказалъ хозяинъ, стирая тряпкой съ цинковаго листа стойки пролитую воду. — Становится очень жарко.

— Большой расходъ на ледъ, неправда ли?

— Еще бы! Рано утромъ набиваю полный ящикъ — и до вечера едва хватаетъ.

— Но я думаю, что этотъ расходъ окупается? Больше пьютъ?

— Разумѣется! Хотя зимой, когда холодно... Я вамъ скажу, что зимніе напитки для насъ выгоднѣе. И меньше хлопотъ. Но, во всякомъ случаѣ, я не жалуюсь. У меня нѣтъ особенно богатой кліентуры, вы понимаете, но я и не гонюсь за слишкомъ большимъ. Каждый человѣкъ долженъ знать свой предѣлъ.

— Ну... — высокій господинъ съ сомнѣніемъ покачалъ головой. — Я думаю, что каждый человѣкъ долженъ постараться именно выбраться изъ этихъ предѣловъ.

— Стремленіе молодости! И весь вашъ народъ — еще слишкомъ молодой народъ, а мы уже остепенились. Когда-то вѣдь и мы тоже любили выходить изъ предѣловъ!

И, очень довольный этой философіей, Фаликонъ удовлетворенно налилъ подошедшему каменщику стаканчикъ краснаго. Каменщикъ выпилъ молча, обтеръ усы рукавомъ, бросилъ на стойку мѣдную монету и исчезъ за дверной занавѣской, сдѣланной изъ коротенькихъ разноцвѣтныхъ камышинокъ, нанизанныхъ на суровыя нити. Камышинки долго еще раскачивались и шелестѣли, и пропустили съ улицы нѣсколько одурѣвшихъ отъ жары мухъ.

Высокій господинъ медленно допивалъ свой второй пиконъ и, видимо, ждалъ продолженія разговора, предоставляя инниціативу хозяину. Но хозяинъ былъ уже сытъ философіей и перешелъ на болѣе жизненныя темы.

— Сезонъ кончился, — иностранцы разъѣхались. И неважный сезонъ былъ въ нынѣшнемъ году! Два большихъ отеля прогорѣли вдребезги и уже идутъ съ публичнаго торга... А вы никуда не переѣзжаете на лѣто?

— Нѣтъ! Я не боюсь жары. И кромѣ того, я не живу въ большихъ отеляхъ. Я, вѣдь, не милліонеръ.

— О, но ваши купцы и еще вотъ эти... какъ ихъ называютъ... тѣ, которые владѣли когда-то вашими мужиками... они оставили здѣсь не мало! А еще больше — въ Монте-Карло... Такъ вы никуда не ѣдете?

— Нѣтъ. Во всякомъ случаѣ, проживу здѣсь еще мѣсяцъ или полтора... А потомъ, вѣроятно, уѣду въ такое мѣсто, гдѣ еще жарче, чѣмъ здѣсь.

— Жарче, чѣмъ здѣсь? Можетъ быть, въ Алжиръ? Мой дядя вотъ уже двадцать лѣтъ живетъ въ Алжирѣ. Онъ пріѣзжалъ сюда погостить въ прошломъ году. И представьте себѣ, отъ этого алжирскаго солнца онъ сдѣлался совсѣмъ черный, какъ настоящій тюркосъ.

— Нѣтъ, еще жарче. Въ Конго! Я поступаю на службу къ компаніи, которая торгуетъ каучукомъ.

— Въ Конго? Торговать каучукомъ? Съ неграми? Нѣтъ, это уже выходитъ изъ предѣловъ, по моему мнѣнію. Я бы ни за что не поѣхалъ, избави меня Богъ... Въ Конго! Какъ это вамъ понравится? Изъ страны бѣлыхъ медвѣдей — и въ Конго...

— Нужно чѣмъ-нибудь существовать, господинъ Фаликонъ! А бѣлые медвѣди меня не кормятъ.

За окномъ, въ рябой тѣни каштановъ, топтались нѣсколько человѣкъ, поджидавшихъ трамвай. Почталіонъ, старуха съ двумя мальчиками, посыльный изъ мясной лавки. На этомъ обычномъ фонѣ нѣсколько выдѣлялся господинъ, чѣмъ-то неуловимымъ похожій на высокаго бритаго. Только одѣтъ онъ былъ не съ англійской тщательностью бритаго, а довольно даже небрежно. Держался сутуло, часто и безпокойно ворочалъ головой на длинной шеѣ и щипалъ себя за жидкую бородку.

Видимо наскучивъ ожиданіемъ, онъ подошелъ вплоть къ самому окну, долго разсматривалъ разложенныя за стекломъ трубки, табачницы и принадлежности для комнатнаго фейерверка. Потомъ перевелъ глаза вглубь комнаты и увидѣлъ стойку, а за стойкой — бутылки. Это зрѣлище, какъ будто, дало ему нѣкоторую смутную идею. Камышевая занавѣска опять зашевелилась, ея шелестящія пряди раздвинулись, пропустили жиденькую бородку и новую пару мухъ. Обладатель бородки долго переминался съ ноги на ногу, и такъ же разсѣянно, какъ на глиняныя трубки, смотрѣлъ на высокаго, на Фаликона, на игорную машинку.

— Дайте мнѣ... Дайте мнѣ, пожалуйста...

По-французски онъ выговаривалъ неважно, и каждое слово застревало у него въ горлѣ, какъ тяжелый возъ на глинистомъ проселкѣ.

— Дайте мнѣ...

— Вина? Холоднаго пива? Абсента? Лимонаду? Коньяку? — помогъ Фаликонъ.

— Коньяку? Хорошо! Дайте рюмку Булестена, три звѣздочки.

Фаликонъ аккуратно наполнилъ высокую узкую рюмочку, а въ это время какъ разъ подошелъ трамвай.

15

Господинъ съ жиденькой бородкой безпомощно посмотрѣлъ на трамвай, на рюмку, поискалъ въ двухъ или трехъ карманахъ кошелекъ, чтобы поскорѣе расплатиться, но затѣмъ махнулъ рукой и спокойно взялся за коньякъ. Почталіонъ, старуха и всѣ остальные сѣли и поѣхали. Очевидно, онъ не особенно торопился, этотъ господинъ съ бородкой.

Управившись съ коньякомъ, онъ замѣтилъ игорную машинку. Возобновилъ поиски денегъ и, наконецъ, выгребъ изъ задняго кармана брюкъ, гдѣ полагается носить револьверъ, цѣлую пригоршню мелочи.

Поставилъ на желтое—проигралъ. Потомъ на бѣлое, на зеленое—и все съ тѣмъ же успѣхомъ. Вернулся къ желтому, сердито нажалъ рукоятку. Вышло зеленое. Глаза человѣка съ бородкой нѣсколько оживились. Онъ перевелъ духъ и сказалъ по-русски, вкладывая въ зеленую щель новую монету:

— Вотъ, чортъ возьми... Какъ не везетъ... Ужасно глупая машинка...

Раскрашенный кружокъ загудѣлъ, завертѣлся. Желтое.

— Нѣтъ, скажите пожалуйста... Какъ это вамъ нравится?

— Да, не везетъ!—привѣтливо согласился бритый.—Сегодня вамъ не стоитъ ѣхать въ Монте-Карло.

— Вы думаете? Это возможно. Разъ уже нашла такая полоса... Однако, позвольте...

Человѣкъ съ бородкой какъ будто къ чему-то прислушался,—и вдругъ весь расплылся улыбкой.

— Нѣтъ, вы представьте... Вотъ что значитъ: долго не слышать родного языка! Я то было вообразилъ себѣ, что у меня по-французски такъ гладко выходитъ... А оказывается мы — соотечественники. Что это вы пьете такое, — коричневое? Пиконъ? Вкусно?

— Попробуйте.

— А пожалуй! До слѣдующаго трамвая я еще успѣю. Что? съ гренадиномъ или съ лимономъ? Я не знаю! Пусть дѣлаетъ точно такъ, какъ у васъ.

Попробовалъ, смакуя.

— Ничего. Довольно странный вкусъ, но можно привыкнуть. Такъ вы русскій? Я, знаете, не люблю заграничныхъ русскихъ!

— И я тоже! — подтвердилъ бритый.

— Вотъ видите... Не я одинъ, стало быть! Я вообще поселился здѣсь, чтобы отдохнуть отъ людей. И такъ какъ я неважно владѣю иностранными языками, то здѣсь это мнѣ отлично удается,—отдыхать. Вотъ уже больше полугода... Живу у старушки, которая говорить только на мѣстномъ діалектѣ. Очень милая старушка, хотя и жадная.

Русская рѣчь у человѣка съ бородкой тоже была какая-то негладкая, шершавая, и слишкомъ торопливая, хотя самъ онъ—медленный. Медленно пилъ и двигался, и даже моргалъ какъ-то особенно неторопливо. И это несоотвѣтствіе выдѣляло изъ толпы человѣка съ бородкой, подчеркивало его. А высокій, должно быть, любилъ такихъ, подчеркнутыхъ. По крайней мѣрѣ, предложилъ сейчасъ же:

— Выпьемте еще по одному пикону.

Другого, болѣе удобнаго пункта для первоначальнаго общенія онъ никакъ не могъ найти, хотя день былъ жаркій и напиваться не хотѣлось. Въ жару хмель нехорошій: липкій и неотвязный, какъ больная муха.

Человѣкъ съ бородкой подумалъ, не спѣша мигнулъ и затѣмъ торопливо выбросилъ:

— Выпьемте... Ужъ если такъ пришлось... Значитъ—судьба... А фамилія моя—Вольфъ. Хотя и русскій, но

15*

Вольфъ! Есть еще и псевдонимъ, потому-что я литераторъ, но вамъ онъ, навѣрное, не понадобится... Читать вѣдь не любите?

— Не люблю.

— И отлично!

Бритый тоже захотѣлъ представиться. Вынулъ изъ зеленаго бумажника аккуратную визитную карточку, на которой было отпечатано: «S. Metalnicoff».

— Это—я. Ѣду въ Конго добывать каучукъ.

— Каучукъ? Отлично! Только онъ, кажется, пахнетъ непріятно? Вотъ, какъ новые калоши... Такъ значитъ, давайте съ этимъ самымъ, какъ его... съ гренадиномъ что ли?

III.

Уже и заря погасла, и давно мерцали, вздрагивая, электрическіе фонари надъ заскучавшими пальмами на promenade des Anglais, а все еще было жарко. Море плескалось за каменной набережной, какъ тепленькій супъ въ кухмистерскомъ судкѣ. И распластался въ этомъ супѣ многоногій желѣзный паукъ, — огромный кабакъ, выстроенный прямо надъ водой, на сваяхъ. Въ кабакѣ темно. Высокія полукруглыя окна закутались плотными шторами. Во время сезона тамъ играютъ въ «лошадки», слушаютъ концерты, пьютъ. Теперь тамъ бѣгаютъ крысы.

И на всей набережной такъ пустынно, что нельзя понять, для чего она сдѣлана съ такимъ трудомъ и затратами: неужели только для того, чтобы на одной изъ повернутыхъ къ морю скамеекъ сидѣли два новыхъ знакомыхъ: Вольфъ и Метальниковъ?

Вольфъ закрутилъ свою бородку веревочкой и си-

дитъ мѣшкомъ, а длинныя ноги протянулись черезъ двѣ большихъ бетонныхъ плиты. Бритый сидитъ прямо и спина у него, какъ всегда, деревянная, — не гнется. Лицо покраснѣло и лоснится при электрическомъ свѣтѣ.

Вольфъ раскрутилъ бородку, снялъ шляпу, посмотрѣлъ внутрь на донышко, гдѣ слинявшимъ золотомъ отпечатано клеймо фирмы. Посмотрѣлъ и положилъ шляпу рядомъ съ собой, на скамейку.

— Что мы такое пили сегодня?

— Сегодня? — Бритый наморщилъ лобъ. — Пиконъ съ гренадиномъ... Три или четыре.

— Четыре! Это я помню. Странный напитокъ. Начинаетъ дѣйствовать только черезъ полчаса послѣ употребленія.

— Да. Это удобно. Потомъ вы пошли домой.

— И раздумалъ. Признаться, надоѣла мнѣ моя старушка. Потому и раздумалъ. Потомъ мы, кажется, пиво пили?

— Пили. Въ «Ротондѣ»... И съѣли «assiette anglaise». Послѣ пива — сода-виски.

— Помню. Со льдомъ, отъ жары... Потомъ поѣхали въ Болье...

— Такъ. Тамъ въ маленькомъ кафэ у вокзала...

— Помню! Опять пиво. Потомъ искали какого-то вашего знакомаго, но оказалось, что онъ живетъ не въ Болье, а въ Ментонѣ. До Ментоны далеко ѣхать, — вернулись.

Бритый зѣвнулъ очень сдержанно, однимъ едва замѣтнымъ сокращеніемъ мышцъ на скулахъ.

— Это все такъ! Когда вернулись, опять съѣли по „assiette anglaise“ и перешли на коньякъ. Впрочемъ, нѣтъ! Предъ коньякомъ было еще одно пиво.

— Развѣ? Вотъ этого то я и не помню.

— А какъ же... Темное, мюнхенское.

— Ну, можетъ быть. Знаете, — скучно. Первое время я каждый день ѣздилъ играть въ рулетку. Минувшей осенью какъ-то совсѣмъ случайно написалъ пьесу, — и скверную, надо сказать, — и такъ же случайно взялъ на ней тысячъ десять.

— Скоро проиграли?

— Въ томъ то и дѣло, что нѣтъ! Мѣсяца два проигрывалъ. И разъ, представьте себѣ, привезъ домой что-то чрезвычайно много: всѣ карманы были полны, хотя одну толстую пачку, кажется, еще по дорогѣ вытащили. Подъ конецъ надоѣло смертельно. Начальныя десять тысячъ, навѣрное, еще разъ десять или пятнадцать обернулись за два-то мѣсяца. Очень было скучно. Потомъ, наконецъ, познакомился я съ какимъ-то купчишкой, сталъ на его счастье играть: куда онъ, туда и я... Тогда только и продулся. И купчишка тоже продулся. Сначала хотѣлъ онъ топиться, но въ морѣ вода была еще холодная: попробовалъ пальцемъ и раздумалъ. Тогда взялъ у рулеточнаго начальства „viatique“ и уѣхалъ домой, въ Соликамскъ, а мнѣ оставилъ письменное проклятіе... Ну, кончилась моя игра, началъ было я работать. Тоже скучно, — и никакъ выше маковки не прыгнешь. Хотя бы тоской по родинѣ заболѣть — такъ нѣтъ, не тянетъ... Вы тоской по родинѣ не страдаете?

Метальниковъ очень неопредѣленно гмыкнулъ. И даже легонькой гримаской не измѣнилъ выраженія краснаго бритаго лица. Такъ и осталось неизвѣстнымъ, — да или нѣтъ, но человѣкъ съ бородкой особеннно не настаивалъ. Повидимому, онъ не имѣлъ обыкновенія залѣзать насильно въ чужую душу.

— И потомъ, знаете, вообще это наслажденіе творчествомъ... Изъ сотни творцовъ девяносто девять хотя бы въ самой глубинѣ сознанія просто стыдятся своихъ твореній, а сотый ихъ ненавидитъ. У меня нѣтъ вкуса къ плохимъ пьесамъ, а хорошіе стихи дурно оплачиваются и еще хуже читаются. Я не честолюбивъ, знаете, и въ этомъ корень зла. Вотъ если бы мнѣ хоть франковъ на двадцать настоящаго, подлиннаго честолюбія! Это сразу должно создать интересъ къ жизни.

— Интересъ къ жизни? — внимательнѣе прислушался Метальниковъ.

— Ну, конечно же... Честолюбецъ смакуетъ жизнь, какъ хорошее вино. И каждый разъ ему хочется добыть бутылочку получше. У него есть цѣль, чортъ возьми! Вотъ мы пили сегодня пиво и коньякъ, и еще какую-то коричневую гадость. Теперь хорошо было-бы выпить кофе съ ликеромъ. А завтра? Дайте мнѣ какуюнибудь программу на завтра, чортъ ее возьми совсѣмъ...

— Вы купаетесь? Нѣтъ еще? Пойдемте завтра купаться. Вода слишкомъ теплая, но все-таки немножко освѣжаетъ.

— Я предпочитаю душъ! Основательный душъ Шарко, съ крѣпкимъ напоромъ... Меня научилъ этому итальянецъ, — очень милый парень, между прочимъ. Работалъ по постройкѣ туннеля гдѣ-то у насъ на Кавказѣ, потомъ былъ добровольцемъ на войнѣ въ Триполи. А теперь онъ актеръ, кинематографическій актеръ. Единственный человѣкъ, съ которымъ я здѣсь познакомился, не считая соликамскаго купца.

— Кинематографическій актеръ?—переспросилъ Метальниковъ. — Покажите мнѣ его! Я никогда еще не видѣлъ ихъ живьемъ.

— Какъ-нибудь на этихъ дняхъ. Сейчасъ онъ уѣхалъ въ горы разыгрывать большую драму изъ жизни контрабандистовъ. Звалъ меня съ собой, но я, видите ли, проспалъ поѣздъ, а Моргано не могъ ждать... Случается... И, знаете, это тоже человѣкъ, которому скучно.

— Жизнь — очень занимательная вещь! — равнодушно сказалъ Метальниковъ и опятъ зѣвнулъ одними скулами. — Вотъ я поѣду въ Африку и буду собирать каучукъ. Это занимательно. Тамъ всѣ европейцы очень быстро вымираютъ отъ лихорадки. А относительно цѣли жизни разспросите папашу Фаликона. Не нужно чувствовать себя слишкомъ одареннымъ, дорогой мой! Это хуже зубной боли.

Вольфъ безпомощно развелъ руками.

— Что же я съ собой подѣлаю, скажите на милость? Я пробовалъ и такъ, и этакъ... Ничего не выходитъ. И, пока пробовалъ, слишкомъ много растерялъ и оставилъ позади... Нѣтъ, должно быть, такъ ужъ мнѣ и придется обходиться безъ программы.

— На сегодня вы назначили не плохо! Черное кофе — и ликеръ. Я согласенъ.

Какъ безшумная стая летучихъ мышей, промелькнула мимо полицейская бригада на велосипедахъ. Вольфъ посмотрѣлъ имъ вслѣдъ, прищуривъ большіе выпуклые глаза.

— Республика бодрствуетъ... Можетъ быть, вы рано ложитесь спать?

— Нѣтъ. Когда хочется.

— Мнѣ теперь никогда не хочется, чортъ возьми. А было время, когда я аккуратно укладывался въ одиннадцать. И это было не такое скверное время, но оно тоже осталось позади... Вы любите женщинъ?

— Красивыхъ?

— Нѣтъ, не то! Даже не женщинъ собственно, а только то, что онѣ вносятъ въ жизнь?

— Соръ онѣ вносятъ. Безпорядокъ. Нѣтъ, не люблю. Въ комнатѣ всегда пахнетъ пудрой и на всѣхъ стульяхъ — нижнее бѣлье.

Вольфъ замолчалъ, еще сильнѣе скорчился. Опять закрутилъ бороду веревочкой. За каменнымъ барьеромъ жидко плескалось теплое море: плюхъ... плюхъ... Метальниковъ поднялся, крѣпко притопнулъ каблуками.

— Пойдемте... Только куда-нибудь подальше! А завтра утромъ опять встрѣтимся у Фаликона. Въ двѣнадцать безъ четверти.

— Отлично! Я запишу сейчасъ. А то послѣ забуду.

Вынулъ книжку и, стоя подъ фонаремъ, отмѣтилъ: «безъ четверти двѣнадцать — Фаликонъ». Подумалъ и приписалъ крупно, подчеркнувъ: «ежедневно».

Высокій шагалъ ровно и четко, какъ солдатъ на парадѣ, а Вольфъ тяпалъ длинными ногами, какъ попало, и если на мостовой была выбоина, обязательно попадалъ въ нее каблукомъ. Шляпу свою такъ и забылъ на скамейкѣ и пришлось возвращаться за нею, когда уже отошли два квартала.

Шли въ сторону порта, — туда, гдѣ въ тѣсныхъ улицахъ сжался презираемый иностранцами старый городъ. И чѣмъ дальше уходили отъ вымершихъ отелей и асфальтовыхъ мостовыхъ, тѣмъ улицы становились люднѣе, и бойкая рѣчь зазвучала на перекресткахъ. Чинно, чтобы не привлечь вниманія полиціи нравовъ, прохаживались проститутки. Итальянскіе рабочіе въ харчевняхъ ѣли что-то вонючее и весело ругались. Хромой старикъ катилъ по булыжнику шаретку, на-

груженную пустыми жестянками изъ-подъ керосина. Величественно, какъ погребальная процессія перваго разряда, двигался ассенизаціонный обозъ. Было шумно, и не то, чтобы весело, а какъ то по своему, по домашнему, оживленно.

— Пойдемте къ «Зеленому Попугаю»! — предложилъ Метальниковъ, который, повидимому, зналъ городъ лучше своего спутника. — Тамъ иногда бываетъ любопытно. И сейчасъ какъ разъ подходящее время.

Вольфъ молча кивнулъ головой. Ему все равно — куда. Только бы кофе съ ликеромъ.

Свернули въ самый тѣсный изъ узкихъ переулковъ, гдѣ было почти темно, несмотря на газовые фонари, горѣвшіе на ввинченныхъ въ стѣны кронштейнахъ. Переулокъ извивался змѣей и неожиданно закончился почти круглой, какъ дно колодца, площадкой. Въ полуподвалѣ облѣзлаго дома — небольшое кафэ, — и гдѣ-то въ самомъ дѣлѣ кричитъ попугай, хотя, быть можетъ, и не зеленый.

Нѣтъ столиковъ на тротуарѣ, у входа, да и негдѣ было бы ихъ размѣстить, не загромоздивъ окончательно всю площадь. Зато внутри — набито биткомъ, и новые знакомые едва разыскали для себя два свободныхъ мѣста. Кофе оказался кислый, горькій и мутный, какъ помои. Вольфъ съ отвращеніемъ отодвинулъ свою чашку.

— Ничего не подѣлаешь! Ограничимся ликеромъ.

Люди сидѣли и ходили вокругъ, шумѣли, пили, играли въ кости. Почти у всѣхъ были пушистые усы, тщательные проборы и дешевые, но недавно купленные костюмы. Изъ карманчиковъ торчатъ углы цвѣтныхъ шелковыхъ платочковъ. И у всѣхъ — толстыя, тяжелыя палки съ металлическими набалдашниками.

Всѣ, видимо, знакомы другъ съ другомъ, перекликаются по именамъ и кличкамъ, но держатся какъ-то настсрожѣ и не любятъ поворачиваться спиной къ сосѣду.

— Сутенеры!—объяснилъ Метальниковъ.—Это ихъ клубъ — и биржа.

— Вотъ оно что!

Слишкомъ уже ихъ было много. Не вѣрилось, что все — мерзавцы.

— Сколько ихъ, однако...

Одни приходили, другіе уходили, — одинаковые. Нѣкоторые—зеленовато блѣдные, со слѣдами жестокой болѣзни на запудренныхъ лицахъ. Говорили все о самомъ обыденномъ, — о ѣдѣ, о напиткахъ, о погодѣ. Иногда только проскальзывали быстрыя, скользкія фразы, пересыпанныя странными терминами, которыхъ не понималъ Вольфъ.

Расплачиваясь, небрежно швыряли пятифранковики, но аккуратно пересчитывали сдачу, — и оставляли на чай не больше двухъ су, выбирая самые стертые и помятые.

— Нѣтъ, я не могу!—покачалъ головой Вольфъ.— Должно быть, слишкомъ душно здѣсь. Нехорошо мнѣ...

И правда было душно, а табачный дымъ висѣлъ густымъ неподвижнымъ облакомъ, заволакивалъ потолокъ, грубо расписанный гирляндами цвѣтовъ. Но Метальниковъ сидѣлъ невозмутимо, самъ пускалъ клубы дыма изъ крѣпкой сигаретки. Чуть-чуть повелъ плечами на заявленіе Вольфа.

— Теперь вездѣ душно.

— Не въ томъ дѣло! Противно мнѣ! Женщину, которая торгуетъ собой, я всегда сумѣю понять. А вотъ эти... Они унижаютъ! Падшихъ женщинъ уни-

жаютъ. И насъ тоже! Потому что, значитъ, для падшихъ женщинъ даже они, вотъ такіе, лучше насъ, которые нанимаютъ и платятъ.

Метальниковъ выслушалъ съ удовольствіемъ.

— Вѣрно! Иногда хорошо вотъ такъ себя провѣрить — и унизить.

— Тогда давайте еще ликеру. Или я уйду. Невозможно такъ.

Пили нехотя, но торопливо, хотя отъ жгучаго сиропа уже першило въ горлѣ и противно склеивались губы. Завсегдатаи посматривали съ недоброжелательствомъ и опаской. Одинъ сказалъ что-то такое, въ отвѣтъ на что Метальниковъ стукнулъ кулакомъ по столику и рявкнулъ, весь налитый кровью до синевы:

— Молчать!

— Что такое? Что онъ сказалъ? — зашевелился Вольфъ, съ трудомъ приподнимаясь. — Дайте, я его изобью! Мнѣ не стыдно испачкать руки. Если онъ...

Но Метальниковъ уже остылъ, а сказавшій, какъ ни въ чемъ ни бывало, спрятался въ свою пивную кружку. И пришлось опять пить, пить надоѣдливо и упрямо, пока, наконецъ, послѣдняя рюмка не опрокинулась и не потекла по дешевому щербатому мрамору липкой зеленой струей.

Домой шли тоже вмѣстѣ: оказалось, что живутъ въ одной части города. У Метальникова не сгибались теперь не только спина, но и ноги въ колѣняхъ, а Вольфъ, какъ будто, пріобрѣлъ дюжину новыхъ суставовъ и все норовилъ сложиться вчетверо. Полицейскіе агенты слѣдили за обоими съ настойчивымъ вниманіемъ, но все обошлось благополучно. Метальниковъ затащилъ своего спутника на пятый этажъ, причемъ на каждой площадкѣ долго отдыхалъ, возстанавливая

нарушенное равновѣсіе. Почтительно и твердо сказалъ разъяренной хозяйкѣ, выглянувшей на звонокъ:

— Вотъ вашъ квартирантъ, сударыня Позаботьтесь о немъ. Ему немножко нездоровится.

Спускаясь внизъ, слишкомъ быстро миновалъ дюжины полторы ступенекъ, но и тутъ не утратилъ солидности и даже пытался заколоть порванные брюки англійской булавкой.

IV.

Къ папѣ Фаликону на два праздничныхъ дня пріѣхала погостить изъ пансіона дочь, хорошенькій темноглазый подростокъ въ черномъ монашескомъ платьѣ съ бѣлымъ плоеннымъ передникомъ. Пансіонское платье она, конечно, сейчасъ же сняла и облачилась въ домашнее, розовое съ кружевами и бантикомъ. Густые волосы никакъ не укладываются въ прическу, а изъ розовыхъ рукавовъ выглядываютъ красныя гусиныя руки. Мать уѣхала въ гости, въ Сентъ-Андрэ, братъ Фаликона ушелъ играть въ шары, — и дѣвочка гордо заняла позицію за табачнымъ прилавкомъ. Послѣ монастырской тоски ей тутъ—какъ въ раю. Но хочется быть большой, и она дѣлаетъ строгое, задумчивое лицо, развѣшивая табакъ и раскладывая его въ бумажные фунтики.

Папа Фаликонъ съ ранняго утра надѣлъ крахмальный воротничекъ и новый пиджакъ, и разрѣшилъ себѣ стаканчикъ абсента. Жарко, и воротничекъ третъ шею, но зато — празднично. А отъ абсента и еще оттого, что за прилавкомъ стоитъ почти взрослая дочь, Фаликонъ весь таетъ и никакъ не можетъ растаять масляной улыбкой.

На перекресткѣ, передъ кафэ, —цѣлый митингъ. Рабочіе, кліенты Фаликона, тоже нацѣпили воротнички, почистили сапоги и шляпы. Впереди—длинный день отдыха, и рабочіе не спѣша обдумываютъ, какъ воспользоваться имъ наилучшимъ образомъ. Возможностей много. Можно пойти играть въ шары. Можно поѣхать въ паркъ, на народный балъ, гдѣ сегодня безплатный входъ при двухъ оркестрахъ. Можно съ утра напиться и залечь спать. Можно пойти въ манежъ на собраніе союза рабочихъ-строителей. А не плохо и просто стоять вотъ такъ, жмуриться отъ солнца, покуривать и наслаждаться богатымъ выборомъ возможностей.

Табачный прилавокъ торгуетъ хорошо, но у стойки дѣло идетъ пока еще довольно вяло. И Фаликонъ съ особой любезностью встрѣтилъ бритаго русскаго, который пришелъ точно въ свой обычный часъ: безъ четверти двѣнадцать.

Немного въ сторонѣ отъ стойки есть маленькій столикъ, предназначенный для тѣхъ кліентовъ, которые разсчитываютъ пробыть здѣсь подольше. Фаликонъ подставилъ Метальникову стулъ и самъ присѣлъ напротивъ.

— Добраго утра—и желаю вамъ пріятно провести праздникъ... А ко мнѣ пріѣхала погостить дочь. Совсѣмъ уже большая дѣвица, неправда ли?

— Отличная дочь! Помогаетъ по торговлѣ?

— О, это только капризъ, вы понимаете? Дѣвочкѣ нравится. Пусть присматривается, это не повредитъ. Никакое знаніе не повредитъ, хотя я надѣюсь, что ей уже не придется изъ нужды стоять за прилавкомъ, какъ ея родителямъ.

Фаликонъ таетъ,—и его крахмальный воротничекъ тоже размякъ уже, утратилъ свою лощеную бѣлизну и

прочность. У Метальникова бѣлки глазъ послѣ вчерашняго покрылись красными жилками, и отъ этихъ жилокъ глаза кажутся злыми. Но на самомъ-то дѣлѣ онъ смотритъ на дѣвочку за табачнымъ прилавкомъ не со злостью, а со скрытой, глубоко запрятанной лаской.

— Право же, у васъ отличная дочь! Только я, на вашемъ мѣстѣ, не оставлялъ бы ее здѣсь подолгу. Здѣсь иногда ругаются, говорятъ нехорошія слова. И бываютъ не совсѣмъ трезвы.

— Ахъ, Боже мой! Я говорилъ то же самое. Но она плачетъ, вы понимаете? Ей тоже хочется посмотрѣть на жизнь. И потомъ, — вѣдь не всѣ только ругаются. Нѣкоторые говорятъ умныя вещи. Нехорошаго она не пойметъ, а отъ умнаго что-нибудь останется.

Нѣтъ, сегодня никакъ не выбить папу Фаликона изъ его праздничнаго настроенія.

— За ваше здоровье, господинъ Фаликонъ!

— Я сегодня уже позволилъ себѣ немножко, вы понимаете? И у меня слабая голова, а нужно торговать. Но ради васъ и за ваше здоровье—такъ ужъ и быть! Одинъ маленькій стаканчикъ.

Слышно сквозь праздничный городской шумъ, какъ на сосѣднемъ дворѣ стучатъ деревянные шары. Это— мѣстная игра, которая съ успѣхомъ замѣняетъ собою всѣ другіе виды спорта. Даже самъ папа Фаликонъ не прочь былъ бы размять мускулы въ партіи—другой. Но торговля—прежде всего. И тутъ какъ разъ ввалилась въ кафэ цѣлая толпа: мужчины, женщины, даже дѣти. Идутъ въ загородную прогулку и по пути рѣшили немножко подкрѣпиться.

Метальниковъ залпомъ осушилъ свой первый стаканъ и, утоливъ острую жажду, тянулъ второй не спѣша. Посматривалъ за окно, на бѣлый, раскаленный мака-

дамъ, и вспоминалъ, нельзя ли чѣмъ-нибудь изъ вчерашняго дня позаимствоваться и на сегодня. Обѣщалъ притти сюда человѣкъ съ растрепанной бородкой, но едва ли придетъ. Такихъ, внезапно возникшихъ и столь же внезапно оборвавшихся знакомствъ, у Метальникова было уже много. Случайные люди выскакивали надъ толпой, какъ пузыри на лужѣ,—и безслѣдно лопались. Навѣрное, и этотъ тоже лопнетъ, хотя было, почему-то, жалко. Никакихъ великихъ дѣлъ вчера совмѣстно не совершили, а вотъ — жалко.

Камышевая занавѣска сегодня совсѣмъ не спасаетъ отъ уличныхъ мухъ, слишкомъ часто ее тревожатъ при входѣ и выходѣ. И мухи гудятъ, ползаютъ по столику, садятся на бритыя щеки Метальникова. Отъ праздничныхъ посѣтителей пахнетъ потомъ и скверной помадой.

— Господинъ Фаликонъ, сколько вамъ слѣдуетъ получить?

Расплатился, но у самаго выхода задержался немного, чтобы закурить отъ автоматической газовой зажигательницы. И камышевыя пряди брызнули прямо ему въ лицо, а тяжелый каблукъ больно наступилъ на ногу.

— Запоздалъ я немного, въ силу разныхъ обстоятельствъ... А вы не ушли еще?

Бородка у Вольфа всклокочена больше вчерашняго и даже, какъ будто, сдѣлалась еще жиже. Но глаза — обыкновенные, выпуклые и сонные. Смотрямъ и не видятъ.

Нѣтъ, не лопнулъ новый пузырь.

— Не ушелъ еще, какъ видите... Но очень ужъ тѣсно здѣсь сегодня! Перейдемте лучше куда-нибудь въ другое мѣсто.

— Идемте, гдѣ вчера были. Хотя бы въ «Ротонду»... Это тамъ гдѣ-то, около вокзала.

Чтобы не обидѣть и Фаликона, Вольфъ взялъ у монастырской дѣвочки голубую коробку папиросъ — „Levant“, — вѣжливо раскланялся. Дѣвочка посмотрѣла на его бородку, на измятую шляпу — и фыркнула.

— А у меня семейная драма!—разсказывалъ Вольфъ, отмѣривая крупными шагами путь отъ Фаликона до «Ротонды». — Хозяйка моя обидѣлась окончательно и приказала очистить квартиру. Вы, говоритъ, и денегъ не платите, и по ночамъ пугаете меня, бѣдную женщину. Я уже, молъ, изъ-за васъ на лекарство отъ нервовъ цѣлыхъ шесть франковъ истратила... Что же, я и не спорилъ. Смирился и слушалъ. Потому и запоздалъ немножко... Сегодня же хочу переѣхать. Тамъ мнѣ и самому было неудобно: слишкомъ высоко подниматься. Иной вечеръ раза четыре сорвешься, пока долѣзешь. А лѣстница безъ ковра, жесткая.

— Да, жесткая!—съ чувствомъ согласился Метальниковъ. — Отвратительная лѣстница.

— Ну, вотъ... Я, признаться, задолжалъ немножко, но хозяйка уже и денегъ не проситъ. Только, говоритъ, уѣзжайте, пожалуйста! Она, дѣйствительно, пожилая и ей непріятно.

Въ «Ротондѣ», за кружкой темнаго пива, Вольфъ припомнилъ, что есть еще одна новость: открытка отъ итальянца. Пишетъ, что драма кончается и завтра онъ вернется домой.

— Кстати, и ему тоже надо комнату. Заодно подыщу. Изъ прежней его выселили за неплатежъ и даже вещи задержали. Ужасно глупо!

— Что — глупо?

— Да вотъ... Куда у насъ деньги дѣваются, хотѣлъ бы я знать? Двѣ недѣли тому назадъ получилъ я порядочный переводъ. Хотѣлъ костюмъ заказать.

А отъ перевода почти уже ничего нѣтъ,—ни костюма, ни денегъ. Надо бы немножко остепениться, что ли...

— А зачѣмъ?

— Ну, все-таки... Надо же... А впрочемъ... И въ самомъ дѣлѣ—такъ сойдетъ. Вотъ, что пиво кислое—это скверно.

Какъ разъ передъ террасой «Ротонды» перекинулась черезъ дорогу каменная арка желѣзнодорожнаго полотна. И надъ уличной толпой, надъ крышами трамваевъ, надъ пестрыми дамскими зонтиками, то и дѣло, сотрясая стѣны домовъ, проносятся тяжелые скорые поѣзда. За открытыми окнами вагоновъ выступаютъ мимолетно лица пассажировъ,—все чужія, далекія, ненужныя лица. И такъ же чужды тѣ, что сидятъ въ трамваяхъ, идутъ подъ зонтиками, пьютъ за сосѣдними столиками кафэ. Иныя лица встрѣчаются по дорогѣ очень часто, уже примелькались, но отъ этого не стали ближе.

— Нѣтъ, не стоитъ остепеняться! — убѣжденно повторилъ Вольфъ. — И если скорѣе, чѣмъ полагается, придетъ конецъ, — тѣмъ лучше. Даже пить уже надоѣло. Что же это такое? Я, вотъ, сбѣжалъ изъ отечества по собственной волѣ, а вы, какъ я подозрѣваю, по независящимъ обстоятельствамъ. Вы не думайте, что я въ превратностяхъ вашей карьеры хочу копаться! Нѣтъ! Это мнѣ безразлично. Но оба мы, какъ кажется, съ разныхъ концовъ пришли къ одной и той же точкѣ. Пришли и уперлись. Вы, вотъ, хоть какой-то тамъ каучукъ добывать собираетесь... А у меня и этого нѣтъ. Я просто разочарованный литераторъ. Самая послѣдняя мразь, однимъ словомъ. Зачѣмъ же мнѣ остепеняться, скажите пожалуйста?

— Я вамъ и не совѣтовалъ. Это вы сами...

— Я знаю, что самъ! Съ другимъ человѣкомъ спорить — безполезно. Все равно, не переубѣдишь. А съ самимъ собою — можно. Себя самого нѣтъ-нѣтъ, да и уломаешь... Нѣтъ, положительно, никуда не годится пиво. Вы сегодня свободны? Пойдемте вмѣстѣ искать комнату.

Метальниковъ согласился съ большой готовностью. И даже радъ былъ, что подвернулось что-то похожее на дѣло. Ходилъ, смотрѣлъ, горячо торговался. Самъ Вольфъ готовъ былъ удовлетвориться первой попавшейся конурой.

— Не все ли равно? Лишь бы было, гдѣ спать. А отходя ко сну я, обычно, обстановки не разсматриваю. Некогда. Лишь бы до подушки довалиться.

— Нельзя такъ! Если дѣлать, такъ дѣлать. Посмотримъ еще въ сосѣдней улицѣ.

Во многихъ домахъ не было дома хозяевъ, по случаю праздника, и это затрудняло поиски. Вольфъ началъ уставать и впалъ въ уныніе, но его спутникъ былъ твердъ и упрямъ, — и добился своего.

Новая хозяйка — тоже старушка, но маленькая, хилая и кѣмъ-то на всю жизнь испуганная. А комнаты — тѣсныя, какъ клѣтки, но свѣтлыя. Двѣ — свободны, третья занята какою-то барышней. Барышня эта на секунду показала носикъ въ дверную щелку и сейчасъ же сконфуженно скрылась. Изъ двухъ клѣтушекъ Вольфъ выбралъ себѣ меньшую, предоставивъ лучшую итальянцу, а Метальниковъ заблаговременно выработалъ со старушкой домашнюю конституцію: ключъ отъ входной двери и право возвращенія во всякое время ночи.

— О, я понимаю! — закивала дрожащей головой старушка. — Молодымъ людямъ иногда нужно развлечься... Я понимаю! Но я должна васъ предупредить...

16*

И объяснила, понизивъ голосъ до шепота:

— Дама, которая живетъ съ вами рядомъ — очень почтенная дама. И она имѣетъ солиднаго покровителя, который бываетъ у нея два раза въ недѣлю. Я надѣюсь, что молодой человѣкъ не допуститъ по отношенію къ ней ничего такого...

Ее успокоили. Нѣтъ, молодой человѣкъ ничего такого не допуститъ. Если только, конечно, сама дама... Нѣтъ? Ну, тѣмъ лучше!

Послѣ такихъ трудовъ и хлопотъ нужно было отпраздновать новоселье. Отпраздновали.

V.

Что бы ни говорили мизантропы, а хорошіе обычаи прививаются быстро.

Итальянецъ пріѣхалъ на другой день послѣ того, какъ Вольфъ перебрался на новую квартиру, а еще недѣлю спустя, ровно въ двѣнадцать безъ четверти, папа Фаликонъ ставилъ уже въ рядъ на цинковой стойкѣ три рюмки для пикона. Двѣ съ гренадиномъ — для русскихъ и одна съ лимономъ — для итальянца. Если кто-нибудь случайно запаздывалъ, хозяинъ не убиралъ лишней рюмки. Онъ твердо зналъ, что въ концѣ концовъ будутъ налицо всѣ трое.

Итальянецъ часто приходилъ первымъ, еще до срока. Былъ онъ маленькій и черный, какъ и полагается южанину, съ синевато бѣлыми крупными зубами и съ быстрыми обезьяньими ухватками. Входя, онъ всегда что-то напѣвалъ, но на полдорогѣ отъ двери до стойки рѣзко обрывалъ пѣніе, ловко плевалъ въ самый дальній уголъ и, высоко подбросивъ на ладони

толстое су, опускалъ его въ игорную машинку. Пока жужжалъ раскрашенный кружокъ и звякалъ выигранный жетонъ, подходилъ Метальниковъ, — бритый, вычищенный, въ блестящемъ воротничкѣ и сверкающихъ, хотя и подержанныхъ, башмакахъ.

Метальниковъ тоже вынималъ мѣдную монету и методически ставилъ на желтое.

Каждый выигранный жетонъ какъ разъ оплачивалъ стоимость рюмки пикона. Но къ приходу Вольфа, который, конечно, всегда запаздывалъ, этихъ жетоновъ набиралось или два, или пять, или даже восемь, — во всякомъ случаѣ, число, которое не дѣлилось на три. И Вольфу приходилось доигрывать.

— Вы слишкомъ опаздываете! — сердился иногда Моргано на своемъ итало-франко-русскомъ языкѣ. — Сегодня намъ опять придется пить по четыре пикона каждому. Это черезчуръ много!

— О, можно оставить до слѣдующаго раза! — любезно предлагалъ Фаликонъ.

— До слѣдующаго раза? У насъ въ школѣ было написано на видномъ мѣстѣ: «не откладывай до завтра того, что можешь сдѣлать сегодня».

И ловкимъ движенiемъ большого пальца Фаликонъ смахивалъ всю кучку жетоновъ въ денежный ящикъ.

Пробывъ у Фаликона съ полчаса—иногда немного дольше — всѣ трое шли обѣдать. Ихъ воззрѣнiя на пищу сходились, какъ многiя другiя воззрѣнiя. Нелѣпо тратить лишнiя деньги на ѣду. Лишь бы быть сытымъ. И они обѣдали въ скверномъ кабачкѣ, насквозь провонявшемъ прогорклымъ саломъ и кислыми томатами. Здѣсь совсѣмъ не полагалось скатертей, а салфетки мѣнялись разъ въ двѣ недѣли, но картофеля

и макаронъ давали достаточно. Вино тоже было сносное и недорогое: шестьдесятъ сантимовъ за литръ.

Метальниковъ ѣлъ молча и дѣловито, Вольфъ лѣниво ковырялъ вилкой въ облупленной тарелкѣ, а итальянецъ развлекался разговоромъ. Впрочемъ, разговоръ этотъ не мѣшалъ ему управляться съ ѣдой.

Изъ всѣхъ троихъ повременамъ былъ занятъ работой только итальянецъ. Метальниковъ терпѣливо ждалъ, когда ему, наконецъ, вышлютъ пароходный билетъ на проѣздъ въ Конго. Вольфъ никакъ не могъ найти стальныхъ перьевъ по своему вкусу и, поэтому, давно уже не писалъ ни одной строчки. Зато итальянецъ часто исчезалъ на день и на два, участвуя въ постановкахъ кинематографическихъ картинъ. Иногда онъ возвращался съ плохо смытыми слѣдами грубаго грима на лицѣ и за рюмкой пикона или за дессертомъ излагалъ очень ярко тѣ необыкновенныя событія, въ которыхъ онъ только-что участвовалъ. Онъ бывалъ контрабандистомъ, авіаторомъ, членомъ каморры, патеромъ, гвардейскимъ лейтенантомъ, придворнымъ Генриха Четвертаго, выѣзднымъ лакеемъ и наполеоновскимъ маршаломъ. И восхвалялъ кинематографъ, предсказывая скорую и окончательную гибель «настоящему» театру съ его картонными деревьями и полотнянымъ небомъ.

— Завтра меня будутъ гильотинировать, клянусь Мадонной! Самая настоящая гильотина, съ настоящимъ ножомъ и настоящей корзиной для отрубленной головы... Это очень расширяетъ жизнь, увѣряю васъ! А прошлый разъ мнѣ пришлось, спасаясь отъ таможенныхъ, лѣзть по самымъ настоящимъ скаламъ и я чуть не сломилъ себѣ шею. Развѣ возможно что-нибудь подобное въ вашемъ старомъ театрѣ изъ полотна и картона?

Однажды онъ явился къ Фаликону съ большимъ опозданіемъ—позднѣе забывчиваго Вольфа—и въ костюмѣ съ чужого плеча. Вся щека у него была заклеена кускомъ розоваго пластыря, а лѣвая рука лежала въ черной повязкѣ.

— Ого! — быстро сообразилъ Вольфъ. — Вы были нынче ночью въ полицейскомъ комиссаріатѣ? Не надо было сопротивляться! Они очень ловко умѣютъ бить.

Было наиграно уже восемь жетоновъ и Моргано, прежде всего, внесъ свою лепту до числа, дѣлящагося на девять. Ему не везло и онъ проставилъ мѣдными монетами больше двухъ франковъ, стараясь, во что бы то ни стало, догнать число жетоновъ до двѣнадцати.

— Сегодня мнѣ нужны четыре пикона, не меньше! Я усталъ.

И онъ разсказалъ, что сегодня, рано утромъ, ему пришлось изображать, вмѣстѣ съ двумя другими артистами, нѣмецкаго шпіона.

— Ходятъ слухи о войнѣ и мы обновляемъ репертуаръ. Теперь очень цѣнятся фильмы съ хорошими шпіонами.

По сценарію, они должны были подплыть въ моторномъ катерѣ къ непріятельскому порту и произвести взрывъ. Все это было устроено, конечно, на самомъ настоящемъ взморьѣ, и при помощи настоящаго динамита. По оплошности механика, мина взорвалась раньше, чѣмъ слѣдовало. Столбъ воды поднялся передъ самымъ носомъ катера чуть не до облаковъ; катеръ сейчасъ же затонулъ.

— Мы всѣ очень натурально плавали и звали на помощь, могу васъ увѣрить! Къ счастью, операторъ не растерялся и продолжалъ съемку со своей барки. Когда онъ кончилъ и подъѣхалъ, чтобы выловить насъ

изъ воды, двое уже пускали пузыри, но зато такая картина будетъ цѣниться дороже золота. Придется только слегка измѣнить сценарій.

Осколками разлетѣвшагося въ щепки борта итальянцу повредило руку и лицо,—но онъ нисколько не былъ этимъ огорченъ, потому что дирекція сейчасъ же выдала ему двѣсти франковъ сверхъ жалованья,—на леченье и въ награду за пережитое безпокойство.

Воздавъ должное Фаликону, трое пообѣдали въ своемъ обычномъ кабачкѣ. Двѣ стофранковыя бумажки причиняли итальянцу острое безпокойство и шевелились въ карманѣ, какъ живыя.

— Сегодня мы должны сдѣлать что-нибудь выдающееся!—заявилъ итальянецъ.

Но Метальниковъ возразилъ скептически:

— Это не такъ легко... Конечно, мы можемъ, напримѣръ, вмѣсто пива выпить шампанскаго или нанять авто и поѣхать ужинать въ Антибъ. Но все это нельзя еще назвать выдающимся!

— Заплатимъ всѣ долги и будемъ пить только минеральную воду!—предложилъ Вольфъ. Тутъ было, дѣйствительно, нѣчто выдающееся, но настолько несерьезное, что даже не подверглось обсужденію.

Моргано грустно вздохнулъ.

— Придется ѣхать въ Монте-Карло! Ничего не подѣлаешь.

Они лѣниво добрались до площади Массены, такъ же лѣниво забрались въ трамвай, рѣшивъ не пользоваться желѣзной дорогой, чтобы затратить на поѣздку какъ можно больше времени. Трамвайный вагонъ со скрипомъ и визжаньемъ повезъ ихъ мимо опустѣвшихъ загородныхъ виллъ, мимо садовъ и цвѣточныхъ плантацій, мимо влажныхъ береговыхъ скалъ и мимо при-

дорожныхъ кабачковъ. Въ вагонѣ ѣхало еще дюжины двѣ людей, тайно мечтавшихъ о большомъ выигрышѣ и потому съ преувеличеннымъ вниманіемъ любовавшихся видами. Вѣдь мечту объ удачѣ человѣкъ всегда старается спрятать какъ можно дальше отъ постороннихъ глазъ. Итальянецъ, повидимому, не былъ зараженъ этимъ предразсудкомъ. Онъ мечталъ вслухъ и такъ громко, что было слышно даже сквозь грохотъ и визгъ колесъ:

— Если мы выиграемъ, мы купимъ себѣ земельный участокъ и займемся садоводствомъ. У насъ будетъ хорошій погребъ и мы будемъ счастливы.

— Или поѣдемъ вмѣстѣ съ Метальниковымъ въ Конго и будемъ торговать неграми! — поддержалъ Вольфъ, закрывая глаза. — Это интереснѣе, чѣмъ сажать гвоздику. Можно также открыть хорошее кафэ. Я даже присмотрѣлъ мѣсто. Метальниковъ будетъ патрономъ: у него представительный видъ. А мы — гарсонами. И вѣдь это страшно выгодно: мы будемъ имѣть всѣ напитки по оптовой цѣнѣ...

Трамвай миновалъ резиденцію князя, — грозныя крѣпостныя стѣны, скрывшія за собой маленькій мирный городокъ съ бѣломраморнымъ морскимъ музеемъ, — обогнулъ игрушечный портъ съ ангарами для гидроплановъ и дремавшей на якорѣ княжеской яхтой. Пассажиры перестали любоваться видами, нахмурились и торопливо ощупывали свои бумажники. У дамъ уже начинали выступать на лицахъ красныя пятна, какъ раздутые угольки изъ-подъ слоя золы. И тутъ, наконецъ, трамвай подкатилъ къ блистательному храму золота.

«Храмъ золота»—такъ сказалъ сейчасъ итальянецъ и Метальниковъ негодующе сморщился.

— Какъ это вы можете употреблять такія тусклыя, избитыя слова?

— Что же дѣлать? У меня мало словъ — и очень много желанія произносить ихъ какъ можно больше!

Въ преддверіи храма, гдѣ выдаются билеты на право входа въ игорныя залы, итальянецъ едва не потерпѣлъ новой аваріи: администраторъ нашелъ его недостойнымъ входа въ святилище. Моргано совалъ ему подъ носъ свои бумаги, — отличныя бумаги, до военнаго диплома триполитанской войны включительно, — но администраторъ только морщился и толковалъ что-то неопредѣленное относительно подвязанной руки и розоваго пластыря.

— Бросьте, не надо! По крайней мѣрѣ, деньги останутся въ карманѣ! — совѣтовалъ Метальниковъ.

— Нѣтъ, извините...

Моргано — не изъ такихъ, чтобы отступать передъ первымъ встрѣчнымъ препятствіемъ. Наговорилъ администратору такихъ любезностей, что тотъ позеленѣлъ отъ злобы и, чтобы отвязаться, направилъ итальянца къ какому-то другому лицу, съ болѣе широкими полномочіями. И, хотя розовый пластырь къ этому времени уже наполовину отклеился, Моргано, все-таки, вышелъ побѣдителемъ.

Съ Вольфомъ дѣло обстояло хуже, — даже совсѣмъ безнадежно. Тотъ забылъ дома всѣ свои документы и тщетно хотѣлъ отдѣлаться старымъ конвертомъ отъ заказного письма.

Вольфъ, впрочемъ, очень быстро примирился со своей печальной участью.

— Ну, чортъ съ ними... Я васъ подожду въ паркѣ. Все равно, долго не заиграетесь! Хотя обидно, все-таки... Могли бы пропустить изъ одного только уваженія къ старымъ заслугамъ.

А у Метальникова, къ большому удивленію его спутниковъ, оказался сезонный билетъ.

— Откуда это?

— Такъ себѣ... Остатки прежняго. Когда то тоже поигралъ немного... Идемте!

Вольфъ, отвергнутый, остался дремать въ паркѣ, а двое проникли въ святилище. Лакей у входа вызывающе напомнилъ:

— Будьте любезны снять шляпы.

И покосился на итальянца съ крайней степенью презрѣнія, а Метальникову отвѣсилъ умѣренный поклонъ.

Золото, духота, пыль, вспотѣвшія, изступленныя лица, духота и золото. На крайнихъ отъ входа столахъ блестѣли, впрочемъ, и пятифранковики, какъ рыбья чешуя на лавочномъ прилавкѣ. Жужжала рулетка, неслышно шныряли въ толпѣ надзиратели, лакеи и сыщики. Двое потоптались немного въ проходахъ между столами, присматривались.

— Все то же самое! — дрогнулъ бритыми щеками Метальниковъ. — Скучно.

— Да, и скверно пахнетъ! — согласился итальянецъ.

И обоимъ захотѣлось въ паркъ, къ счастливому Вольфу. Но разъ уже пришли — нужно играть.

Миновали пятифранковые и подошли къ золотому. Здѣсь было больше зрителей, чѣмъ играющихъ, а играющіе сидѣли основательно, разставивъ локти. Дамы тѣмъ крѣпче сжимали свои сумочки, чѣмъ онѣ становились легче. Брызгали слюной, потѣли. Мужчины старались быть спокойными и красивыми. Почти всѣ записывали на особыхъ разграфленныхъ бумажкахъ вышедшія ставки.

Итальянецъ размѣнялъ свои банковые билеты на десятокъ золотыхъ кружочковъ, поровну подѣлился съ

Метальниковымъ. Тотъ сунулъ деньги въ карманъ и отошелъ къ другому столу.

— Пить нужно вмѣстѣ, а играть — отдѣльно.

Итальянецъ поставилъ по золотому на pair и на passe—и взялъ оба. Оставилъ на томъ же мѣстѣ ставки вмѣстѣ съ выигрышемъ, и потерялъ на passe, но на pair опять выигралъ. Изъ пяти золотыхъ получилось семь. Такъ медленно выигрывать было, дѣйствительно, скучно. Двинулъ сразу четыре монеты на manque, rouge, impair и на девятку. Это была у него счастливая цифра: девятка. Вышло: passe, noir, pair... Итальянецъ пережидалъ нѣсколько минутъ, чтобы колесо счастья повернулось въ другую сторону, и бросилъ на сукно оставшіеся золотые почти не глядя, куда они падаютъ.

— Zèro! — выкрикнулъ крупье. Моргано заложилъ руки въ карманы и пошелъ прочь отъ стола.

Долго не могъ въ тѣсной толпѣ найти Метальникова. Наконецъ, заглянулъ случайно въ одну изъ гостиныхъ, гдѣ на удобныхъ диванахъ вздыхали проигравшіеся несчастливцы, и разглядѣлъ тамъ широкую деревянную спину.

— Какъ дѣла? Я уже готовъ.

— И я готовъ.

Молча и слегка торжественно прослѣдовали черезъ пышный вестибюль и оба вздохнули полной грудью, когда выбрались на свѣжій воздухъ. Метальниковъ вынулъ почему то свой сезонный билетъ, изорвалъ его на мелкіе кусочки, хотя плотный картонъ съ трудомъ поддавался подъ пальцами, и бросилъ клочья въ канаву парка.

— Разсердились? — спросилъ итальянецъ.

— Нѣтъ. Просто—надоѣло. Все равно, никогда не буду здѣсь больше.

Вольфъ мирно спалъ, поджавъ длинныя ноги и склонивъ голову на плечо, а около него кружился ястребомъ монтекарлiецъ-полицейскiй, обезпокоенный такимъ нарушенiемъ хорошаго тона. Разбудили Вольфа и облегчили душу полицейскаго. Усѣлись втроемъ на одной скамейкѣ, смотрѣли, какъ снуетъ публика отъ казино къ кафэ и обратно. Все нарядные, сытые, хорошо вымытые и причесанные люди. И у всѣхъ, какъ у сутенеровъ въ «Зеленомъ Попугаѣ», есть что-то неуловимо общее, какая-то единая душа, разселившаяся во множествѣ разныхъ тѣлъ.

Вольфъ не разспрашивалъ своихъ новыхъ друзей о результатѣ игры, а прямо приступилъ къ дѣлу.

— Плохо, господа! Нужно поужинать и нужно выпить. Даже можно не ужинать, но выпить — необходимо. А денежный переводъ я получу только черезъ три дня, не раньше. Фаликонъ, конечно, дастъ въ долгъ, но не слѣдуетъ злоупотреблять Фаликономъ.

Итальянецъ почесалъ за ухомъ. Нужно было, пожалуй, оставить одного золотого пѣтушка про запасъ. Оправдывался сбивчиво и, кажется, начиналъ уже впадать въ раскаянiе, но въ это время Метальниковъ молча добылъ изъ кармана всѣ пять монетъ, которыя пришлись на его долю.

— Откуда? Неужели отыграли свое?

— Я и не игралъ совсѣмъ! Чтобы играть — нужны тысячи, да и то завлекаетъ только въ самомъ началѣ. Вотъ, Вольфъ знаетъ. А такъ — не стоитъ. Скучно!

Воспрянули духомъ, чуть не расцѣловали въ бритыя щеки. Но Метальниковъ былъ сдержанъ и сухъ, и вдругъ зачѣмъ-то разсказалъ дѣловито, хотя никто не просилъ его объ этомъ:

— Когда-то я получилъ большое наслѣдство и все

его отдалъ на дѣло, которое считалъ справедливымъ. Потомъ дѣло это рухнуло, и я вмѣстѣ съ нимъ,—и поселился здѣсь. Одно время было очень горько и обидно жить. Тогда какъ разъ подвернулся случайный остатокъ этого наслѣдства. Я началъ играть и игралъ, повидимому, удачнѣе, чѣмъ вы, Вольфъ. Былъ даже богатъ, очень богатъ. Потомъ и это кончилось и теперь только скучно. Просто скучно. Идемте же домой, господа... Пора ужинать!

Возвращались по желѣзной дорогѣ. И все время ужасно хотѣли быть веселыми, шутили и хохотали, и даже возмутили до злыхъ мутныхъ слезъ какую-то проигравшуюся барыню. Но всѣмъ было тоскливо и въ полутемномъ тускломъ вокзалѣ Вольфъ сказалъ растерянно, стряхивая пыль съ измятой шляпы:

— Чортъ насъ понесъ въ этотъ скверный притонъ... И вообще—неладно мы живемъ, господа! Неладно, вы понимаете?

VI.

Время выяснило, что хозяйка на новой квартирѣ у Вольфа—старушка рѣдкостная. Къ самому Вольфу она относилась съ трепетнымъ обожаніемъ, а шумнаго итальянца побаивалась. Когда постояльцы поднимались позднимъ утромъ, растрепанные, сонные и кислые отъ похмелья, она осторожно просовывала тоненькій носикъ въ комнату Вольфа и спрашивала такъ ласково, что невозможно было отказаться:

— Можетъ быть, вы хотите маленькій стаканчикъ рому съ горячей водой?

Богъ знаетъ, зачѣмъ она постоянно держала у себя этотъ ромъ. Сама она ничего не пила и даже, какъ

будто, ничего не ѣла,—или, во всякомъ случаѣ, питалась скромнѣе подпольной мыши. И ромъ-то былъ, понятно, скверный, и Вольфъ ненавидѣлъ этотъ напитокъ всѣми силами души, но, все-таки, никакъ не могъ отказаться.

Итальянецъ хозяйку презиралъ.

— Глупая женщина. Хозяйка должна высасывать кровь. А она—глупая! Не люблю такихъ.

А ромъ пилъ съ удовольствіемъ. Просыпаясь, кричалъ пѣтухомъ и пѣлъ арію изъ «Паяцевъ», чтобы прочистить горло. Старушка пугалась, роняла на полъ все, что держала въ рукахъ, и потихоньку молилась.

Бывали дни, слишкомъ душные и пыльные, когда совсѣмъ не хотѣлось выходить на улицу. Кое-какъ добредали до Фаликона, гдѣ поджидалъ Метальниковъ, и едва одолѣвали по два пикона. Фаликонъ отъ жары ссорился съ женой или предсказывалъ самую каторжную карьеру младшему брату. Даже игорная машинка дѣйствовала неохотно и ее приходилось колотить кулакомъ по верхушкѣ, потому-что иначе монеты не проскакивали въ щели.

— Обѣдать? — ворчалъ Вольфъ. — Какой дуракъ обѣдаетъ въ такую жару? Я хочу домой!

Чтобы не разстраивать компаніи, всѣ шли вслѣдъ за Вольфомъ. Метальниковъ никогда не приглашалъ къ себѣ, — и никто не зналъ даже, гдѣ онъ живетъ. Это былъ, просто, его капризъ или, можетъ быть, старая привычка къ конспираціи.

Располагались у итальянца, такъ какъ его комната была побольше. Моргано и Вольфъ ложились на узкую желѣзную кровать, которая жалобно кряхтѣла подъ двойной тяжестью, а третій располагался отчасти на кушеткѣ, а отчасти на столѣ. Такъ они лежали и пре-

давались сладкому бездѣйствію. Когда хотѣлось пить, кто-нибудь высовывался изъ окна и требовалъ изъ лавочки, помѣщавшейся въ нижнемъ этажѣ, холоднаго пива.

— Это возмутительно!—сказалъ однажды Вольфъ, стряхивая съ бородки пивную пѣну. — Я нахожу, что мы утратили всѣ человѣческія чувства, — и даже простую любовь къ ближнему. Марія-Роза, вѣроятно, тоже хочетъ пить, а вѣдь мы не обѣднѣемъ отъ одного лишняго стакана.

— Она не придетъ!

— Попробуемъ! Я лично думаю, что она уже достаточно приручилась... А покровитель былъ у нея вчера вечеромъ и, стало быть, сегодня она свободна.

Отправился въ третью комнату, велъ тамъ тихіе, но убѣдительные переговоры и вернулся вмѣстѣ съ Маріей-Розой. Сосѣдка заявила, густо краснѣя и запахивая полы тоненькаго халатика:

— Я очень извиняюсь, господа... Но сегодня жарко. И я совсѣмъ не одѣта!

Кромѣ этого халатика, притомъ же не совсѣмъ свѣжаго, на ней, дѣйствительно, ровно ничего не было. Но сама Марія-Роза была еще молода и недурна собой,—и трое заявили единогласно, что не имѣютъ ничего противъ ея туалета.

— Стаканчикъ пива, сударыня... Это освѣжаетъ! И позвольте придвинуть вамъ вотъ это кресло... Оно самое удобное, хотя двѣ пружины испорчены.

Марія-Роза выпила пива, — одинъ стаканчикъ, потомъ другой. Оживилась, и глазки у нея заблестѣли. Сказала, покачивая ногой, — такъ, слегка, чтобы полы халатика не слишкомъ развѣвались:

— Вы очень странные люди, господа! Вы поздно

встаете и ничего не дѣлаете. Особенно вотъ вы, съ бородкой! Почему вы даже не обрѣетесь?

— А зачѣмъ же намъ работать, дорогая Марія-Роза? У насъ нѣтъ ни женъ, ни дѣтей, ни даже порядочныхъ любовницъ. Милосердный Богъ о насъ заботится и мы имѣемъ не только пищу, но даже и холодное пиво. Кромѣ того, вы просто ошибаетесь, — и особенно по отношенію къ синьору Моргано.

— Ахъ, господинъ Моргано... Я знаю! Мнѣ очень жаль, что патронъ не позволяетъ мнѣ ходить въ синема. Я знаю, что господинъ Моргано иногда работаетъ. Но вотъ вы сами... и вашъ товарищъ...

— Я ѣду въ Конго добывать каучукъ. А мой товарищъ пишетъ стихи и драмы. Мы смертельно хотѣли бы ничего не дѣлать, но это намъ никакъ не удается.

Марія-Роза съ сокрушеніемъ покачала головой.

— Это очень дурно. Вы — такіе молодые и сильные. Мой патронъ—уже пожилой человѣкъ, но онъ работаетъ съ утра до ночи. Онъ называетъ это: дѣлать счастье.

Говорила о своемъ покровителѣ, какъ будто служила приказчицей въ его конторѣ,—и это тронуло Вольфа.

— Вашъ патронъ — негодяй! Онъ держитъ васъ въ черномъ тѣлѣ.

— Не говорите такъ... Все-таки это — обезпеченное положеніе, а совсѣмъ не то, что каждый вечеръ ходить по улицамъ. Онъ даетъ мнѣ готовую квартиру, два франка въ день на ѣду и по золотому въ мѣсяцъ на булавки... Нѣтъ, я очень довольна патрономъ!

— Мать моя! — вскочилъ съ постели итальянецъ. — Даже я могъ бы предложить лучшія условія... Готовая квартира, три франка въ день, не считая вина — и

17

пара золотыхъ? Кромѣ того, я закажу вамъ новый пеньюаръ спеціально для жаркой погоды, весь изъ однихъ дырочекъ... Идетъ?

— У васъ слишкомъ не солидное положеніе, господинъ Моргано. А съ патрономъ я могу быть спокойна, по крайней мѣрѣ, еще года на два.. Онъ обѣщалъ даже современемъ выдать меня замужъ и сдѣлать приданое. Конечно, два золотыхъ вмѣсто одного—большой разсчетъ, но все-таки...

— О-о!—Моргано окончательно вышелъ изъ себя и сдѣлалъ страшные глаза, которыхъ такъ пугалась хозяйка.—Есть ли на свѣтѣ что-нибудь гнуснѣе женщинъ? Оставайтесь при вашемъ патронѣ, Марія-Роза! Бутылка хорошаго вина все-таки лучше самаго сладкаго поцѣлуя... Видите ли, я ихъ когда-то уже пробовалъ, эти поцѣлуи...

— Вы были влюблены и она васъ обманула?—съ большимъ интересомъ спросила Марія-Роза. Даже забыла запахнуть свой халатикъ.

— Конечно, я былъ влюбленъ! Но закройтесь, пожалуйста,—иначе я невольно похищаю часть собственности вашего патрона... И она обманула, вы говорите? Нѣтъ, Марія-Роза, женщины никогда не обманываютъ. Обманываются сами мужчины.

— Можетъ быть, вы недостаточно давали ей на булавки?

— На булавки? Посмотрите на нее хорошенько, господа! Вы можете посмотрѣть, потому что сейчасъ ея туалетъ въ полномъ порядкѣ... Вамъ не страшно, когда вы на нее смотрите? Вамъ должно быть страшно, потому что она говоритъ правду до послѣдней буквы... Всѣ онѣ такъ или иначе ждутъ отъ насъ этихъ булавокъ,—а потомъ всаживаютъ ихъ въ наше собствен-

ное тѣло, по одной, по одной, понемножку! И въ сравненіи съ другими вы — святая, Марія-Роза; потому что вы грѣшите въ невинности... Развѣ женщины когда-нибудь отдаютъ намъ беззавѣтно свою любовь? Мы глотаемъ пыль изъ-подъ ихъ пятокъ, а онѣ снисходительно улыбаются и высматриваютъ, — нѣтъ ли кого-нибудь, кто далъ бы больше! Вы — святая, Марія-Роза, и вашъ глупый патронъ не подозрѣваетъ, какимъ сокровищемъ онъ владѣетъ. Вы одна изъ всѣхъ безбоязненно обнажаете женскую душу.

Марія-Роза поняла очень немногое изъ этой рѣчи, а то, что она поняла, показалось ей обиднымъ. Чинно оправилась и поджала губы. Вольфъ отвернулся къ стѣнѣ, щипалъ бородку. Одинъ только Метальниковъ сидѣлъ невозмутимо, положивъ ноги на столъ, и блаженно улыбался.

— Я обращаюсь къ вашему свидѣтельству, Вольфъ! — настаивалъ на своемъ итальянецъ. — Ваша первая молодость тоже уже прошла... И, конечно, вы имѣете достаточно опыта...

— У меня нѣтъ никакого опыта! — коротко оборвалъ Вольфъ. — Лучше пейте пиво и говорите о сегодняшней погодѣ.

Обиженной Маріи-Розѣ все-таки не хотѣлось уходить. Она только что дочитала уголовный романъ и у себя въ комнатѣ ей было совершенно нечего дѣлать. А эти господа, правда, иногда говорятъ разныя глупости, но въ общемъ — очень милые люди и не позволяютъ себѣ ничего лишняго.

Послѣ долгаго молчанія Вольфъ заговорилъ первый, исполняя въ точности свой собственный совѣтъ:

— Дуетъ сирокко. Я чувствую, что дуетъ сирокко. Онъ дѣйствуетъ на нервы.

— Это правда! — согласился Метальниковъ. — Въ такія минуты мнѣ хочется начать трезвую жизнь.

— Вчера вечеромъ мой патронъ тоже былъ ужасно сердитъ!—сообщила Марія-Роза.

— Сердитъ? Это только потому, что онъ—грязная каналья! Вчера былъ отличный вечеръ.

— О, конечно, не отъ погоды... Онъ жаловался, что за послѣднее время его комиссіонныя дѣла идутъ ужасно плохо. Вы вѣдь знаете, у него есть контора, которая продаетъ виллы и разное такое... И вотъ, онъ говоритъ, что теперь всѣ продаютъ, но никто не хочетъ покупать. А когда никто не покупаетъ, онъ не можетъ получить процента.

— Берегитесь, Марія-Роза! Онъ просто хочетъ сбавить вамъ съ булавокъ.

— Ахъ, нѣтъ... Онъ вѣдь очень честный и почтенный человѣкъ. Онъ говоритъ, что это по случаю войны!

Собиравшійся задремать Метальниковъ широко открылъ глаза.

— Глупости... Мы, правда, не читаемъ газетъ, но никакой войны нѣтъ и не будетъ.

— Патронъ — коммерческій человѣкъ, а коммерческіе люди все знаютъ заранѣе! Иначе они не могли бы удачно устраивать дѣла.

Итальянецъ заворчалъ, укладываясь рядомъ съ Вольфомъ:

— Я видѣлъ сегодня какія-то телеграммы, когда проходилъ мимо редакціи. И патронъ отчасти правъ, потому что тамъ говорится уже о какомъ-то ультиматумѣ. Но, конечно, никакой войны не будетъ... Нѣмцы просто хотятъ кое-что заработать на всемъ этомъ, вы понимаете?

И вопросъ оказался исчерпаннымъ,—тѣмъ болѣе, что все пиво было уже выпито.

VII.

Надоѣдливая лѣтняя пыль мѣшаетъ дышать, проникаетъ въ самыя незамѣтныя щели, превращаетъ зеленые листья въ сухую сѣрую жесть. И даже золотыя буквы на вывѣскѣ Фаликона блестятъ не такъ ярко, какъ зимой, хотя каждую субботу младшій братъ хозяина выноситъ изъ кафэ складную лѣстницу и протираетъ всю вывѣску мокрой тряпкой. Зато спросъ на прохладительные напитки все возрастаетъ,— не только благодаря жарѣ, но еще и по случаю какого-то особаго тревожнаго настроенія, которое чувствуется въ пыльномъ воздухѣ.

У людей, даже очень мало знакомыхъ другъ съ другомъ, явилась неодолимая потребность дѣлиться мыслями и толковать между собой о внѣшней политикѣ.

Внѣшняя политика—очень благодарная тема. Когда въ прежнія, спокойныя времена посѣтители кафэ заводили споры по поводу налоговъ, роялистовъ, трехлѣтняго срока или рабочаго вопроса—папа Фаликонъ хмурился и упорно уклонялся отъ всякаго участія въ обсужденіи этихъ опасныхъ темъ. На десять кліентовъ приходятся въ среднемъ два роялиста, три клерикала, столько же соціалистовъ, одинъ легкомысленный полу-анархистъ и еще одинъ—дикій. Всѣ они, за исключеніемъ послѣдняго, дорожатъ собственнымъ мнѣніемъ и презираютъ противниковъ. Отдать кому-нибудь изъ десяти явное предпочтеніе—это значитъ, такъ или иначе, лишиться значительной части выгодной кліентуры. Нѣтъ, Фаликонъ терпѣть не могъ внутреннихъ осложненій. Разумѣется, его собственныя

симпатіи цѣликомъ были направлены въ сторону порядка и церкви, — недаромъ же его дочь обучалась въ католическомъ пансіонѣ, — но въ этомъ окраинномъ кварталѣ противная партія имѣла, все-таки, значительный перевѣсъ.

Нѣтъ ужъ, лучше было держать языкъ за зубами. И потомъ, всѣ эти роялисты и соціалисты — они горячатся такъ, что забываютъ о своихъ стаканахъ. А стойка съ напитками — не митинговая трибуна. Большія кафэ, съ тысячами посѣтителей, могутъ, пожалуй, даже укрѣпить надъ своими стойками какой-нибудь партійный плакатъ. Но для маленькаго Фаликона это — излишняя роскошь.

Гораздо лучше внѣшняя политика, особенно если ставится ребромъ вопросъ о войнѣ. Во-первыхъ, приходится то и дѣло провозглашать тосты: за армію, за союзниковъ, за грядущія побѣды. А самое главное — изъ-за внѣшней политики посѣтители могутъ ссориться безъ всякаго убытка для хозяина. Споръ-то вѣдь идетъ только изъ-за деталей, а въ основномъ всѣ сходятся — и это основное папа Фаликонъ умѣетъ резюмировать. Онъ сказалъ, еще когда пошли только первые слухи:

— Во всякомъ случаѣ, мы не желаемъ воевать! Война вредитъ торговлѣ, промышленности и сезону. Но если насъ заставятъ... Они убѣдятся, что мечъ Франціи еще не заржавѣлъ!

И съ этимъ основнымъ положеніемъ всѣ были согласны: вольнодумцы и клерикалы, роялисты и соціалисты. Нѣкоторыя горячія головы, правда, забѣгали впередъ и безъ обиняковъ толковали о реваншѣ, но хозяинъ благоразумно совѣтовалъ:

— Съ этимъ нужно еще обождать, господа! Вѣдь ждали же мы сорокъ четыре года. Подождемъ и еще

немного. Если возможно обойтись совсѣмъ безъ войны, то это тоже большое счастье для Франціи.

Клерикалы и соціалисты дружно кивали головами и говорили:

— Да, да! Съ этимъ можно еще обождать.

Многіе благоразумные граждане, забѣгавшіе въ кафэ на минутку, чтобы принять аперитивъ передъ ѣдой, теперь запаздывали къ обѣду на добрыхъ четверть часа. И когда жены встрѣчали ихъ не особенно любезно, граждане сразу принимали повышенный тонъ:

— Конечно, ты ничего не видишь дальше своей кухни! Отъ меня пахнетъ абсентомъ? Скажите пожалуйста... Что же, ты хочешь, чтобы я передъ супомъ наполнялъ свой желудокъ нѣмецкимъ пивомъ?

Три постоянныхъ посѣтителя — двое русскихъ и одинъ итальянецъ — пользовались теперь въ кафэ исключительнымъ вниманіемъ и хозяинъ готовъ былъ открыть имъ самый неограниченный кредитъ. Но трое предпочитали пить за наличныя и прибѣгали къ кредиту только въ случаяхъ крайней необходимости. Если дѣла были плохи, они меньше вертѣли игорную машинку, — вотъ и все.

— Въ случаѣ войны вы, конечно, подлежите призыву въ войска? — справился у Вольфа Фаликонъ. И былъ очень пораженъ, когда узналъ, что у себя на родинѣ Вольфъ числится резервистомъ самаго послѣдняго разряда.

— У насъ много людей и мы можемъ спокойно встрѣтить любого врага... Но напрасно вы такъ волнуетесь, господинъ Фаликонъ! Я увѣренъ, что никакой войны не будетъ... Европейская война при современныхъ условіяхъ боя, — да вы понимаете, что это такое значитъ?

И, кое-какъ справляясь съ непослушнымъ языкомъ, онъ рисовалъ картины всеобщей бойни, кровавыя и полныя ужаса, а вокругъ мирно звенѣли трамваи, хлопали извозчичьи бичи и матери катали своихъ дѣтей въ высокихъ рессорныхъ колясочкахъ.

Фаликонъ, вмѣстѣ съ другими слушателями, поддавался не столько убѣжденіямъ Вольфа, сколько этой привычной картинѣ ненарушимаго мира — и на нѣкоторое время проникался оптимизмомъ.

Итальянецъ чувствовалъ себя не совсѣмъ удобно. Вѣдь его правительство, все-таки, числилось въ союзѣ съ врагами, — и пока еще совершенно неизвѣстно было, въ какую сторону повернется дѣло. Жена Фаликона безпокоилась за свою дѣвочку. Ея пансіонъ — въ Бордигерѣ, у самой границы. Если Италія тоже начнетъ враждебныя дѣйствія... У матери даже въ глазахъ темнѣло отъ страха.

Моргано хмуро молчалъ и кусалъ себѣ губы. И его мрачное настроеніе раздѣлялъ Метальниковъ. Они оба проводили дни, какъ прежде, а пили даже больше и съ какой-то обостренной жаждой, но даже разсѣянный Вольфъ скоро замѣтилъ, что съ его постоянными спутниками не все обстоитъ благополучно. Къ концу дня, послѣ доброй порціи вина и ликеровъ, Метальниковъ становился золъ и раздражителенъ, щеки у него багровѣли, а глаза смотрѣли тускло и неподвижно. И его широкая, упрямая спина окончательно теряла всякую способность сгибаться. А итальянецъ начиналъ придираться къ ни въ чемъ неповинной посторонней публикѣ и неистово ругался.

Въ пятницу вечеромъ трое сошлись подъ парусиновымъ тентомъ «Ротонды». Итальянецъ днемъ былъ на работѣ. Если даже и начнется война, то, все же,

публика не останется безъ кинематографовъ. И вмѣстѣ съ подлинными героями будутъ умирать въ темномъ залѣ ихъ сѣрыя тѣни.

— Сегодня на мою долю пришлась поѣздка на авто! Семьдесятъ километровъ въ часъ — и по неважной дорогѣ. У меня до сихъ поръ еще шумитъ въ головѣ. Какъ вы думаете, Вольфъ, чѣмъ можно быстрѣе успокоить головную боль: вермутомъ съ виски или стаканчикомъ портвейна?

— Коньякъ, дорогой мой! Только одинъ коньякъ помогаетъ отъ всѣхъ болѣзней.

Метальниковъ вытащилъ изъ бокового кармана пакетъ, весь залѣпленный иностранными марками.

— Угадайте, что это такое?

— Завѣщаніе американскаго дядюшки?

— Смотрите!

Вытряхнулъ на столикъ содержимое пакета. Итальянецъ съ Вольфомъ разсматривали, недоумѣвая. Прежде всего — планъ океанскаго парохода съ помѣченной краснымъ крестикомъ каютой. Потомъ — цѣлая коллекція ярлыковъ для багажа, большихъ и маленькихъ. И наконецъ — билетъ, солидный билетъ на проѣздъ изъ Генуи прямо въ Африку.

Двое съ нѣкоторымъ почтеніемъ посмотрѣли на третьяго. Конечно, было уже давно извѣстно, что Метальниковъ собирается въ Конго, но все-таки этотъ фактъ вызывалъ нѣкоторыя сомнѣнія.

— Мать моя! — по бабьи всплеснулъ руками итальянецъ. — Такъ вѣдь это же по крайней мѣрѣ полдюжины шампанскаго!

Однако, послѣ основательной повѣрки общей наличности, пришлось ограничиться простенькимъ барзакомъ. Въ высокихъ прозрачныхъ рюмкахъ вино отли-

вало зеленоватыми тѣнями и, все-таки, сообщало обстановкѣ нѣкоторую торжественность.

— Я очень недоволенъ! — грустно сказалъ итальянецъ, поглаживая пальцами хрупкій стеклянный стебелекъ рюмки. — Всю жизнь я съ большимъ трудомъ нахожу друзей — и слишкомъ легко ихъ теряю. И я долженъ сказать еще, что вы вносили въ нашу компанію что-то солидное. У васъ такой выдержанный видъ, настоящій англійскій. Я очень уважаю также и моего друга Вольфа, но мнѣ кажется, что онъ скоро сопьется. И тогда я опять останусь совсѣмъ одинъ. Право же, я очень недоволенъ!

— До отхода парохода остается еще цѣлыхъ шестнадцать дней! — отозвался Вольфъ, изучившій билетъ во всѣхъ подробностяхъ. — И эти шестнадцать дней мы проведемъ достойнымъ образомъ. Простите меня, синьоръ Моргано, но вселенная ровно ничего не потеряетъ, если я, дѣйствительно, сопьюсь. Но если бы вы только знали, какъ мнѣ хочется самому уѣхать въ это Конго. Я даже согласенъ привыкнуть къ запаху новыхъ калошъ...

Метальниковъ быстро спряталъ билетъ обратно въ толстый конвертъ.

— Ну, нѣтъ! Никто не уступаетъ своей послѣдней ставки. Лучше вернитесь домой, Вольфъ... Вы слишкомъ зажились здѣсь, за границей! И вѣдь вы можете вернуться, когда только захотите, во всякое время... Лишь бы хватило денегъ на дорогу... А я... Нѣтъ, я не уступлю вамъ своего билета!

И Вольфъ поторопился перевести разговоръ на другую тему: почувствовалъ, что нечаянно задѣлъ за больное мѣсто. Съ ними нужно вести себя очень осторожно, — съ этими солидными, скрытными людьми.

Никогда не знаешь заранѣе, когда сдѣлаешь имъ больно.

Барзаку хватило ненадолго, — но и вечеръ уже кончался. Послѣ автомобильной гонки итальянецъ чувствовалъ себя утомленнымъ, — и трое поднялись изъ-за стола раньше обычнаго времени.

Разставаясь на перекресткѣ, Метальниковъ объявилъ торжественно:

— Ровно черезъ двѣ недѣли, господа, приглашаю васъ на прощальный ужинъ. Предоставляю вамъ самимъ выбрать помѣщеніе.

— Помѣщеніе? Конечно, у насъ дома, чортъ возьми! Это всего дешевле и удобнѣе. Старушка дастъ намъ стаканы и необходимую посуду. Можно заказать паштетъ, жареную пулярду — и побольше всевозможныхъ жидкостей.

— А въ качествѣ дамы мы пригласимъ Марію-Розу! — поддержалъ итальянецъ.

Метальниковъ отправился домой, въ сторону рабочаго предмѣстья. Миновалъ Фаликонъ. Тамъ все уже спало и надъ уличнымъ фонаремъ тускло поблескивала запылившаяся за недѣлю вывѣска.

Съ широкаго шоссе свернулъ налѣво, поднялся въ гору по недавно проложенному переулку, еще изрытому ямами и засоренному известью и щебнемъ. Здѣсь вмѣсто огромныхъ каменныхъ ящиковъ — доходныхъ домовъ — попадались все чаще маленькіе особнячки, — бѣлыя и желтыя коробочки съ жидкими молодыми садиками передъ фасадомъ. Садики огорожены тоненькими желѣзными рѣшетками и все вмѣстѣ, въ ночной темнотѣ, слегка напоминаетъ кладбище.

У одной изъ желтенькихъ коробочекъ Метальниковъ остановился, открылъ калитку. Въ кустахъ что-то

зашуршало и на песчаную дорожку выпрыгнула мягкимъ комкомъ большая рыжая кошка. Пошла навстрѣчу, привѣтливо мяукая, потерлась у ногъ. Потомъ подняла хвостъ трубой и мелкой дробной рысцой побѣжала впередъ.

Въ желтой коробочкѣ всего двѣ комнаты и кухня. Хозяинъ — рѣзчикъ по дереву. Это благородное ремесло за послѣдніе годы сильно упало и одну комнату приходится сдавать внаймы.

Комната — ничего себѣ, самая обыкновенная. Когда Метальниковъ зажегъ свѣчу — освѣтились гладкія бѣлыя стѣны, испещренныя темными пятнами гравюръ и открытокъ. На подоконникѣ — банка изъ-подъ варенья, а въ банкѣ — цвѣты. Жесткая кровать аккуратно прикрыта потертымъ сѣрымъ одѣяломъ. Кошка прыгнула на кровать и занялась туалетомъ, вопросительно поглядывая на высокаго бритаго человѣка. Удивительно, почему онъ не ложится. Уже поздно. И когда свернешься клубочкомъ у него въ ногахъ — очень тепло и удобно.

Но бритому человѣку, должно быть, не хотѣлось еще спать. Онъ присѣлъ у стола, подперъ голову руками, задумался. Вино, повидимому, было слишкомъ легкое: мысли шли быстро и ярко, не уклоняясь отъ прямого пути. Свѣча разгорѣлась сильнѣе, на открыткахъ и гравюрахъ можно было теперь разобрать рисунокъ. Если бы заглянулъ сюда Вольфъ, онъ, навѣрное, былъ бы очень удивленъ и выборомъ сюжетовъ, и русскими подписями. Спросилъ бы, пожалуй, широко открывая выпуклые глаза:

— Что такое? Лѣтній вечеръ въ усадьбѣ? И виды Кремля? И даже тройка! Зачѣмъ вамъ все это понадобилось, скажите пожалуйста?

Но вѣдь Вольфъ-то здѣсь еще не былъ, — и даже не могъ притти, потому что не зналъ адреса.

Кошка громко замурлыкала, чтобы напомнить о своемъ присутствіи. Добрыхъ четверть часа урчала и поскрипывала, какъ испорченные часы, но, наконецъ, потеряла терпѣніе и прыгнула съ кровати на столъ, описавъ въ воздухѣ красивую широкую дугу. Пламя свѣчи метнулось и заколебалось, — и неожиданно отразилось на красномъ бритомъ лицѣ двумя блестящими искорками.

Этого рыжая кошка совсѣмъ уже не могла понять Метальниковъ плакалъ.

VIII.

Рано утромъ въ субботу младшій братъ Фаликона навелъ лоскъ на вывѣску, побрызгалъ водою каменный полъ кафэ и приготовилъ на стойкѣ батарею стакановъ и рюмокъ. Самъ хозяинъ до полудня отлучился по дѣламъ. Нужно было кое-чѣмъ пополнить запасъ напитковъ: важное занятіе, которое папа Фаликонъ не рѣшался никому довѣрить.

Жена хозяина не выспалась и вяло отпускала раннимъ посѣтителямъ пакетики капораля. Ее все больше одолѣвали разныя заботы и, конечно, она не меньше любого дипломата чувствовала себя заинтересованной въ грядущихъ событіяхъ.

— Полноте! — легкомысленно утѣшалъ Мишель. — Если что-нибудь случится — вотъ посмотрите, какъ мы ловко прижмемъ имъ хвостъ.

Конечно, ему легко было такъ говорить, не имѣя ни кола, ни двора, и чувствуя всего двадцать четыре года за плечами. И жена хозяина отвѣтила сердито:

— Ты, кажется, только и ждешь, чтобы хорошенько подраться?

— Драка — хорошая вещь! Она развиваетъ соображеніе и укрѣпляетъ мускулы. И напрасно вы думаете, что дѣла вашего кабачка пойдутъ хуже во время войны. Солдаты — самые лучшіе потребители табаку и выпивки. Я могу вамъ ручаться за это головой. Вѣдь я самъ чуть-чуть не сдѣлался сержантомъ, сударыня! Если бы только не маленькая исторія съ нашимъ лейтенантомъ...

— Хорошъ сержантъ, который за всю свою службу только и зналъ, что сидѣлъ подъ арестомъ! Лучше бы ты помогъ мнѣ открыть новый ящикъ табаку, чѣмъ говорить всѣ эти глупости... Я все-таки надѣюсь, что люди еще не совсѣмъ обезумѣли.

— Ахъ, сударыня! — вздохнулъ кліентъ, церковный сторожъ, наполняя свою табакерку нюхательнымъ табакомъ. — Если смотрѣть съ точки зрѣнія церкви, то міръ, дѣйствительно, обезумѣлъ. Но мы должны быть тверды и встрѣтить несчастіе, какъ подобаетъ настоящимъ французамъ.

У сторожа одна нога была на четверть короче другой, — и его мужеству, можетъ быть, способствовало сознаніе, что онъ-то самъ, во всякомъ случаѣ, останется дома. Жена хозяина ничуть не утѣшилась, и вернувшійся къ обѣду папа Фаликонъ только прибавилъ новыхъ волненій.

— Совсѣмъ плохо обстоитъ дѣло съ кредитомъ! И еще ходятъ слухи, что спиртъ въ оптовой цѣнѣ подорожаетъ на двадцать процентовъ. Это сильно отразится на всѣхъ напиткахъ, а вѣдь ты знаешь нашу публику! Если накинуть одно су на консомацію, такъ они совсѣмъ перестанутъ сюда ходить. Ужъ пусть бы

вопросъ о войнѣ поскорѣе разрѣшился такъ или иначе. Я вздохнулъ бы спокойнѣе.

Въ это время пришелъ Метальниковъ и Фаликонъ постарался согнать со своего лица мрачныя тѣни.

— Добраго утра! Два съ гренадиномъ и одинъ съ лимономъ? Сію минуту... Что новаго слышно въ вашихъ кругахъ? Можетъ быть, вы имѣете какія-нибудь новыя свѣдѣнія?

— Новыя свѣдѣнія? Дѣло въ томъ, что я окончательно уѣзжаю въ Конго. Билетъ уже полученъ.

И Метальниковъ похлопалъ ладонью по тому карману, гдѣ лежали багажные ярлычки вмѣстѣ съ билетомъ.

— Вотъ какъ? Еще разъ желаю вамъ удачнаго путешествія... Однако же, у васъ сегодня очень утомленный видъ. Много хлопотъ передъ отъѣздомъ, не правда ли?

— Очень много! — согласился Метальниковъ. Онъ и въ самомъ дѣлѣ былъ озабоченъ вопросомъ, какъ помѣстить всю коллекцію ярлыковъ на одномъ единственномъ чемоданѣ. Даже подѣлился этой задачей съ Вольфомъ, когда тотъ занялъ свое мѣсто у стойки, но Вольфъ отнесся къ вопросу съ полнымъ равнодушіемъ. Потомъ рванулъ бородку и спросилъ озабоченно:

— Вы не видѣли сегодня итальянца? Поднялся чуть свѣтъ и куда-то исчезъ. А вчера говорилъ, что свободенъ до будущей недѣли... Надѣлъ новый галстукъ и даже бралъ у меня сапожную щетку... Что бы это такое значило, какъ вы думаете? И вообще, суета пошла какая-то...

— А вы не любите суеты?

— Какъ вамъ сказать... Во всякой суетѣ надо при-

нимать самому непосредственное участіе... А смотрѣть на нее со стороны—только обидно и безпокойно.

Папѣ Фаликону не нравится, когда его вѣрные кліенты говорятъ между собою по-русски, потому что это лишаетъ его возможности вставлять свои здравомысленныя сентенціи. И послѣ прогулки въ городъ у него разыгрался аппетитъ, — уже пора обѣдать, — а третья рюмка пикона, съ лимономъ, до сихъ поръ стоитъ нетронутая и напрасно выдыхается. Фаликонъ беретъ рюмку и разсматриваетъ ее на свѣтъ. Со дна лѣниво поднимаются послѣдніе газовые пузырьки.

— Съ вашего позволенія... За ваше здоровье, господа!

Жена недовольна.

— Не хватало еще, чтобы ты спился! И такъ уже со всѣхъ сторонъ однѣ только непріятности.

— Боже мой! Неужели я не могу выпить глотокъ другой съ добрыми друзьями?

Почтальонъ, который только что разнесъ утреннюю почту и теперь тоже утвердился у стойки, сочувственно киваетъ головой. Жена не сдается.

— Я знаю, что говорю! Если онъ выпьетъ немножко утромъ, такъ до самаго вечера уже никуда не годится. И тогда вся работа лежитъ на мнѣ одной.

— Ну, ну! Когда это я заставлялъ тебя непосильно работать?

— А посмотри на мои ноги, какъ онѣ опухли! Или я, по твоему, цѣлые дни лежу на перинѣ?

Атмосфера сгущается, и это хорошо чувствуютъ постоянные кліенты. Имъ становится жаль добраго стараго времени, когда повсюду царствовали миръ и спокойствіе. Ужъ въ самомъ дѣлѣ: лучше бы все это поскорѣе кончилось такъ или иначе.

Итальянецъ не пришелъ, и нѣтъ никакого смысла ждать его дольше. Метальниковъ и Вольфъ по давно надоѣвшей дорогѣ побрели обѣдать.

Улицы пусты: сейчасъ самое мертвое время. Въ каждой квартирѣ идетъ паръ изъ миски съ супомъ и это всеобщее насыщеніе похоже на какой-то величественный и таинственный обрядъ. Могутъ гдѣ-нибудь падать и возникать государства, можетъ шумно перевертываться новая великая страница человѣческой исторіи. Все равно, миска съ супомъ должна появиться на своемъ мѣстѣ въ узаконенное время.

Даже у газетной редакціи, передъ длинными таблицами новыхъ телеграммъ,—совсѣмъ маленькая кучка читателей. Между тѣмъ, содержаніе телеграммъ таково, что легко могло бы испортить самый хорошій аппетитъ.

Для великой сѣверной страны, такой далекой и теперь такой милой, жребій уже выпалъ. Невозможное становится истиной, безумный бредъ — трезвой и жестокой правдой.

— Что же будетъ дальше?

Метальниковъ пожалъ плечами.

— Вѣдь вы знаете, что я ѣду въ Конго! Война вызоветъ усиленный спросъ на каучукъ.

— Провалиться бы ему, этому вашему каучуку... Что вы меня водите за носъ, Метальниковъ? Дѣлайте какое угодно каменное лицо,—все равно, я знаю, что для васъ этотъ вопросъ рѣшается совсѣмъ не такъ просто... И вообще—положительно, я начинаю злиться! Скажите пожалуйста, они обѣдаютъ! Ихъ исконный врагъ добрался до послѣдней ступени наглости—а они обѣдаютъ! Сейчасъ пульсъ у исторіи—сто шестьдесятъ въ минуту, а они обѣдаютъ... Нѣтъ, я начинаю злиться! Я уѣду домой.

— У васъ не хватитъ денегъ на дорогу—и негдѣ занять!—разсудительно напомнилъ Метальниковъ.—И единственное, что мы можемъ сейчасъ сдѣлать — это тоже пообѣдать.

И они пошли дальше, въ душѣ очень недовольные другъ другомъ.

Пообѣдали наскоро, стараясь не вслушиваться въ разговоры, которые доносились до нихъ съ сосѣднихъ столовъ. Потомъ у Метальникова оказались какія-то неотложныя дѣловыя письма, а Вольфъ ощутилъ желаніе посвятить нѣсколько часовъ литературѣ.

— Мы сегодня увидимся?

— Не знаю. Можетъ быть.

— Я тоже не могу назначить никакого опредѣленнаго мѣста. Я не знаю, когда мнѣ удастся освободиться...

Положительно, союзъ, такъ хорошо наладившійся, готовъ былъ дать солидную трещину. По крайней мѣрѣ, два члена этого союза, разставшись, вздохнули съ явнымъ облегченіемъ.

Вольфъ и не подумалъ отдаваться своему литературному призванію, а Метальниковъ только наклеилъ марку на давно написанное письмо и бросилъ его въ ящикъ. Потомъ одинъ почему-то поѣхалъ за городъ, выбравъ самую длинную и медлительную трамвайную линію, а другой совершилъ огромную прогулку пѣшкомъ, нисколько не заботясь о проносившихся подошвахъ. И, кажется, обоимъ одинаково хотѣлось затеряться въ проносившемся мимо нихъ озабоченномъ людскомъ потокѣ, растворить въ немъ свои напряженныя мысли. А потокъ шумѣлъ мимо, отбрасывалъ ихъ прочь, какъ водоворотъ—легкую щепку. И въ концѣ концовъ, Вольфъ, словно щепка на берегъ, попалъ въ свою комнату.

Итальянца все еще не было. Старушка посмотрѣла на трезваго и мрачнаго квартиранта — и испуганно предложила рому.

— Рому? Хорошо. Только безъ воды, пожалуйста!

Отъ рома пахло скипидаромъ и клопами. Вольфъ понюхалъ, отхлебнулъ капельку — и, задумчиво посвистывая, отправился въ сосѣднюю комнату, навѣстить Марію-Розу. Сосѣдка ждала патрона и приняла гостя совсѣмъ не любезно.

— Онъ очень разсердится, если застанетъ васъ здѣсь! А теперь такое тяжелое время.

— Хорошо, Марія-Роза. Поцѣлуйте меня — и я уйду.

— Честное слово?

— Конечно! Но поцѣлуйте такъ, какъ будто вы меня любите. Понимаете?

— Но я совсѣмъ не люблю васъ! У васъ такая противная борода. Вотъ тотъ вашъ товарищъ, который иногда приходитъ къ вамъ въ гости — это настоящій мужчина!

— Пустяки, Марія-Роза... Развѣ такъ трудно полюбить на одну минуту? А для меня это очень важно. Я хочу попытаться еще немножко пожить иллюзіями. Обнимите меня, посмотрите мнѣ ласково въ глаза. Можете даже погладить по головѣ. А потомъ — поцѣлуйте.

— Я попробую.

Старалась добросовѣстно. Очень боялась, что каждую минуту можетъ войти патронъ, и въ то же время ей было немножко жаль этого человѣка, который говорилъ мало понятныя вещи и такъ просительно смотрѣлъ своими выпуклыми глазами. Марія-Роза старалась. И была очень огорчена, когда Вольфъ сказалъ грустно:

18*

— Нѣтъ, это совсѣмъ не то! Конечно, вы не виноваты, моя милая, но это совсѣмъ не то. Я еще помню, какъ цѣлуютъ тѣхъ, кого любятъ. И выходитъ совсѣмъ иначе.

— Можетъ быть, если бы вы обрились... Я попробую еще разъ, если хотите?

Но Вольфъ не воспользовался такимъ самоотверженнымъ предложеніемъ. Вѣжливо поблагодарилъ Марію-Розу и сказалъ, что ему очень хочется спать. Въ своей комнатѣ легъ, не раздѣваясь, закуталъ голову старымъ пальто, чтобы ничего не видѣть и не слышать. Однако же, сквозь порѣдѣвшее сукно доходилъ до слуха даже малѣйшій шорохъ. Слышно было, какъ шепталась съ жилицей старуха, какъ топтался у входной двери, а потомъ долго и ворчливо бормоталъ за стѣной патронъ. По улицѣ то и дѣло проѣзжали тяжело нагруженныя подводы, ревѣли автомобили, кричали газетчики.

Уже давно смерклось, когда Вольфу, наконецъ, удалось задремать. И безпокойная, отрывистая дремота постепенно перешла въ болѣзненно глубокій сонъ, похожій на обморокъ. Этотъ сонъ былъ такъ крѣпокъ, что пришедшій поздно ночью итальянецъ долженъ былъ прибѣгнуть къ экстреннымъ мѣрамъ и вылилъ за шиворотъ спящаго друга цѣлый стаканъ воды. Вольфъ сѣлъ, отряхиваясь, съ красными полосами на лицѣ и злобно перекошеннымъ ртомъ.

— Это гадость! Вы поступаете, какъ настоящая свинья!

— Вы сами — свинья, мой другъ, если можете спать въ такую минуту! Объявлена общая мобилизація.

— Общая мобилизація? Война?

— Ну, да! Сейчасъ уже расклеиваютъ приказъ по всѣмъ улицамъ.

— Но мобилизація—еще не война!—упрямо огрызнулся Вольфъ и передернулъ плечами, чтобы отлѣпить отъ спины мокрую рубашку.

— Мать моя, да когда же вы проснетесь?

И, сложивъ ладони рупоромъ, итальянецъ заоралъ во всю силу легкихъ:

— Всеобщая мобилизація! Да здравствуетъ война!

Этотъ воинственный кличъ всполошилъ всю квартиру. Въ комнатѣ Маріи-Розы упалъ стулъ, разбилось что-то стеклянное, потомъ въ коридорѣ послышались шлепающіе шаги, — и на порогѣ показался патронъ. Онъ задыхался отъ ожирѣнія и испуга, былъ босъ и дрожащими пальцами пристегивалъ подтяжки. Изъ-за его плеча выглядывала Марія-Роза.

— Что такое? Указъ о мобилизаціи?

— На каждомъ перекресткѣ, сударь...

Патронъ сжалъ пухлые кулаки.

— Ага, господа нѣмцы... На этотъ разъ вамъ не пройдетъ даромъ .. Вы испортили мнѣ всѣ дѣла, — хорошо! Теперь ваши дѣла тоже немножко запутаются... Гдѣ же мои башмаки, Роза? Развѣ ты не понимаешь, что мнѣ нужно сейчасъ же итти въ мерію?

Вольфъ распахнулъ окно и выглянулъ на улицу. Въ городѣ было тихо, — зловѣще-тихо.

IX.

Длинную, длинную череду годовъ опускалась надъ городомъ ночь. Улицы и площади заплетались ожерельями огней, и въ невѣрномъ свѣтѣ этихъ огней люди еще долго, почти до самой зари, что-то дѣлали, надъ чѣмъ-то хлопотали, пока не сваливались съ ногъ

усталые, исчерпавшіе сутки до конца. А съ разсвѣтомъ начинался точно такой же день, какой уже былъ наканунѣ, и такъ же, въ положенное время, смѣняла его всегда одинаковая, безпорядочная, плохо освѣщенная ночь. Это штампованное однообразіе по временамъ надоѣдало даже самымъ искреннимъ любителямъ порядка и покоя. Тогда выдумывали праздникъ, устраивали карнавалъ, таскали по улицамъ чудовищныя колесницы, раздавали бездѣльникамъ и безработнымъ звонкіе франки, чтобы тѣ кричали, пѣли, плясали и, вообще, изображали веселье. Но всѣмъ было ясно, что это разнообразіе—такое же не настоящее, какъ картонная Жанна д'Аркъ или набитый гнилой соломой его высочество Карнавалъ. Махали рукой на всю эту фальшь, разсчитывали бездѣльниковъ и безработныхъ,—и опять принимались за прежнее, похожее на заведенный самой вѣчностью маятникъ: день — ночь. День — ночь!

И такъ вотъ — десятки лѣтъ. Все одинаковое, прежнее, бывалое, надоѣвшее. Но какъ подъ золотымъ плащемъ Карнавала—гнилая солома, такъ и въ этомъ неподвижномъ движеніи таилось, должно быть, что-то еще особое и очень значительное, хотя и не видное съ перваго взгляда. Во всякомъ случаѣ, скучный маятникъ вдругъ остановился, хотя дни и ночи смѣнялись по прежнему.

И проницательные люди имѣли удовольствіе заявить во всеуслышаніе:

— Я давно это предвидѣлъ и даже предсказывалъ заранѣе. Вотъ оно, видите: совершилось!

Предсказаній никто не хотѣлъ помнить, но такъ какъ, дѣйствительно, совершилось, то не о чемъ и разговаривать. Еще вчера утромъ вставали, какъ всегда, готовились провести обычный день и обычную ночь.

А сегодня то тайное, что было скрыто подъ видимымъ однообразіемъ, закончило свою хитрую работу и больше не было мѣста ни картону, ни мишурѣ, ни размалеваннымъ шутовскимъ лицамъ.

У хромого церковнаго сторожа былъ еще большой запасъ табаку, а объявленная мобилизація не имѣла къ нему лично никакого отношенія. И все-таки онъ не могъ усидѣть въ своей сторожкѣ, а побѣжалъ туда, гдѣ, по его мнѣнію, можно было узнать больше всего новостей: къ Фаликону.

Несмотря на довольно поздній часъ, табачная лавка была еще заперта. Окна изнутри завѣшены клеенчатыми шторами, а черный ставень на двери мрачно опоясался желѣзнымъ болтомъ. Пришедшіе раньше сторожа собрались напротивъ, у аптеки. Тамъ была тѣнь и потому ждать прохладнѣе, хотя никто не нуждался ни въ пилюляхъ, ни въ примочкахъ. Аптекарь впрочемъ и не склоненъ былъ заниматься торговлей. Онъ стоялъ у конторки съ перомъ за ухомъ, провѣрялъ свои счетныя книги и сдавалъ съ рукъ на руки всѣ свои дѣла помощницѣ, блѣдной взволнованной барышнѣ.

— Я давно предсказывалъ... — началъ было сторожъ, но его никто не хотѣлъ слушать. Большинство изъ собравшихся — итальянскіе рабочіе-каменьщики. А постройкамъ теперь конецъ. И, стало быть, — конецъ ихъ работѣ.

И много еще женщинъ. Имъ пора уже стоять у газовыхъ плитъ и варить супъ, но ничего не подѣлаешь: маятникъ остановился. Мужья ушли на сборные пункты. Пожалуй, вернутся голодные, но въ крайнемъ случаѣ можно удовлетворить ихъ стаканчикомъ вина и остатками вчерашняго ужина.

— Да, да, я давно предсказывалъ!

Чего-то не хватаетъ на бойкомъ перекресткѣ. Не слышно настойчивыхъ звонковъ и не гудятъ мѣдные провода трамвая. Почтальонъ — офиціальное лицо, и онъ съ готовностью даетъ объясненіе:

— Движеніе временно пріостановлено. Только временно, господа... И правительство совѣтуетъ вамъ всѣмъ сохранять полное спокойствіе!

Но и почтальона тоже не слушаютъ. Всѣ думаютъ, въ сущности, объ одномъ и томъ же, но это одно для каждаго отдѣльнаго человѣка имѣетъ тысячи различныхъ причинъ и слѣдствій. Итальянцы понемногу разбредаются по домамъ, но толпа не рѣдѣетъ. Аптекарь все еще роется въ своихъ счетныхъ книгахъ. Какъ глазница черепа, мрачно смотритъ запертая наглухо дверь Фаликона.

Подошли еще двое. Къ этимъ толпа скоро начинаетъ присматриваться подозрительно: они слишкомъ высоки ростомъ и говорятъ между собою на какомъ-то непонятномъ языкѣ. И уже кто-то пустилъ недоброжелательный слухъ:

— Нѣмцы!

Ого! Толпа сдвигается плотнѣе. Одинъ иностранецъ, бритый, краснѣетъ и хмурится, другой яростно теребитъ бородку.

— Кто тутъ говоритъ о нѣмцахъ? — Сторожъ повертывается на своей болѣе длинной ногѣ, какъ флюгеръ на стержнѣ, и простираетъ руки по направленію къ бритому. — Какая пустая голова смѣетъ тутъ говорить о нѣмцахъ? Да здравствуютъ наши союзники!

Другой иностранецъ, съ бородкой, достается монтеру изъ автомобильнаго депо, страстному соціалисту и антиклерикалу. Въ обычное время монтеръ и сто-

рожъ такъ же несовмѣстимы, какъ огонь и вода, но вѣдь сегодня остановился скучный маятникъ, раздѣлившій людей по полочкамъ общежитія. И оба иностранца чувствуютъ это очень хорошо, потому что сторожъ и монтеръ одновременно пытаются заключить ихъ въ самыя тѣсныя объятія.

— Все это отлично! — сказалъ Вольфъ, — но право же я не рожденъ для тріумфовъ. Благодарю васъ... Очень благодарю васъ... Но все-таки...

На ихъ счастье въ этотъ моментъ произошло событіе, которое заставило всю толпу немедленно перекочевать отъ аптеки къ дверямъ Фаликона. Изъ воротъ дома, въ которомъ помѣщалось кафэ, выскользнула плюгавая, обшарпанная дѣвчонка съ огромнымъ ключемъ въ рукахъ и направилась прямо къ черному ставню.

— Кто это такая, вы не знаете?

— Это? Ихъ домашняя прислуга, вѣроятно! Просто, дѣвочка для черной работы...

Дѣвочка сунула ключъ въ замокъ и желѣзный болтъ съ грохотомъ отскочилъ, слегка задѣвъ по ногамъ кое-кого изъ собравшихся. Не такъ то легко было унести ставень, но тутъ уже взялись добровольные помощники: монтеръ и молочникъ. Церковный сторожъ давалъ директивы:

— Осторожнѣе, господа... Поднимите повыше... Правѣе... Теперь ставьте... Вотъ такъ!

Затѣмъ поднялись клеенчатыя шторы и зрители увидѣли, наконецъ, давно знакомую картину: выставку табачныхъ товаровъ на подоконникѣ и смутно рисовавшуюся въ глубинѣ батарею бутылокъ. Все на своихъ мѣстахъ. Не было только ни самого хозяина, ни его младшаго брата. Хозяйкѣ пришлось одновре-

менно работать и у стойки, и у табачнаго прилавка. Глаза у нея были заплаканы, а руки плохо слушались, — и дѣло не спорилось. Разумѣется, никто не протестовалъ, что ему приходится долго ждать своей очереди, а получившій невѣрную сдачу сейчасъ же возвращалъ лишніе су. Маятникъ остановился — и въ человѣчествѣ произошла диковинная перемѣна.

Сторожъ и монтеръ одновременно заказали себѣ по абсенту. И, высоко поднявъ стаканы съ мутной зеленоватой жидкостью, многозначительно переглянулись.

— Два пикона, если позволите! — скромно попросилъ Вольфъ. На итальянца они уже не разсчитывали: Моргано положительно отбился отъ рукъ.

Только когда всѣ жаждущіе были уже удовлетворены, а новыхъ не прибывало, хозяйка получила возможность немножко передохнуть и подѣлиться своими печалями. Ея мужъ? Да, конечно, онъ изъ стараго класса и навѣрное останется здѣсь, въ территоріальной арміи. Все-таки, онъ оторванъ отъ дѣла и ей приходится справляться одной. Вѣдь нельзя же совсѣмъ прикрыть торговлю! Другое дѣло, если бы здѣсь было только кафэ. Но развѣ можетъ цѣлое предмѣстье обойтись безъ табачной лавки?

А младшій братъ пойдетъ въ первую голову. Онъ уже въ казармѣ и ихъ полкъ готовъ выступить съ минуты на минуту.

— Парень не пропадетъ! — рѣшилъ монтеръ. — Въ немъ всегда было что-то военное. Посмотрите, онъ еще вернется декорированнымъ, — и въ хорошихъ чинахъ.

— Да, будемъ надѣяться, что онъ вернется... Еще два пикона съ гренадиномъ?

Нѣтъ, сегодня двое русскихъ не хотятъ больше пикона. Они вмѣстѣ вышли изъ кафэ и Метальниковъ началъ:

— Дѣло въ томъ, что у меня есть нѣсколько срочныхъ писемъ...

— Полноте! Вы должны были написать ихъ еще вчера. Право же, въ одиночествѣ вы будете себя чувствовать нисколько не лучше. Вдвоемъ мы можемъ, по крайней мѣрѣ, поругаться и это насъ развлечетъ... Идемте! Будемъ наблюдать, что дѣлается въ городѣ.

И они пошли.

За нѣсколько утреннихъ часовъ первая суматоха успѣла уже улечься и жизнь припоровлялась къ новымъ рамкамъ. Люди уже не толклись на улицахъ безъ всякаго дѣла, а озабоченно сновали туда и сюда. Подростки бойскоуты сновали на велосипедахъ съ казенными пакетами. Гудѣли автомобили, торопясь на реквизиціонный осмотръ. У одного изъ отелей поспѣшно заколачивали двери и окна, и снимали нѣмецкую вывѣску. Только женщины, повидимому, такъ и не вернулись сегодня къ своимъ газовымъ плитамъ, — и нѣкоторыя, чтобы скрыть слѣды слезъ, слишкомъ поспѣшно и густо напудрились. Теперь онѣ уже не плакали. Вольфъ замѣтилъ удивленно:

— Смотрите, — а вѣдь многія изъ нихъ готовы были ревѣть бѣлугой, провожая супруга въ двухмѣсячную поѣздку по торговымъ дѣламъ. Можете вы мнѣ объяснить, что такое война? Я думалъ, что во время войны просто сходятся двѣ арміи и начинаютъ взаимно истреблять другъ друга, — и это все. А на дѣлѣ оказывается сложнѣе... Вы не можете объяснить?

— Нѣтъ, — покачалъ головой Метальниковъ. — Я надѣюсь понять это современемъ... Когда уѣду въ Конго.

Они обошли весь городъ, посмотрѣли на городское казино, гдѣ въ шикарномъ зимнемъ саду располагалось уже, какъ дома, армейское интендантство, заглянули на призывные пункты, запруженные взвинченной и въ то же время сосредоченно спокойной толпой, на казарменные дворы, гдѣ шла спѣшная подгонка казенной одежды. Здѣсь было весело. Что подѣлаешь? Маятникъ качался слишкомъ долго и нѣкоторые изъ призванныхъ отростили себѣ солидные животы. И красные форменные штаны никакъ не хотѣли держаться на предназначенномъ имъ мѣстѣ.

— Ну, старичекъ! — совѣтовали такимъ кадровые солдаты.—Вамъ придется немножко побѣгать.

А старички проклинали свои сытные обѣды и спокойную жизнь за конторкой.

Изъ широкой боковой улицы вылилась на площадь Массены многолюдная процессія. И съ нею вмѣстѣ наполнилъ всю площадь громовый напѣвъ, — такой знакомый и радостно горделивый, — напѣвъ Марсельезы. Впереди процессіи колыхались два скрещенныхъ, какъ будто слившихся въ одномъ объятіи, знамени: одно— республики, другое—красно-бѣло-зеленое, со щитомъ на бѣломъ полѣ.

— Смотрите! — закричалъ Вольфъ, хватая за руку своего спутника. — Вотъ онъ что дѣлаетъ, нашъ артистъ!

Итальянское знамя несъ никто иной, какъ самъ Моргано. Его яркій галстукъ развязался и концы трепались по вѣтру, шляпа съѣхала на затылокъ и голосъ охрипъ отъ напряженія. Онъ сейчасъ же замѣтилъ друзей и крикнулъ имъ что-то неразборчивое. Отъ быстраго движенія шляпа слетѣла совсѣмъ, исчезла подъ ногами заднихъ рядовъ. А скрещенныя знамена

ласкали другъ друга широкими развѣвающимися складками, гимнъ гремѣлъ и разростался все шире. Кто тутъ могъ думать о какой-то старой шляпѣ?

— Плохое начало для нѣмцевъ!—усмѣхнулся Метальниковъ. — Недурной полкъ вышелъ бы изъ этой компаніи...

— Да... И нашъ Моргано не такъ уже плохъ въ качествѣ полковника!

И Вольфъ прибавилъ еще съ неприкрытой завистью:

— Право, я не думалъ, что онъ такъ быстро опредѣлится.

Процессія прошла мимо, звуки Марсельезы поднялись куда-то высоко къ небу и тамъ растаяли. Площадь опустѣла,—и такъ же пусто сдѣлалось вдругъ на душѣ у двухъ друзей. Не сговариваясь, направили свои шаги къ взморью, гдѣ было еще пустыннѣе. Сѣли на скамейку лицомъ къ морю, чтобы видѣть одну только его безконечную гладь. Море было тихое, слишкомъ тихое. Слабый шопотъ прибоя не заглушалъ отголосковъ встревоженнаго города.

Долго сидѣли молча, потомъ Вольфъ вынулъ карандашъ и записную книжку и принялся что-то высчитывать. Писалъ цѣлыя колонны цифръ, перечеркивалъ и писалъ снова. Крупно вывелъ конечный результатъ, подчеркнулъ дважды.

— Вотъ это—сколько мнѣ нужно, чтобы вернуться домой! Если считать по самому краткому разстоянію, то выйдетъ меньше, но на краткомъ разстояніи сидятъ нѣмцы. Остается путь моремъ, черезъ Англію или черезъ Италію. Если ѣхать на Парижъ, Калэ, Лондонъ...

Говорилъ долго, старательно обсуждалъ всѣ мелочи, и нисколько не заботился о томъ, слушаетъ ли его

Метальниковъ. Все обсудивъ, резюмировалъ безнадежно:

— Не хватаетъ приблизительно девяти десятыхъ всего капитала... Надо послать телеграмму! Вотъ если бы еще въ корреспонденты... Но какой я къ чорту корреспондентъ?

Солнце сѣло,—и въ надвигающихся сумеркахъ зашагали домой. Городъ не думалъ еще готовиться къ ночи: маятникъ остановился. Все такъ же кипѣла бойко наладившаяся работа, — и удивленно мигали вспыхивавшіе одинъ за другимъ фонари.

Около кафэ «Ротонды» сгрудилась большая толпа,— все больше дѣти и женщины. Загородила весь тротуаръ и поневолѣ пришлось остановиться.

— Что здѣсь такое?—спросилъ Метальниковъ.

Женщина посмотрѣла на него темными строгими глазами. Объяснила коротко:

— Они уходятъ!

И, словно дополняя эту фразу, такую короткую и такую значительную, въ дальнемъ концѣ улицы зарокотала настойчивая барабанная дробь. Приближалась неторопливо, — но такъ какъ толпа ждала молча, затаивъ дыханіе,—скоро слышны уже были и мѣрные удары тысячи каблуковъ объ мостовую.

— Они уходятъ!—повторила женщина.

Да, они уходили.

Еще вчера, пока маятникъ не остановился, многіе изъ нихъ, пожалуй, были прикащиками, кассирами, музыкантами, профессорами и журналистами. Сегодня они сдѣлались солдатами, спаялись въ одно мощное тѣло и шли не туда, куда направляли ихъ обычные будни, а къ какой-то другой, новой и великой цѣли. Оставленныя ими жены и дѣти стояли по сторонамъ

дороги и смотрѣли на нихъ въ молчаливомъ прощаніи. А они улыбались, — слегка недоумѣвающей, дѣтской улыбкой.

Только когда голова длинной колонны уже повернула къ вокзалу и всего нѣсколько шаговъ еще оставалось ей пройти по родному городу, толпа на тротуарахъ вдругъ всколыхнулась, откуда-то посыпались цвѣты густымъ пахучимъ дождемъ. Разлился волной многоголосый крикъ, въ которомъ можно было понять не тоску разставанія, а призывъ къ побѣдѣ. Солдаты нагибались на ходу, подхватывали букетики цвѣтовъ и вкладывали ихъ въ дула ружей, какъ бутоньерки. Потомъ размахивали своими кепи и кричали въ отвѣтъ, что они вернутся побѣдителями, — или не вернутся совсѣмъ. Вчера это было бы такъ похоже на заурядное хвастовство, но сегодня говорили отъ души и отъ души вѣрили.

За колонной потянулись зарядные ящики, потомъ — обозъ. Гривы лошадей и муловъ были украшены разноцвѣтными лентами, какъ будто они участвовали въ свадебномъ поѣздѣ, а на сѣрой брезентовой покрышкѣ самой послѣдней подводы мирно сидѣли рядышкомъ полковые любимцы: терьеръ и кошка.

Все та же женщина, уже какъ давно знакомая, тронула за локоть Метальникова:

— Вы видѣли? Они ушли... Вѣдь они должны побѣдить, это правда?

Метальниковъ ничего не отвѣтилъ, потому что въ глазахъ самой женщины былъ уже достаточный отвѣтъ. Этотъ отвѣтъ былъ простъ и ясенъ, но посторонній затруднился бы передать его своими словами. А Метальниковъ очень остро и жутко чувствовалъ себя сейчасъ именно постороннимъ человѣкомъ. И, должно

быть, то же самое испытывалъ и его спутникъ, потому что тотъ вдругъ заторопился:

— Попытаемся пробраться впередъ... Пора домой

Они пробрались безъ всякаго затрудненія и ускорили шаги, когда перешли на ту сторону желѣзнодорожнаго полотна, подъ каменной аркой. Шли все скорѣе и скорѣе, пока усталость не заставила остановиться на минуту, чтобы перевести дыханіе.

— Такъ-то, дорогой мой!—сказалъ Вольфъ, словно ставилъ точку послѣ большой и убѣдительной рѣчи.

Метальниковъ поднялъ на него потускнѣвшіе глаза.

— Что—такъ-то?

— Да вы же видите... Вся моя философія — на смарку! Да и у васъ, кажется, не все благополучно по этой части. Я вѣдь видѣлъ, какъ вы только что махали шляпой, и слышалъ, какъ вы кричали. Но это, конечно, такъ себѣ, пустяки... А самое главное вотъ что: что же, мы такъ и будемъ только шляпой махать? Маловато, какъ будто, а?

Метальниковъ отвернулся.

— Не знаю. И мнѣ совсѣмъ не интересно, что именно вы видѣли и слышали. Я, вѣдь, уѣзжаю въ Африку...

X.

На третій день мобилизаціи папу Фаликона временно отпустили домой. Онъ вернется, когда до него дойдетъ очередь, чтобы пополнить территоріальныя войска, а пока можетъ заниматься своими личными дѣлами. Такъ, по крайней мѣрѣ, ему сказали въ военной канцеляріи. Фаликонъ почтительно откозырялъ, повернулся налѣво кругомъ и отправился въ свое осиротѣвшее кафэ.

Осиротѣвшее — такимъ, по крайней мѣрѣ, считалъ его онъ самъ. Что можетъ выйти изъ торговли безъ настоящаго хозяйскаго глаза? Онъ уже подсчитывалъ въ умѣ возможные убытки и былъ пріятно разочарованъ, когда нашелъ все въ полномъ порядкѣ. Жена, правда, успѣла уже порядочно похудѣть, но это только дѣлало ее еще болѣе моложавой. И не хватало младшаго брата, котораго никакъ не могла замѣнить плюгавая дѣвчонка, но зато у табачнаго прилавка плотно утвердилась пріѣхавшая изъ пансіона дочь. Цѣлуя ее, папа Фаликонъ слегка прослезился.

— Дитя мое, я не разсчитывалъ, что намъ понадобится когда-нибудь твоя помощь! Прежде, когда ты бралась за торговлю, это было нѣчто вродѣ игры.

— А почему тебя не взяли въ солдаты, папа? Развѣ ты уже слишкомъ старъ?

— Слишкомъ старъ? Почему это ты выдумала? — и Фаликонъ постарался втянуть въ себя непокорный животъ. — Просто до меня не дошла еще очередь. Ты довольна, что я вернулся?

— Да, конечно... Хотя мнѣ кажется, что теперь всѣ должны быть солдатами! Ты вѣдь еще такой сильный.

Молодость иногда бываетъ очень жестока въ своей святой непосредственности. И Фаликонъ замѣтилъ обиженно, что правительство, навѣрное, знаетъ лучше какой-то дѣвчонки, сколько ему нужно солдатъ. Затѣмъ онъ принесъ большую корзину и принялся укладывать въ нее бутылки со всевозможными сортами абсента, которыя стояли на полкахъ. Только что вышелъ приказъ отъ военнаго губернатора съ запрещеніемъ этого жгучаго напитка.

Жена вздохнула.

19

— Опять убытки... И чѣмъ только кончится вся эта исторія?

— Убытки? — переспросилъ Фаликонъ, взваливая на плечи корзину. — Не думаю! Вмѣсто абсента выпьютъ немножко больше вина, — вотъ и все. Мы обязаны быть честными гражданами и не можемъ протестовать, если начальство находитъ абсентъ вреднымъ!

— Хорошо, но теперь ты и самъ не имѣешь права его пить. Ты помнишь, какъ на прошлой недѣлѣ...

Папа Фаликонъ покосился на дочь.

— Ну, ну... Не все можно говорить при свидѣтеляхъ! А всѣ эти бутылки я спрячу въ погребъ. Знаешь, въ тотъ, въ дальній, которымъ мы никогда не пользуемся.

Покончивъ съ абсентомъ, Фаликонъ досталъ листъ толстой розовой бумаги, банку чернилъ и изготовилъ огромный плакатъ, который краснорѣчиво разсказывалъ всему перекрестку:

> «Только плохіе патріоты извлекаютъ выгоду изъ бѣдствій отечества. Кафэ Фаликона сохраняетъ прежнія умѣренныя цѣны. Кромѣ того, всѣ гг. военные имѣютъ 25% скидки».

Жена хозяина сочла этотъ плакатъ порожденіемъ чистѣйшаго безумія. Однако, владѣлецъ сосѣдняго кафэ, давно пытавшійся конкурировать съ Фаликономъ, долженъ былъ убрать въ тотъ же день свой новый прейсъ-курантъ съ повышенной расцѣнкой. И все-таки, новые кліенты шли не къ нему, а къ Фаликону.

Впрочемъ, новыхъ кліентовъ было немного. Издали кучка посѣтителей, толпившаяся у дверей табачной лавки, имѣла видъ совсѣмъ не похожій на прежній:

пиджаки и рабочія блузы терялись въ массѣ красныхъ панталонъ и синихъ шинелей, — но вблизи были слышны знакомые голоса и изъ-подъ военныхъ козырьковъ смотрѣли знакомыя лица. Были тутъ и монтеръ, и молочникъ, и владѣлецъ маленькой виллы въ переулкѣ, и еще многіе изъ тѣхъ, что никогда не забывали свой утренній аперитивъ за стойкой Фаликона. Иные уже жили въ казармахъ, другіе ночевали у себя дома, ожидая, когда ихъ полкъ выступитъ въ походъ, — но у всѣхъ было достаточно свободнаго времени, чтобы потолкаться часъ другой среди старыхъ знакомыхъ и подѣлиться новостями. А новости сыпались теперь, какъ горохъ изъ мѣшка.

Пріѣзжихъ изъ окрестныхъ городковъ еще издали соблазнялъ розовый плакатъ. Сосѣдъ-кабатчикъ, скрѣпя сердце, тоже объявилъ скидку для военныхъ, но было уже поздно: его кафэ выглядѣло совсѣмъ пустыннымъ и унылымъ. Кромѣ того, онъ пытался наверстать скидку продажей отдѣльныхъ ликеровъ, чего никогда не могло случиться съ Фаликономъ. Тамъ каждый получалъ за свои деньги именно то, что требовалъ.

Иногда у табачной лавки вспыхивало особое оживленіе. Это значило, что кто-нибудь изъ постоянныхъ обитателей квартала получалъ приказъ о выступленіи, — и забѣгалъ передъ отъѣздомъ, въ полной походной амуниціи, чтобы торопливо пожать дюжину дружескихъ рукъ и сдѣлать послѣдній глотокъ добраго вина. Самъ хозяинъ провожалъ его до порога и присоединялъ свой голосъ къ хору прощальныхъ напутствій и совѣтовъ:

— Привезите мнѣ нѣмецкую каску... Обязательно натирайте ноги спиртомъ... А вы не забыли фланелевый набрюшникъ? Захватите еще по пути средство отъ мозолей... Вы хорошо подогнали ранецъ?

19*

заботились точно такъ, какъ если бы человѣкъ отправлялся на воскресную охоту,—и въ эти минуты особенно избѣгали говорить о смерти и о кровавыхъ ранахъ. Всякому извѣстно, что уходящій на войну долженъ готовиться и къ ранамъ, и къ смерти,—но изъ этого еще не слѣдуетъ, что ему можно пренебрегать своимъ желудкомъ или понапрасну натирать мозоли.

Предложеніе создается спросомъ. Жена хозяина давала теперь самые лучшіе медицинскіе совѣты, а наиболѣе штатскій человѣкъ—церковный сторожъ—оказался первымъ спеціалистомъ по вопросамъ стратегіи и тактики. Въ карманѣ онъ всегда носилъ календарь съ перечисленіемъ всѣхъ армій и флотовъ воюющихъ державъ. На стѣнѣ, у табачнаго прилавка, висѣла только что отпечатанная карта всей Европы. При помощи календаря и карты сторожъ разработалъ весьма подробный планъ кампаніи. И этотъ планъ всѣмъ понравился: онъ предсказывалъ побѣду.

— У васъ умная голова!—похвалилъ монтеръ.— И вы разсуждаете, какъ настоящій французъ. Я никогда не думалъ, чтобы ваша профессія...

— А что вы можете сказать о моей профессіи?

Папа Фаликонъ настораживался за стойкой, но монтеръ самъ отходилъ торопливо отъ опасной темы:

— Нѣтъ, нѣтъ... Я хотѣлъ сказать только, что, вѣдь, вы не получили военнаго образованія.

Внутренній миръ, вызванный войной, попрежнему царилъ въ Фаликонѣ и ни одна дерзкая голова не пыталась его нарушить.

Когда миновали первые дни тревоги, жены вернулись къ своимъ газовымъ плитамъ. Но даже и здѣсь, на кухнѣ, не было прежняго строгаго однообразія.

Маятникъ-то, все-таки, остановился. И отъ троихъ друзей — двухъ русскихъ и одного итальянца — тоже никакъ нельзя было требовать, чтобы они аккуратно являлись къ своему утреннему пикону. Итальянецъ показывался въ кафэ то слишкомъ рано утромъ, то поздно вечеромъ. Много курилъ, мало пилъ, часто покупалъ открытки и торопливо исписывалъ ихъ тутъ же, у прилавка. Иногда вмѣстѣ съ нимъ приходилъ кто-нибудь изъ его земляковъ и они перебрасывались стремительной южной рѣчью, въ которой часто попадались слова «легiонъ» и «Гарибальди».

Заходилъ и Вольфъ, теребилъ бородку, лѣниво высасывалъ бутылку — другую пива. Жена хозяина обходилась съ нимъ ласково и заботливо, какъ съ большимъ, но не совсѣмъ умнымъ ребенкомъ. Онъ былъ очень разсѣянъ, часто просилъ повторить обращенные къ нему вопросы. Потомъ потихоньку скрывался, стараясь не привлекать къ себѣ чужого вниманiя.

И только одинъ Метальниковъ былъ твердъ и неизмѣненъ. Онъ входилъ каждый день ровно въ двѣнадцать безъ четверти, становился у обитой цинкомъ стойки прямой и высокiй, какъ случайно уцѣлѣвшая колонна разрушеннаго античнаго храма. Заказывалъ спокойно:

— Три пикона, пожалуйста! Одинъ съ лимономъ и два съ гренадиномъ.

Случалось, что подходили въ это время Вольфъ или даже итальянецъ, но чаще бывало, что Метальниковъ ждалъ напрасно. Тогда онъ выпивалъ одну за другой всѣ три рюмки и молча уходилъ, протѣснившись сквозь толпу людей въ синихъ шинеляхъ.

— Съ нашимъ русскимъ что-то неладно!—сказалъ однажды папа Фаликонъ послѣ его ухода.—У него хо-

рошая выправка, но мнѣ кажется, что онъ не совсѣмъ здоровъ.

— Вотъ и неправда!—вступилась дочь, поправляя въ волосахъ трехцвѣтную кокарду.—Я знаю. Навѣрное, у него умерла невѣста!

А жена Фаликона нашла, что русскому слѣдовало бы каждый вечеръ пить ромашку: это очищаетъ кровь и уничтожаетъ меланхолію. Но на томъ дѣло и кончилось: у всего семейства было достаточно своихъ собственныхъ хлопотъ.

Дни пошли за днями, и казалось уже, что вмѣсто остановившагося маятника налаживается новый. То и дѣло проходили черезъ городъ новыя войска. Спустились съ горъ альпійскіе стрѣлки въ кокетливыхъ круглыхъ беретахъ и въ бѣлыхъ парусиновыхъ гетрахъ, всѣ молодые, похожіе на мальчиковъ, темноглазые и веселые. Оглушая звонкой мѣдью трубныхъ сигналовъ, проскакала нарядная конница. Проѣзжали артиллерійскія батареи, телеграфные парки, воздухоплавательные отряды. И биткомъ набитые вагоны увозили все это на сѣверъ, гдѣ уже гремѣли пушки, жарили пулеметы и первая за эту войну кровь давно оросила родную землю. Но пушки гремѣли тамъ, далеко, а сюда отзвуки войны доходили уже значительно смягченными. И жизнь налаживалась, монтеры и молочники привыкли къ своимъ синимъ шинелямъ, какъ раньше привыкали къ передникамъ и рабочимъ блузамъ.

— Я думала, что это будетъ интереснѣе!—сказала дочь Фаликона.—А на самомъ дѣлѣ—ничего особеннаго...

Освободившись отъ монашескаго надзора, она читала теперь, въ свободное отъ торговли время, иллю-

стрированные романы,—и, конечно, выбирала только тѣ, гдѣ на картинкахъ были нарисованы военные. Военные, съ перьями на широкополыхъ шляпахъ, въ сапогахъ съ раструбами, въ расшитыхъ плащахъ и съ огромными шпагами, которые убивали направо и налѣво. Развѣ былъ хотя сколько-нибудь похожъ на этихъ рыцарей хотя бы тотъ же молочный торговецъ?

— Ты просто еще слишкомъ глупа, моя милая!— довольно рѣзко возражалъ папа Фаликонъ.—Въ нынѣшней войнѣ твой кавалеръ д'Артаньянъ годился бы только на огородное чучело. Когда ты выростешь, то поймешь, что переживаешь теперь такую исторію, какой не видывалъ міръ отъ начала творенія.

И если папѣ Фаликону случалось когда-нибудь уклоняться отъ истины, то, во всякомъ случаѣ, не въ ту минуту, когда онъ произносилъ эту фразу. Міръ загорѣлся пожаромъ, какъ куча сухихъ стружекъ, подожженныхъ озорникомъ мальчишкой, и тѣ, кто затѣялъ этотъ пожаръ, не высказывали никакого раскаянія. Они шли напроломъ, они заранѣе отвергали всѣ законы, божескіе и человѣческіе, которые ставила имъ на пути людская совѣсть.

— Ахъ, Бельгія, Бельгія!—заплакала жена Фаликона, когда до нея дошла одна изъ самыхъ потрясающихъ новостей.—Кто подумалъ бы еще мѣсяцъ назадъ, что такой маленькій народъ можетъ быть такимъ храбрымъ?

Пожаръ разгорался, и къ союзнымъ флагамъ, украшавшимъ теперь входъ въ табачную лавку, все прибавлялись новые. Дочь Фаликона завела цѣлую серію кокардъ національныхъ цвѣтовъ и надѣвала ихъ поочередно, чтобы никого не обидѣть.

Однажды въ полдень Метальниковъ, одиноко покончивъ съ тремя пиконами, подошелъ къ табачному прилавку, чтобы купить папиросъ. Это случилось, когда была очередь русской кокарды и, разумѣется, какъ только подошелъ высокій бритый человѣкъ, дѣвочка постаралась повернуться такъ, чтобы кокарда была видна возможно лучше.

— Это напоминаетъ вамъ родину, неправда-ли?

Метальниковъ выронилъ сдачу и долго собиралъ ее прежде, чѣмъ выпрямиться.

XI.

Въ тотъ же день, вечеромъ, Метальниковъ звонилъ у дверей маленькой испуганной старушки. Открыла Марія Роза и, извинившись за неисправный туалетъ, сейчасъ же исчезла. Уже изъ своей комнаты отозвалась на вопросъ гостя:

— Конечно, онъ дома! И, навѣрное, спитъ. Онъ теперь ужасно много спитъ.

Вольфъ лежалъ, вытянувшись во всю длину кровати, лохматый и весь обсыпанный табачнымъ пепломъ, но не спалъ, а внимательно разсматривалъ потолокъ. Когда вошелъ Метальниковъ,—онъ лѣниво сѣлъ, спустилъ ноги на полъ.

— Ага... А я только что вспомнилъ, что сегодня пятница. Ваша послѣдняя пятница во Франціи!

Гость молча положилъ на столъ объемистый пакетъ и отъ неосторожнаго движенія въ этомъ пакетѣ звякнуло что-то, очень похожее на бутылки. Вольфъ кашлянулъ удовлетворенно.

— Это разумно! У васъ хорошая память. Вы зна-

ете, я чертовски отощалъ. Не хватаетъ даже на пиво, не говоря уже о такой роскоши, какъ обѣдъ. Я надѣюсь, что тамъ есть и закуски?

— Немножко. Паштетъ, колбаса и жареная курица.

— И это онъ называетъ немножко? Вы скромны, какъ полководецъ, выигравшій сраженіе. Только подумать: жареная курица! Ужасно хочется ѣсть, чортъ возьми... Но братство прежде всего! Итальянецъ вернется черезъ полчаса и мы должны его подождать.

Чтобы какъ-нибудь сократить мучительное ожиданіе, Вольфъ медленно развязалъ пакетъ, извлекалъ оттуда по одной разныя аппетитныя вещи и располагалъ ихъ на столѣ въ стройномъ порядкѣ. Внимательно перечиталъ надписи на бутылкахъ. А когда все было готово, привелъ Марію Розу, несмотря на ея отчаянное сопротивленіе.

— Посмотрите! Какъ вы думаете, что значитъ вся эта роскошь?

— Ого... Вы получили деньги? Но пустите меня... Увѣряю васъ, что я совсѣмъ не одѣта.

— Я не смотрю на васъ, Марія Роза! Мои взоры направлены на жареную курицу. Вы тоже получите крылышко, не безпокойтесь... Мой бритый другъ уѣзжаетъ въ Африку и устраиваетъ прощальный ужинъ.

— Онъ все-таки уѣзжаетъ? Теперь, когда всѣ воюютъ? Но вѣдь это такъ страшно... А вдругъ по дорогѣ его возьмутъ въ плѣнъ или даже потопятъ?

— Что же дѣлать... Курица-то все равно будетъ уже съѣдена. И потомъ—не говорите мнѣ, пожалуйста, о нѣмцахъ. Лучше ступайте и поскорѣе одѣньтесь. Кажется, уже идетъ синьоръ Моргано.

Итальянецъ тоже былъ голоденъ,—и къ пиршеству приступили безъ всякихъ промедленій. Марія-Роза, въ

праздничномъ платьѣ изъ розоваго крепона, изображала хозяйку, а Вольфъ—виночерпія. Итальянецъ совалъ себѣ въ ротъ огромные куски, жадно глоталъ вино и въ то же время—болталъ.

— Пусть тамъ наши дипломаты раздумываютъ, сколько имъ угодно... Молодая Италія хорошо знаетъ, что ей нужно дѣлать! Если бы вы знали, какъ у насъ кипитъ теперь работа! Нѣтъ, война—отличная вещь. И вѣдь это не маленькая драка изъ-за какихъ-то чахоточныхъ пальмъ и сыпучихъ песковъ, какъ было у насъ въ Триполи. Нашъ старый міръ рѣшилъ выздоровѣть и прибѣгнулъ къ кровопусканію. Это конечно, болѣзненно, но зато посмотрите, какъ онъ потомъ помолодѣетъ...

— Да, можетъ быть, это къ лучшему! — согласился Вольфъ, который не успѣлъ еще удовлетворить свой аппетитъ и потому не былъ расположенъ къ спорамъ.— Міръ посвѣжѣетъ и тогда вымететъ прочь всякій негодный соръ, вродѣ меня, напримѣръ. Я съ удовольствіемъ вымелъ бы себя самого, — настолько я теперь лишній человѣкъ... Дайте мнѣ еще колбасы, Марія-Роза!

— Такъ вы, все-таки, уѣзжаете?—вспомнилъ итальянецъ, покончивъ сразу и съ дипломатіей и съ куриной ножкой. — Развѣ ваша фирма не прекращаетъ своихъ дѣлъ?

— Почему же? — пожалъ плечами Метальниковъ. — Морскія сообщенія не прерваны, а спросъ на каучукъ все возрастаетъ. Я думаю, что она недурно заработаетъ на этой войнѣ.

— Мать моя! Я не могъ бы сейчасъ заниматься торговлей... Но разъ уже такъ случилось — желаю вамъ счастливаго пути.

И всѣ, за исключеніемъ виновника торжества, подняли стаканы.

— Вы не хотите выпить за свой счастливый путь?— удивилась Марія-Роза.

— Нѣтъ, я выпью,— потому что я все-таки уѣзжаю на этихъ дняхъ. Но дѣло въ томъ, что я ѣду не въ Африку. Я хочу встрѣтиться съ нѣмцами не среди океана, а гдѣ-нибудь поближе!—И онъ вынулъ изъ бумажника почтовую расписку.— Билетъ, какъ видите, отправился обратно, а багажные ярлыки я оставилъ себѣ на память. Они печатаютъ очень красивые ярлыки! Одинъ носитъ на ошейникѣ моя кошка.

— Вы не ѣдете въ Африку?

И Вольфъ расплескалъ цѣлый стаканъ краснаго вина, что, впрочемъ, ничему не повредило, такъ какъ на столѣ не было скатерти. Итальянецъ тоже казался нѣсколько разочарованнымъ. Онъ не любилъ, когда люди отказывались отъ хорошо обдуманнаго рѣшенія. И даже Марія-Роза протянула удивленно:

— Ахъ, такъ это, значитъ, была только шутка?

— Нѣтъ, тутъ что-то не такъ!—забормоталъ Вольфъ, отодвигаясь отъ стола, чтобы пролитое вино не попало на брюки.—Или я совсѣмъ не понималъ васъ до сихъ поръ...

— Видите ли, мнѣ очень непріятно, что я обманулъ васъ всѣхъ, но для меня самого это выяснилось окончательно только сегодня. Я иду волонтеромъ, только и всего... Я недурной стрѣлокъ и хорошій ходокъ. Можетъ быть, я и пригожусь на что-нибудь тамъ, на войнѣ... А каучукъ пусть добываетъ кто-нибудь другой. Вы понимаете, Вольфъ, что я не могъ терпѣть больше!

— Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь это же такъ просто!—

удивился Вольфъ.— Знаете, жена Фаликона сказала мнѣ вчера: — «Онъ очень перемѣнился, этотъ вашъ другъ. Должно быть, онъ опасно боленъ...» Ну, я то зналъ, что у васъ за болѣзнь... И оказалось такъ просто! Вѣдь у насъ общій врагъ,— у насъ и у Франціи,— и, пожалуй, у половины міра. А умереть за хорошее дѣло можно и на чужой землѣ.

— Э, у васъ, у русскихъ, скверная привычка: слишкомъ часто говорить о смерти! — разсердился Моргано.— На войну идутъ не умереть, а побѣдить! И мы, трое,— мы побѣдимъ. Потому что вѣдь мы отправляемся всѣ вмѣстѣ, неправда-ли?

— А вашъ гарибальдійскій легіонъ?

— Мать моя! Тамъ у меня есть соотечественники, но нѣтъ друзей... Не безпокойтесь, это дѣло будетъ улажено. Я уже хорошо знакомъ съ комендантомъ. Если попросить хорошенько, то, конечно, насъ зачислятъ въ одинъ отрядъ!

— Позвольте, синьоръ Моргано! — обиженно возразилъ Вольфъ.— Мнѣ кажется, что вы не справились о мнѣніи третьяго.

— А развѣ вы не идете вмѣстѣ съ нами?

— Разумѣется, я иду. Но если я — художникъ, то это не значитъ еще, что я долженъ подчиняться только инстинктивнымъ импульсамъ... Слушайте, я буду разсуждать здраво и логично... Я еще не старъ и вполнѣ здоровъ. Я терпѣть не могу войны, но разъ уже она началась — съ нею нужно возможно скорѣе покончить. А чтобы она скорѣе кончилась—всѣ молодые и сильные обязаны выступить противъ врага. Я могъ бы вернуться на родину, но теперь это довольно затруднительно даже съ деньгами въ карманѣ, а денегъ у меня нѣтъ. Кромѣ того, у меня на родинѣ очень много сильныхъ

и здоровыхъ людей, и тамъ до меня, пожалуй, еще не скоро дойдетъ очередь. Слѣдовательно, я долженъ исполнить свой долгъ здѣсь, въ гостяхъ у нашихъ союзниковъ. Все это нисколько не пахнетъ безсознательными эмоціями, неправда-ли? А если я не знаю, съ котораго конца заряжается ружье, такъ это ровно ничего не значитъ. Меня выучатъ. Что, развѣ я глупѣе какого нибудь нѣмецкаго пивовара?

И онъ облегченно вздохнулъ, какъ человѣкъ, наконецъ-то избавившійся отъ надоѣдливой тяжести. Метальниковъ сидѣлъ и улыбался, — совсѣмъ такъ, какъ улыбается школьникъ, только что получившій высшій баллъ на трудномъ экзаменѣ.

Только одна Марія-Роза была смущена и недовольна. Она долго крѣпилась, но, наконецъ, не выдержала и горько заплакала, не смущаясь тѣмъ, что слезы текутъ прямо на ея праздничное розовое платье.

— О, Боже мой, Боже мой... Вотъ вы всѣ уходите на войну, а что же останется намъ, женщинамъ? Патронъ пересталъ выдавать мнѣ на булавки, но я не жалуюсь. Я проживу какъ-нибудь и безъ этого золотого... Но вы всѣ такіе милые люди... Вы знаете, что я не позволяла себѣ съ вами ничего особеннаго, потому что хотѣла быть вѣрна патрону... Но все-таки вы такіе милые... И я никогда еще... никогда не была хозяйкой за столомъ... Я совсѣмъ не знаю, что мнѣ дѣлать, когда вы уѣдете...

Ее утѣшили, какъ могли, и она вымочила друзей своими слезами, цѣлуя ихъ поочередно.

Послѣ ужина трое отправились въ городъ, — никакъ нельзя было сидѣть дома послѣ того, что случилось. И когда прочли новыя зловѣщія телеграммы — сжали кулаки уже не въ безсильной ярости, а съ

твердой и спокойной рѣшимостью. Хорошо... Празднуйте пока ваши побѣды! Современемъ за все будетъ заплачено полностью.

Смѣшались опять съ жизнью улицы, воинственной и тревожной, съ наслажденіемъ переживая новое, еще не испытанное чувство, — чувство неразрывной общности со всей этой военной толпой, съ этимъ грохотомъ барабановъ и фанфарой трубъ. Бродили, пока не погасли фонари и не настала ночь, суровая, молчаливая ночь войны.

На утро поднялись съ разсвѣтомъ и одними изъ первыхъ стояли уже у воротъ какого-то школьнаго зданія, гдѣ помѣстилось, прямо подъ открытымъ небомъ, бюро по пріему добровольцевъ. Здѣсь же собрались другіе русскіе, поляки, чехи, болгары, итальянцы, греки и даже невѣдомо какъ сюда попавшіе люди съ далекаго Кавказа. Всякаго привлекла сюда, быть можетъ, своя собственная маленькая причина, но здѣсь, у воротъ бюро, всѣ слились въ одной общей цѣли. И, знакомясь, говорили другъ съ другомъ на смѣси полудюжины языковъ.

— Тутъ много хорошихъ металловъ! — рѣшилъ Моргано, зорко присматриваясь къ добровольцамъ. — И если сплавить ихъ всѣхъ вмѣстѣ, получится отличная бронза.

Въ самой живой наукѣ есть кое-что книжное и пахнущее пылью. Въ добровольческомъ бюро представителемъ науки былъ врачъ, — и сквозь врачебный осмотръ многоязыкая толпа пробиралась, какъ сквозь игольное ушко. Забракованные уходили, какъ приговоренные къ смерти, и даже Вольфъ пережилъ нѣсколько непріятныхъ минутъ. У него чуть-чуть не хватило въ груди, но онъ заставилъ измѣрить себя

еще разъ, надулся, какъ могъ сильнѣе — и все сошло благополучно.

Каждый изъ троихъ получилъ поздравленіе офицера, свой военный билетъ—и два франка на угощеніе. Такъ уже полагалось по священной традиціи. Первая партія должна была отправиться къ мѣсту формировки отряда уже въ тотъ же день, вечеромъ, — и, разумѣется, расторопный итальянецъ добился мѣста въ этой партіи и для себя самого, и для своихъ друзей.

Сборы въ дорогу не могли занять много времени и до вечера осталось еще нѣсколько свободныхъ часовъ. Трое, не торопясь, прошлись черезъ весь городъ и какъ-то совсѣмъ незамѣтно остановились у дверей Фаликона. Переглянувшись, кивнули головами—и Метальниковъ бодро скомандовалъ у стойки:

— Три пикона, господинъ Фаликонъ! И приготовьте покрѣпче, потому что это уже въ послѣдній разъ.

— Два съ гренадиномъ и одинъ съ лимономъ?

— Какъ всегда.

Жена хозяина внимательно посмотрѣла на Метальникова.

— У васъ сегодня очень свѣжій видъ, сударь! Вы, навѣрное, начали пить ромашку?

Метальниковъ хотѣлъ уклониться отъ прямого отвѣта, но невоздержный языкъ синьора Моргано открылъ тайну. А тайна эта сейчасъ же распространилась по всему кварталу,—и кафэ такъ переполнилось синими шинелями и красными штанами, что папа Фаликонъ началъ опасаться за цѣлость своей стойки. Однимъ изъ передовыхъ прибѣжалъ церковный сторожъ и заявилъ, крѣпко пожимая руки новымъ солдатамъ:

— Вѣдь, я опять предсказывалъ, что такъ должно случиться... Пусть теперь скажетъ кто-нибудь, что мы

не одолѣемъ! Ахъ, если бы только не моя проклятая нога...

— Да, я тоже вмѣсто резерва попросился бы на самыя передовыя позиціи, если бы только было на кого оставить мой домикъ!—вздохнулъ владѣлецъ маленькой виллы.

Монтеръ только ощупалъ крѣпкіе мускулы Метальникова и удовлетворенно крякнулъ. Онъ былъ совершенно согласенъ съ церковнымъ сторожемъ.

Вечеромъ Марія Роза проводила своихъ сосѣдей до вокзала. Ей очень хотѣлось посмотрѣть, какъ они помѣстятся въ вагонѣ, но на перронъ никого не пускали безъ спеціальныхъ пропусковъ, и она взяла торжественное обѣщаніе, чтобы ей выслали фотографію всѣхъ троихъ въ походной формѣ.

— Я повѣшу ее надъ своей кроватью. Патронъ не можетъ разсердиться на это, неправда-ли?

Когда всѣ уже сидѣли въ вагонахъ, на перронъ пробралась-таки какими-то невѣдомыми путями дѣвочка-подростокъ съ двумя кокардами въ прическѣ: русской и итальянской. Торопливо пробѣжала вдоль всего поѣзда, заглядывая въ каждый вагонъ. И, разглядѣвъ въ одномъ изъ нихъ растерзанную бородку Вольфа, бритыя щеки Метальникова и черные глаза Моргано, бросила имъ цѣлую охабку цвѣтовъ,—послѣдній привѣтъ солнечнаго юга.

Вольфъ окликнулъ дѣвочку, чтобы передать съ нею поклонъ папѣ Фаликону, но въ эту минуту поѣздъ уже тронулся. Это былъ неудобный воинскій поѣздъ, съ грубыми деревянными скамьями, установленными въ простыхъ товарныхъ вагонахъ, и однако же ѣхать въ немъ было веселѣе, чѣмъ въ роскошномъ южномъ экспрессѣ, потому-что весь онъ былъ наполненъ мо-

лодыми, крѣпкими и веселыми людьми. Люди смѣялись и пѣли, стараясь попадать въ тактъ, который отбиваютъ колеса,—и посылали воздушные поцѣлуи путевымъ сторожихамъ. И многимъ изъ этихъ людей казалось, что никогда не бывало еще такого радостнаго вечера, никогда такъ не пахли цвѣты и никогда не звучали такъ свѣжо и чисто молодые голоса. Вѣдь ѣхали-то не къ смерти, а къ побѣдѣ!

XII.

Прошло два мѣсяца, только два мѣсяца.

Срокъ — ничтожный для мирнаго времени, когда исправно работаетъ будничный маятникъ, но большой, слишкомъ большой для войны. Уже тысячи пудовъ пороху сгорѣли въ мгновенныхъ вспышкахъ, засыпали города и деревни тяжкимъ дождемъ свинца и стали, и на поляхъ, рядомъ съ глубокими траншеями, поднялись невысокими холмиками безчисленныя братскія могилы. И все-таки—не было еще видно конца, а церковный сторожъ, ссылаясь на авторитетные источники, утверждалъ, что все это—только маленькое начало.

Золоченая вывѣска Фаликона совсѣмъ поблекла. За все это время ее ни разу не удалось протереть начисто, потому что плюгавая дѣвчонка никакъ не могла до нея дотянуться, а младшаго брата хозяина не было дома.

Да, его не было,—и все, что отъ него осталось—это маленькая черная подушка, обтянутая крепомъ, съ приколотой къ ней военной медалью. Подушечку эту доставили изъ штаба вмѣстѣ съ краткимъ извѣщеніемъ о смерти Мишеля и съ пространнымъ приказомъ по

20

арміи, гдѣ излагался его подвигъ,—въ назиданіе живымъ. То былъ хорошій подвигъ и, прочитавъ приказъ, папа Фаликонъ цѣлый день крѣпился, чтобы не заплакать. И сдался только ночью, зарывъ голову въ подушки.

— А я то еще иногда говорилъ ему, что онъ никуда не годится... И все-таки—лучше онъ остался бы дома такимъ, какимъ былъ!

Но это была только минутная слабость, простительная въ ночномъ безмолвіи. И утромъ папа Фаликонъ почувствовалъ себя бодрымъ и успокоеннымъ, посмотрѣвъ на новенькую блестящую медаль. Эта медаль такъ недавно еще блестѣла на груди брата, когда онъ умиралъ въ полевомъ лазаретѣ.

Война не ждетъ, не признаетъ скучнаго маятника. Жена хозяина едва только успѣла осушить однѣ слезы— и уже должна была проливать другія. Самъ папа Фаликонъ уѣхалъ въ Алжиръ, чтобы пополнить гарнизонъ какого-то городка на границѣ пустыни. И въ кафэ остались только женщины.

Мать и дочь, при помощи плюгавой дѣвчонки, безъ труда справлялись теперь со всей работой. Мобилизація закончилась, всѣ размѣстились по назначенію и ожидавшая своей очереди толпа синихъ шинелей почти растаяла. Спросъ на табакъ и на напитки сильно понизился и у матери оставалось достаточно времени для шитья и для домашнихъ работъ, а у дѣвочки—для чтенія иллюстрированныхъ романовъ.

Однажды церковный сторожъ принесъ свѣжее извѣстіе:

— Доставили раненыхъ!

Для раненыхъ давно уже были приготовлены опустѣвшіе отели, но до этого дня кровавая волна не

успѣла еще докатиться къ южному побережью. Зато за первой волной послѣдовали и другія, почти каждый день, безъ перерыва. Раненыхъ было много. Большинство выздоравливало, нѣкоторые умирали. И, такъ какъ церковный сторожъ имѣлъ дѣло только съ послѣдними, его разсказы носили довольно мрачный характеръ. Слушая его, жена хозяина усиленно сморкалась, а дѣвочка разсѣянно перебрасывала страницы книги.

Выздоравливавшіе гуляли по городу и даже по временамъ заглядывали въ кафэ. Всѣ они были худы, черны отъ солнца и непогодъ, и у всѣхъ глаза смотрѣли задумчиво и строго изъ глубоко запавшихъ орбитъ. И почему-то они избѣгали разсказывать сами о томъ, что пережили въ огнѣ, а въ отвѣтъ на вопросы излагали событія холодно и сухо, какъ въ офиціальныхъ реляціяхъ. Впрочемъ, можетъ быть, имъ просто надоѣло уже въ сотый разъ говорить объ одномъ и томъ же.

Въ сущности, разсказы ихъ были довольно однообразны и изъ этихъ разсыпанныхъ единицъ очень трудно было бы составить связное цѣлое. Война теперь слишкомъ велика, чтобы ее могъ охватить взглядомъ одинъ человѣкъ, лежащій въ сырой траншеѣ или спрятанный за стальнымъ щитомъ скорострѣльной пушки. Эти люди могли сказать только, что дрались хорошо и сдѣлали все возможное, чтобы побѣдить врага. И дѣвочка у табачнаго прилавка опять со вздохомъ принималась за романы. Тамъ были такіе замѣчательные, такіе захватывавшіе духъ герои.

Такъ вотъ, прошло два мѣсяца. Былъ обѣденный часъ, когда еще остававшіеся постоянные кліенты уже приняли свой аперитивъ — и кафэ совсѣмъ пустовало.

20*

Жена хозяина вязала чулки, ея дочь читала. День выдался пасмурный и вѣтряный,—и выходъ на улицу, вмѣсто камышевой занавѣски, защищала уже стеклянная дверь.

Дверь хлопнула и вошелъ солдатъ въ выцвѣтшихъ брюкахъ, въ порядкомъ изношенной шинели. Лицо у него было худощавое и черное отъ загара, на плохо выбритомъ подбородкѣ топорщилась свѣтлая щетина, а правая рука висѣла на перевязи. Это былъ раненый—изъ выздоравливающихъ.

Солдатъ спросилъ себѣ папиросъ въ зеленой оберткѣ и, съ трудомъ открывъ лѣвой рукой пакетикъ, принялся закуривать. Потомъ посмотрѣлъ на дѣвочку, на хозяйку и спросилъ, выпустивъ густой клубъ дыма:

— Хозяина нѣтъ дома?

Хозяйка объяснила, поддѣвая спущенную петлю: да, хозяина нѣтъ дома. Онъ призванъ и уѣхалъ.

— Да, да! — солдатъ кивнулъ головой, какъ будто зналъ это и раньше. — А его братъ... Этотъ веселый молодой человѣкъ, который мылъ посуду... Да, я понимаю!

Хозяйка сдѣлала только легкое движеніе головой, но солдатъ понялъ его именно такъ, какъ слѣдовало. Теперь онъ уже узналъ все, что хотѣлъ, и могъ бы уйти, — но вмѣсто этого онъ вдругъ передвинулся къ стойкѣ и попросилъ какъ-то смущенно, выговаривая слова съ сильнымъ иностраннымъ акцентомъ:

— А что если бы... если бы я попросилъ у васъ три пикона. Одинъ съ лимономъ и два съ гренадиномъ?

Жена Фаликона опять спустила петлю, — и даже не одну, а нѣсколько, — и удивленно уставилась на солдата. Разглядѣла большіе выпуклые глаза, свѣтлую

щетину, которая явно стремилась превратиться въ жиденькую бородку.

— Боже мой, это вы? А я даже не предложила вамъ сѣсть... Но гдѣ же ваша борода?

— Знаете ли, на войнѣ она меня слишкомъ развлекала и я рѣшилъ ее остричь. Тамъ некогда много думать, а когда я не думаю — борода мнѣ не нужна.

Дѣвочка выбралась изъ-за прилавка, придвинула стулъ гостю. Тотъ сѣлъ, кряхтя, какъ старикъ, потеръ лѣвой рукой колѣни.

— Все еще побаливаютъ кости... Общая контузія и переломъ руки. И все надѣлалъ одинъ бризантный снарядъ... Это такая штука... Впрочемъ, вы, навѣрное, уже очень хорошо знаете, что такое бризантный снарядъ?

— Да, мы уже наслышались здѣсь обо всѣхъ этихъ ужасахъ! Но вы поправляетесь, неправда-ли? И ваши товарищи... Они тоже зайдутъ сюда, я надѣюсь? Вы ихъ ждете?

— Нѣтъ, сударыня. Они сами меня ждутъ тамъ, за Марной. И я вернусь туда, какъ только совсѣмъ поправлюсь. Мнѣ досадно, что я немножко отсталъ отъ нихъ... Хотя времени еще хватитъ!

Онъ побарабанилъ пальцами по цинковому листу стойки, посмотрѣлъ на дѣвочку и, вспомнивъ о прощальныхъ цвѣтахъ, ласково улыбнулся.

— Слушайте, дѣвочка! Когда вы совсѣмъ подрастете, эта великая война давно уже будетъ кончена, а когда подрастутъ ваши дѣти, о ней останется одно только смутное воспоминаніе. И люди, пожалуй, будутъ судить о ней вкривь и вкось, какъ они судятъ о многомъ, чего не могутъ понять. Такъ вотъ, скажите имъ, что вы видѣли человѣка, который былъ на этой войнѣ,

оставилъ тамъ двухъ друзей и вернулся только затѣмъ, чтобы набраться силъ для новой борьбы. И человѣкъ вамъ засвидѣтельствовалъ, что эта война была — хорошая война. Она отняла у меня кое-что — и все-таки я благословляю ее. Она создастъ для вашихъ дѣтей новую жизнь. А намъ, старымъ и ненужнымъ — намъ она дала возможность умереть почетной и гордой смертью!

Хотя въ этой маленькой рѣчи было очень много синтаксическихъ ошибокъ, дѣвочка, повидимому, поняла кое-что, такъ какъ отвѣтила серьезно:

— Да, сударь! Я запомню.

А хозяйка потянулась дрожащей рукой за бутылкой съ пикономъ и спросила, стараясь не смотрѣть на гостя:

— Но развѣ ваши товарищи... ваши товарищи...

Она не договорила. Совсѣмъ не нужно договаривать то, что понятно само собою.

Вольфъ придвинулъ рюмку.

— Приготовьте только одинъ, сударыня... Трехъ, пожалуй, будетъ слишкомъ много. Только одинъ.

Николай Олигеръ.

ОБЫКНОВЕННОЕ СЕМЕЙСТВО

М. КУЗМИНЪ

ОБЫКНОВЕННОЕ СЕМЕЙСТВО.

Противъ оконъ дачи Рошковыхъ какъ разъ помѣщались казармы. Весной это даже чуть было не остановило Клавдію Павловну отъ того, чтобы вообще снимать этотъ домъ, но онъ былъ построенъ такъ удобно для размѣщенія ихъ семьи, за жильемъ былъ разбитъ такой пріятный, хотя нѣсколько и запущенный садъ, прилегавшій къ пустынному полю, что примирились съ военнымъ сосѣдствомъ. Клавдія Павловна, выросшая въ имѣніи, сохраняла достаточно вкуса, чтобы приходить въ ужасъ ото всего, что напоминало дачи. Потому ей нравились и нелѣпыя темноватыя комнаты съ разнокалиберною старинною мебелью, и неудобная кухня черезъ дворъ, и плохой садъ съ дикими яблонями, и кочковатое поле за нимъ; даже вечернія зори трубачей ее не слишкомъ тревожили, будучи характерными во всякомъ случаѣ не для дачной жизни. Можетъ быть, единственно эту уступку своему вкусу, да и то стыдясь и скрываясь, сдѣлала Клавдія Павловна, во всей своей жизни тихо и незамѣтно безъ вида святой женщины подчиняясь удобствамъ мужа и еще болѣе дѣтей: Лизаньки, Калеріи и Кирилла. Желанія и удобства тѣхъ иногда представлялись всякому человѣку

сплошнымъ неудобствомъ и несносіемъ и для другихъ, и для нихъ самихъ, но Клавдія Павловна даже не старалась понять и объяснить себѣ чужія причуды, полагая, что, значитъ, чему то онѣ удовлетворяютъ, разъ практикуются, несмотря на очевидную свою нелѣпость. Къ числу такихъ непонятныхъ удобствъ относилось и пристрастіе младшей дочери Рошковыхъ, Лизаньки, къ барышнѣ Цвѣтковой, Ѳеофаніи Ларіоновнѣ, въ просторѣчьи Фофочкѣ. Дѣйствительно, нужно было имѣть какое-то извращенное терпѣніе, чтобы не удовольствовавшись за зиму вздорной, несмолкаемой болтовней Фофочки, приглашать ее еще и на лѣто гостить, т. е. находиться въ непрывномъ и непосредственномъ общеніи съ нею. Конечно, словоохотливость и даже странности можно легко простить, если онѣ не такого назойливо дурного тона, что изъ-за нихъ какъ-то даже не хочется разбираться, какого человѣка онѣ скрываютъ и уродуютъ.

Фофочка слѣдила за модою и потому мѣнялась почти каждые три года, а то и чаще, но на всѣ фасоны умѣла накладывать какой-то свой фасончикъ, отчего всѣ выходили скверными, а иногда и прямо оскорбительными, когда ея увлеченіе ко зеркало не моду, а искреннее и глубокое стремленіе. Въ настоящую минуту Фофочка находилась въ неопредѣленномъ положеніи, такъ какъ послѣ того, какъ она только что пріучилась къ демоническому образу мыслей, ей сейчасъ же пришлось перестраиваться на легкомысленный, а теперь какъ-то непонятно опрощаться (не по-толстовски и не по-народнически) и чуть ли не обращаться къ религіозности. Самымъ удобнымъ она нашла пуститься въ теософію, зная, что тамъ не будутъ гонять ко всенощнымъ, можно оставаться легкомыслен-

ной, а при желаніи можно найти даже демонизмъ. Но достаточно ли это просто? Объ этомъ-то Феофанія Ларіоновна и думала, помѣщаясь на очень неудобной коротенькой кушеткѣ, спинкою къ окну. Брови Фофочки сдвинулись отъ напряженія, а, можетъ быть, и отъ досады, что никого нѣтъ около нея, кому бы она могла изложить свои затрудненія, пожаловаться, спросить совѣта. Въ послѣднемъ она не особенно нуждалась, но говорить хотѣлось ей неудержимо. А между тѣмъ всѣ куда-то разбрелись по лѣтнему.

Ѳеофанія Ларіоновна поднялась на локтѣ, и чуть не свернувъ шеи, но все же не вставая съ кушетки, посмотрѣла въ окно. Оно выходило въ садъ, но деревья были посажены такъ близко къ дому, что черезъ ихъ листья едва можно было разсмотрѣть, что дѣлается на крокетной площадкѣ. Два бѣлыхъ платья, два черныхъ, подростокъ и защитный китель. Всѣ въ сборѣ, значитъ, и Андрей Ивановичъ пріѣхалъ. Фофочка провела рукою по прическѣ, сорвала астру, перегнувшись черезъ окно, хотѣла было всунуть ее въ волосы, но потомъ бросила и, приколовъ къ кофточкѣ листокъ сирени, вышла въ садъ. Фофочка заговорила весело еще на ходу:

— Вотъ кто пріѣхалъ! самъ Андрей Ивановичъ! и привезъ намъ солнце не только для Лизы, а для всѣхъ. Вы не вѣрите? ну, смотрите: даже матушка Девора вышла погрѣться, а она и по характеру, и по сану— затворница. Не ревнуй, Лизокъ, но я такъ рада Андрею Ивановичу, что готова его расцѣловать. Не бойтесь, это я нарочно. Но почему вы всѣ такіе скучные? я вамъ помѣшала? у васъ семейный совѣтъ какой-нибудь?

Дѣйствительно, всѣ находившіеся на крокетной пло-

щадкѣ имѣли пасмурный видъ, совершенно не соотвѣтствующій ясному дню, которому такъ радовалась Фофочка.

— Отчего, правда, вы такіе смѣшные какіе-то?

— Андрей Ивановичъ уѣзжаетъ и прощался съ нами—отвѣтила за всѣхъ мать Девора.

— Андрей Ивановичъ? куда, зачѣмъ?.

— Объявили мобилизацію и онъ отправляется. Вѣроятно, войны не миновать—добавилъ Кириллъ.

— Война! какъ это интересно!—воскликнула было Ѳеофанія Ларіоновна, но общее молчаніе остановило ее. Всѣ безъ словъ переглянулись, а Андрей Ивановичъ пробормоталъ не то смущенно, не то обиженно:

— Конечно, можно смотрѣть и съ такой точки зрѣнія.

Видно было, что Калерія Семеновна хотѣла что-то вымолвить, но воздержалась и вмѣсто нея снова заговорила мать Девора:

— Тягостно это слышать, сударыня, что такое дѣло, какъ война, вамъ представляется только интереснымъ. Если бы даже не были замѣшаны ваши близкіе, и то не слѣдовало бы такъ неосмотрительно говорить.

— Я совсѣмъ не то хотѣла сказать. Я именно согласна съ вами. Во время войны долженъ быть такой подъемъ, такой восторгъ, что нечего вѣшать носы только отъ того, что Андрюшу куда-то мобилизуютъ. Вотъ, что я хотѣла выразить.

Опять всѣ молча переглянулись и снова рѣчь взяла на себя мать Девора:

— Кто вѣшаетъ носъ? опомнитесь! Но не на одной же ножкѣ прикажете скакать, или интересоваться, какъ вы интересуетесь. Проводи меня, Лизанька, въ домъ. Не безпокойтесь, Андрей Ивановичъ, я ее не задержу, тотчасъ пришлю обратно. Я понимаю васъ.

И взявъ подъ руку дѣвушку, чуть наклонившись, такъ какъ была почти на голову выше своей спутницы, мать Девора не спѣша направилась къ трехколонной лѣстницѣ балкона.

— Прямо «Дворянское гнѣздо!»—попробовала пошутить Фофочка, но Андрей Ивановичъ такъ пристально смотрѣлъ вслѣдъ уходившимъ, что, казалось, не слышалъ словъ дѣвицы Цвѣтковой. Кириллъ надуто поправлялъ кушакъ, лишь Калерія Семеновна смотрѣла на гостью съ сочувствующей улыбкою, сидя на скамейкѣ и болтая ногами.

— Неправда-ли, похоже на Тургенева?—снова обратилась прямо къ ней Фофочка. Калерія громко разсмѣялась, такъ что Кириллъ, обернувшись къ ней, даже фыркнулъ и зашагалъ прочь. Ободренная Ѳеофанія Ларіоновна обняла дѣвушку и совсѣмъ весело воскликнула:

— Ужасно смѣшно, неправда-ли?

Та ее крѣпко поцѣловала.

— Если бы ты знала, какая ты смѣшная, Фофочка! Ну, чего ты разстраиваешься и пробуешь разныя штучки? Все такъ просто, что, если хочешь, даже неинтересно. А ты страшно смѣшная!

Прошло уже много времени съ тѣхъ поръ, какъ Андрей Ивановичъ Тихоновъ отправился на мѣсто своего назначенія; дѣйствительно, была объявлена война, событія слѣдовали за событіями, а Рошковы продолжали пребывать въ видимой неизмѣняемости. Такъ же гостили мать Девора, сестра Клавдіи Павловны и Ѳеофанія Ларіоновна, такъ же почти ежедневно посѣщалъ ихъ дальній родственникъ Антонъ Казиміровичъ Скоблевскій, такъ же играли въ крокетъ, Лиза не имѣла чрезмѣрно грустнаго вида и только Фофочка

все не могла придумать, какъ ей держать себя! Всѣ манеры, которыя она практиковала до войны, казались ей теперь нѣсколько неумѣстными, новыхъ она еще не примѣтила и ходила, какъ потерянная, отъ Лизаньки къ Калеріи, отъ Калеріи къ Кириллу, обращаясь иногда даже къ матери Деворѣ и пану Скоблевскому.

Старики Рошковы были въ городѣ, когда однажды къ нимъ на дачу явился Антонъ Казиміровичъ въ большомъ волненіи, съ развернутой газетой въ рукахъ. Узнавъ, что старшихъ нѣтъ дома, онъ не остался съ барышнями, а прошелъ къ матери Деворѣ, на ходу только сказавъ Лизѣ:

— Ну, Лизавета Семеновна, теперь я вижу, что вашъ женихъ — герой.

— Да?

— Да, да, несомнѣнно, такъ же, какъ то, что меня зовутъ Антономъ.

— Изъ чего же вы это заключаете? — вмѣшалась Фофочка.

Скоблевскій взглянулъ на нее орломъ и, помолчавъ, отвѣтилъ:

— Заключаю-съ. А почему, вы, милая барышня, все равно не поймете.

— Почему же я не пойму? что же я, такая глупая?

— Не въ глупости дѣло. Вамъ данъ умъ, чтобы насъ дураковъ, обольщать, и больше — ни-ни! Ну, какой сегодня день?

— Пятница.

— Вотъ и ошиблись! Сегодня не пятница, а великій день, единственный, котораго я не смѣлъ думать, что дождусь. Вотъ какой сегодня день, а не пятница.

И онъ быстро направился къ дому, помахивая газетою.

— Удивительно! — замѣтила ему вслѣдъ Фофочка — что поляки и французы, т. е. націи, наиболѣе выработавшія рыцарскія отношенія къ женщинѣ, обращаются съ нами оскорбительно! Какое-то пренебреженіе, какъ къ малолѣткамъ, вмѣстѣ съ тѣмъ обожаніе, возвышеніе и т. п. выдумки!..

— Какъ же прикажете съ вами обращаться, особенно съ вами лично? — недовольно проговорилъ Кириллъ.

Ѳеофанія Ларіоновна вздохнула.

— Ужъ вы то бы хоть молчали, Кириллъ!

— Я не знаю, чему же тутъ удивляться? это вполнѣ естественно! — отозвалась довольно равнодушно Калерія, а Лиза только произнесла, ни къ кому не обращаясь:

— Отчего Андрюша — герой? не понимаю... т. е. отчего онъ сегодня больше герой, чѣмъ вчера? Не случилось ли съ нимъ чего? Въ газетахъ я ничего не читала. Можетъ быть, письмо, но почему тогда не мнѣ, а Антону Казиміровичу?

Она пошла тоже было по направленію къ террасѣ, какъ Фофочка догнала ее и зашептала, беря за локоть:

— Лиза, другъ мой, отчего ты такъ отдалилась отъ меня? если ты меня разлюбила, или я тебѣ непріятна, скажи прямо безъ церемоніи.

Замедливъ шагъ, дѣвушка отвѣтила:

— Съ чего ты это взяла, Фофочка? я совершенно такъ же къ тебѣ отношусь, какъ и прежде. Но это время такое, что, можетъ быть, я кажусь нѣсколько разсѣянной. Это ничего не значитъ.

— Нѣтъ, ты не говори. Меня не обманешь. Я чувствую, да и просто вижу, что ты не та со мною. Ты даже мнѣ не разскажешь, какъ ты любишь Тихонова.

— Но какъ же это разсказывать? Я думаю, что я его люблю, какъ вообще любятъ, не какъ-нибудь особенно.

— Отчего же такое безчувствіе? Ты даже ходишь въ цвѣтныхъ платьяхъ...

— Зачѣмъ же я буду носить трауръ?! Андрей Ивановичъ, слава Богу, не умеръ.

— Но, вообще, такое время. Хоть бы пошла въ сестры милосердія.

— Я, можетъ быть, это и сдѣлаю.

— Правда, Лиза, правда? вотъ и я тогда пойду съ тобою!..

— Я не знаю. Вѣдь для этого тоже нужны способности...

— Ну, какія тамъ способности! Просто желаніе. А подумай, какъ это будетъ хорошо! Женихъ на войнѣ, невѣста ухаживаетъ за ранеными, можетъ быть, за нимъ же самимъ...

— Что ты, Фофочка? зачѣмъ Андрюша будетъ раненъ? Богъ милостивъ!

— Я такъ, къ примѣру. Какъ жаль, что у меня нѣтъ жениха въ арміи!

Лиза не поддержала разговора, а Фофочка задумалась, вѣроятно, о томъ, какъ хорошо было бы, если бы она имѣла сражающагося жениха. Въ залѣ ихъ встрѣтилъ Кириллъ, выходившій изъ комнаты матушки Деворы. Садъ онъ покинулъ раньше нашихъ дѣвицъ. Теперь онъ будто не видѣлъ ихъ, такъ что столкнулся носъ къ носу. Вмѣсто извиненія онъ сказалъ зачѣмъ то очень громко:

— Можете меня поздравить: я иду въ добровольцы.

— Какъ? — воскликнули обѣ дѣвушки вразъ.

— Такъ же, какъ обыкновенно идутъ. Вмѣстѣ съ Антономъ Казиміровичемъ.

— Онъ тоже идетъ?

— Идетъ! Онъ сегодня самъ не свой, даже поблагословился у тети Деворы... Объявили манифестъ,— вотъ онъ съ ума и сходитъ. Наша игуменья тоже молодецъ: такъ храбрится, что мое почтенье. Обѣщалась поговорить съ мамой, чтобы меня отпустила...

— А отъ Андрея Ивановича ничего не получалъ Антонъ Казиміровичъ?

— Нѣтъ, кажется ничего.

— Они тамъ еще?

— Тамъ. Восторженны оба необычайно...

Лиза прошла въ комнату игуменьи, а Фофочка стояла съ широко раскрытыми глазами, молча, будто онѣмѣла.

— Что вы, Ѳеофанія Ларіоновна, такъ глаза таращите?—спросилъ Кириллъ.

Фофочка сказала тихо, будто вздохнула:

— Вотъ и вы—герой!

— Чего это?

— Вотъ и вы — герой, лучезарный всадникъ съ пылающимъ сердцемъ! Вы поѣдите далеко, далеко! Какое наслажденье въ битвахъ! грудь трепещетъ, какъ при страстныхъ свиданіяхъ... Отчего мы не въ среднихъ вѣкахъ?! я бы переодѣлась вашимъ пажемъ, отирала бы потъ съ вашего чела, въ шлемѣ приносила бы вамъ воды изъ ручья!

— Ну, что вы, Ѳеофанія Ларіоновна, зачѣмъ это? будто у насъ солдатъ мало!

— Да что же дѣлать мнѣ? не могу же я дѣлать то, что дѣлала до сихъ поръ! Я хочу пріобщиться, хочу горѣть, вдохновлять и вдохновляться. Кириллъ, почему я не ваша невѣста?! Вы—герой, нашъ рыцарь,

21

нашъ витязь!.. Боже мой, Боже мой, какія переживанія, какая острота! можно ждать десять лѣтъ, чтобы однажды испытать такія минуты!

— Перестаньте, право, Ѳеофанія Ларіоновна!

Но Фофочка уже ничего не слыхала. Она будто закусила удила и помчалась, нагромождая сравненія одно другого изысканнѣе и поэтичнѣе, закрывъ глаза, какъ соловей и не отпуская рукава Кирилла, за который она его ухватила при началѣ рѣчи. Наконецъ, молодой человѣкъ снялъ свободной рукою руку Фофочки и произнесъ, задыхаясь:

— Ради Бога, замолчите! Еще нѣсколько словъ, и клянусь вамъ, я не пойду въ добровольцы!

— Отчего?

— Оттого, что мнѣ самому все дѣлается смѣшно и противно, когда я васъ слушаю.

— Вы не понимаете поэзіи, мой другъ!

— Я не знаю, понимаю ли я, или не понимаю поэзіи, я просто хочу итти сражаться, потому что я русскій, здоровъ, не труслив̆ъ и ничѣмъ особенно не связанъ,—вотъ и все. А вы городите какой-то вздоръ!

— Но, Кириллъ, послушайте, вѣдь тотъ подъемъ, который одушевляетъ васъ...

— Ради Бога, не надо!—кричалъ Кириллъ, затыкая уши—я былъ, какъ именинникъ, а вы мнѣ все портите!—и онъ быстро вышелъ въ садъ. Фофочка состроила гримаску и, подождавъ немного Лизу, отправилась отыскивать Калерію, которая какъ ей казалось, болѣе всѣхъ понимаетъ мечты, которыя ее, Фофочку, одушевляли.

Калерія Семеновна по своему легкомысленному и какому-то вмѣстѣ съ тѣмъ равнодушному характеру, терпѣливѣе всѣхъ переносила разговоры и изліянія

Фофочки, часто даже сочувствуя имъ. Теперь Ѳеофанія Ларіоновна спѣшила съ необычайною новостью, что Кириллъ идетъ въ добровольцы, забывъ, повидимому, о его нелюбезности. Калерія и это извѣстіе приняла равнодушно и легкомысленно.

— Можетъ, хвастаетъ только!—проговорила она лѣниво.

Она все такъ и сидѣла на крокетной площадкѣ, покуда всѣ ходили въ домъ. Можетъ быть, она отъ лѣни и выслушивала терпѣливо Фофочкины тирады, но послѣднюю нѣкоторая апатичность слушательницы только шпорила. И теперь она съ необыкновеннымъ жаромъ набросилась на собесѣдницу:

— Совсѣмъ не хвастаетъ, а твердо рѣшилъ, и Антонъ Казиміровичъ идетъ, а я и Лиза поступимъ въ сестры милосердія.

— Вотъ какъ! Значитъ, всѣ распредѣлились, одна я осталась не при чемъ.

— Ты, конечно, будешь съ нами: со мной и Лизой.

Калерія, замолчавъ, спросила:

— Да Кириллъ-то говорилъ съ родителями?

— Нѣтъ еще.

— Ну, тогда дѣло ясное! Они его не отпустятъ, такъ что онъ можетъ болтать, что ему угодно.

— Противная ты какая, Калерія, если-бъ ты знала! Съ родителями будетъ говорить тетя Девора, она взяла это на себя и достигнетъ, потому что ты знаешь, какая она убѣдительная.

— Да, если тетя Девора взялась за это дѣло, то еще можетъ что-нибудь выйти. Только Кириллу нечего особенно форсить: я бы на его мѣстѣ поступила такъ же!

— Неправда-ли? Вотъ и я тоже говорю, какая

21*

досада, что мы не можемъ переодѣться и отправиться въ армію, или устроить отрядъ амазонокъ! Вотъ было бы чудно!

— Я говорю: на его мѣстѣ, а на своемъ я не собираюсь производить никакихъ экстравагантностей.

— Что же ты будешь дѣлать?

— Я? То же, вѣроятно, что и прежде, я не знаю. Я думаю, что дѣла всѣмъ найдется, особенно теперь.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ. Нельзя такъ говорить, быть такой безчувственной. Что ты, не русская, что ли, или у тебя вмѣсто крови простокваша?

Калерія отвѣчала, слегка нахмурясь:

— Не намъ судить, кто изъ насъ болѣе русская. Что я не сотрясаю воздухъ и не ломаю стульевъ, еще ничего не значитъ.

— Что же по твоему что-нибудь значитъ?

— По моему, теперь наиболѣе русскій тотъ, кто не теряетъ бодрости, вѣритъ и добросовѣстно дѣлаетъ, что умѣетъ и можетъ.

— Точь-въ-точь Кириллъ — никакого полета!

— Полетъ — свойство обоюдоострое и чѣмъ важнѣе минута, тѣмъ онъ менѣе пригоденъ, можетъ быть.

Фофочка отъ досады даже умолкла и сидѣла, смотря на виднѣвшіяся черезъ садъ казармы, чуть бѣлѣвшія въ сумеркахъ. Вдругъ тихій воздухъ всколыхнулся отъ звука трубы, какъ-то одиноко и особенно чисто пропѣвшей ноты вечерней зори.

— Вотъ такъ и у насъ. Вдругъ тихій воздухъ прорѣжетъ звукъ трубы и все измѣнится; мы сами не знаемъ какъ, одно знаемъ только, что измѣнится—... произнесла Фофочка задумчиво.

Калерія, не двигаясь, отвѣчала:

— Это вѣрно, но измѣнимся душою, внутренне.

— Да, но измѣнившись внутренне, мы будемъ и поступать иначе.

— Можетъ быть. Но возьмемъ тебя, Фофочка... Развѣ ты измѣнилась? Ты прости меня, я тебя очень люблю, но какая ты была безтолковая болтушка и хвастуша, такою и осталась, только все это направилось въ другую сторону. И знаешь? Покуда ты болтала о своихъ переживаніяхъ, это было забавно, но теперь это дѣлается несноснымъ и почти оскорбительнымъ.

— Скажите, пожалуйста, какая чувствительность! Что же, по твоему лучше сидѣть колодами, какъ вы всѣ?

— Вѣроятно, лучше. Ты не думай, что я это говорю отъ себя. Мнѣ бы до этого не додуматься, — я вѣдь глупая, въ сущности, и ни будь такъ лѣнива, можетъ быть, скакала бы вродѣ тебя. Меня тетя Девора надоумила. Ты тутъ какъ-то при ней юродствовала и развивала свои экзальтаціи, она внимательно очень слушала, не противорѣчила, а потомъ, когда ты ушла, и говоритъ: «Какое пустомысліе! Даже если бы эта барышня искренне говорила, слѣдовало бы сообразить, что нельзя о совершенно разныхъ вещахъ говорить въ одномъ и томъ же тонѣ. Этимъ она показываетъ, что ей важенъ не предметъ, о которомъ она волнуется, а само это ея волненіе. Это, говоритъ, эпикурейство и самый пустяшный диллетантизмъ. Такому горѣнію — грошъ цѣна». Меня очень поразили тогда слова тети и я долго думала. Мнѣ кажется, она права. Потомъ, это какъ-то безвкусно. Я не съ точки зрѣнія эстетизма говорю, а про то, что твоя восторженность что-то оскорбляетъ...

Вѣроятно, за всю свою жизнь Калерія Семеновна не произносила такой длинной рѣчи. Она даже будто

утомилась, или сконфузилась, потому что лѣниво добавила:

— Можетъ быть, и вздоръ, конечно. Я такъ разговорилась, потому что тогда слова тети мнѣ очень запали въ душу.

Фофочка притихла въ темнотѣ; наконецъ, произнесла: «Вотъ какъ!» съ совершенно непонятной интонаціей, съ укоромъ ли, недовѣріемъ, вопрошая, или подтверждая — ничего неизвѣстно.

Неизвѣстно также было, имѣли ли слова Калеріи какое-нибудь практическое вліяніе на поступки и поведеніе Ѳеофаніи Ларіоновны, или она по какимъ другимъ случайнымъ причинамъ была гораздо тише, когда вечеромъ вошла въ комнату Лизы, гдѣ та сидѣла при свѣчахъ надъ полуисписаннымъ почтовымъ листкомъ.

— Можно у тебя посидѣть, Лиза? Я буду тихо сидѣть, мѣшать не буду!

— Что за вопросъ! Конечно, — отвѣчала Лизавета Семеновна, не оборачиваясь, и снова заскрипѣла перомъ.

Фофочка вздохнула раза два, но такъ какъ пишущая на ея вздохи не обратила вниманія, она, наконецъ, спросила:

— Андрею Ивановичу?

— Да.

Еще помолчавъ, гостья взяла книгу, подержала ее минутъ пять, взяла другую изъ низенькаго шкапчика, зѣвнула и снова завела, будто въ пространство:

— Счастливая ты, Лиза!

— Я?

— Да, ты.

— Конечно, счастливая.

Отвѣтъ какъ будто нѣсколько обезкуражилъ Ѳео-

фанію Ларіоновну, такъ что она возразила съ нѣкоторой обидой:

— Почему же ты счастливая?

— Чему же ты удивляешься! Ты сама находишь меня счастливой!

— Да, но самой себя находить счастливой какъ-то странно. Тутъ есть, согласись, какая-то ограниченность, отсутствіе стремленія.

Лизавета Семеновна не тотчасъ отвѣтила, такъ какъ, кончивъ письмо, какъ разъ запечатывала его. Не спѣша сдѣлавъ и это, она повернулась къ Фофочкѣ и сказала, будто связывая оборвавшуюся нить:

— Ограниченность, ты говоришь? Можетъ быть. Но вѣдь я и на самомъ дѣлѣ очень обыкновенный и, если хочешь, ограниченный человѣкъ. Я люблю искренне Андрюшу, знаю, что онъ меня любитъ, уважаю его, какъ защитника родины, вѣрю, что мои молитвы его спасутъ. Но если бы для побѣды отечества потребовалась Андрюшина жизнь, я бы ни минуты не роптала даже въ мысляхъ. Я окружена людьми мнѣ близкими и дорогими, здорова, въ мирѣ сама съ собою — чего же мнѣ еще?

— Да, но ты сама, ты сама...

— Что я сама?

— Какъ ты себя проявляешь?

— Во-первыхъ это не для всѣхъ необходимое условіе счастья, а во-вторыхъ развѣ въ томъ, что я сказала, не достаточно проявленія? Я не знаю, что я должна еще дѣлать?

— Ну, прекрасно. У тебя масса мужества, такъ его нужно проявлять, темпераментъ—тоже!

— Но какъ же я буду на нашей мирной дачѣ проявлять свой темпераментъ и мужество, которое ты

во мнѣ предполагаешь? Я бодра, терпѣлива, не падаю духомъ, дѣлаю, что могу...

Фофочка даже вскочила и въ нетерпѣніи заговорила:

— Не то, не то, не то! ты говоришь, какъ безчувственная машина. Нужно зажигать!

— Кого?

— Хотя бы меня!

— Кажется, этого не требуется. Вообще, я не понимаю, изъ-за чего ты волнуешься. Мы всѣ, конечно, волнуемся, но къ чему это такъ выставлять на показъ?

— Мнѣ такъ легче.

— Ахъ, тебѣ такъ легче, это другое дѣло. А представь, что мнѣ легче вести себя, какъ я себя веду.

— Меня это возмущаетъ!

Лиза пожала плечами, взяла запечатанный конвертъ и, будто про себя, начала:

— Я писала Андрюшѣ. Можетъ быть, тебѣ тоже показалось бы, что въ письмѣ нѣтъ ничего бодрящаго. Тамъ нѣтъ громкихъ фразъ, да, но я увѣрена, что онъ въ новостяхъ, мелочахъ, словахъ любви увидитъ, что я добра, люблю его, вѣрую въ побѣду Россіи—и это дастъ и ему большую увѣренность и спокойствіе.

— Нервы, нервы нужны, а не спокойствіе!

— Нервы сами дадутъ себя знать, когда нужно. Нечего ихъ винтить.

— Письма не всегда доходятъ!—съ азартомъ выговорила Фофочка.

Лиза пристально на нее посмотрѣла, потомъ отвела глаза и заговорила спокойно:

— Иногда и доходятъ... я не объ этомъ. Такъ вотъ, я писала искренно, не думая даже, подбодритъ мое письмо Андрюшу, или нѣтъ. Я потомъ это увидѣла.

Но у меня у самой такая явилась тихая любовь къ родинѣ, покуда я писала туда, я такъ поняла себя русской, такъ сильно и свято, что, прости меня, твои «горячія слова» не спугнули (о нѣтъ!) и не испортили этого чувства, но показались мнѣ какимъ-то назойливымъ органчикомъ, ну скажемъ, въ часовнѣ. Неумѣстно.

— Но вѣдь и я—живой человѣкъ и я не могу!

— Чего ты не можешь?

— Жить такъ.

— Живи иначе.

— Но какъ, какъ? не пустятъ же меня въ дѣйствующую армію.

— Конечно. И хорошо сдѣлаютъ.

— Что же мнѣ дѣлать?

— Ты искренне спрашиваешь моего совѣта?

— Ну, конечно.

— Прежде всего успокоиться, а тамъ видно будетъ.

Фофочка хрустнула пальцами, но ничего не отвѣчала.

Она, дѣйствительно, страдала, но не совсѣмъ такъ, какъ думала и какъ говорила, что страдаетъ. Ея неудовлетворенность состояла главнымъ образомъ въ неумѣніи найти тонъ и въ сознаніи очевидной своей ненужности. Самыя простыя мысли обыкновенно находятся труднѣе всего, такъ и Фофочкѣ никакъ не представлялось, что въ сущности никакой тонъ не надобенъ. Чѣмъ больше она старалась, тѣмъ больше сбивалась съ толку и вчужѣ было жалко человѣка, что онъ такъ хлопочетъ чего-то и все напрасно. Ее охватывалъ настоящій подлинный ужасъ при малѣйшемъ намекѣ на чье-либо видимое спокойствіе. Не находя горячаго сочувствія, она принялась за чтеніе газетъ и за собираніе ходившихъ слуховъ, причемъ извѣстія и

сплетни угрожающаго и неблагопріятнаго характера принималась ею съ большею охотою и жадностью, какъ дававшія больше причинъ для тревогъ и волненій, безъ которыхъ теперь она не мыслила возможнымъ жить.

Кромѣ занятій политикой, она обратила еще свое вниманіе на Кирилла, но потерпѣвъ неудачу въ героизаціи этого молодого человѣка, Фофочка адресовалась къ нему съ болѣе доступнымъ и довольно обыкновеннымъ флиртомъ на сентиментальной почвѣ. Юный доброволецъ не могъ этого не замѣтить, но былъ доволенъ уже тѣмъ, что Ѳеофанія Ларіоновна не такъ много говоритъ о войнѣ, хотя нѣкоторое безпокойство не оставляло его ни на минуту: вдругъ заговоритъ, вдругъ заговоритъ.

Въ этотъ вечеръ, поджидая Фофочку въ саду, онъ какъ то не думалъ объ этомъ, можетъ быть, потому, что вообще мысли его были заняты скорѣе предстоящимъ отъѣздомъ, нежели покидаемой барышней. Онъ даже не замѣтилъ, какъ она подошла къ нему и очнулся отъ задумчивости только, когда почти около самаго его уха раздалось:

— Я васъ заставила ждать. Простите.

— Ничего, я задумался.

— О чемъ же вы задумались?

— Да вотъ скоро уѣду...

— Да, скоро вы уѣдете. Это—ужасно, но хорошо!

Кириллъ ничего не отвѣтилъ, почувствовавъ только, что его собесѣдница зашевелилась въ темнотѣ, такъ какъ запахъ духовъ болѣе сильной струей достигъ до него и его руку взяли двѣ небольшія холодныя ладони.

Нѣсколько времени и въ такомъ положеніи посидѣли не говоря. Наконецъ, Фофочка спросила совсѣмъ тихо:

— Но вы будете писать?
— Т. е. какъ писать?
— Письма.
— Вѣроятно, иначе будутъ безпокоиться. Конечно, важнѣе мнѣ получать извѣстія изъ дому, но и самъ буду посылать домой письма.
— Не только домой, но и мнѣ.
— Не знаю... вѣдь много-то писать у меня времени не будетъ.
Фофочка помолчала, лишь сильнѣе сжимая Кириллову руку. Чувствовалось, что ей трудно удержаться отъ какой-нибудь тирады. И то, что она произнесла, было почти искренне и просто, хотя истерическая нотка и звучала слегка:
— Но, милый, вѣдь мы же любимъ другъ друга, неправда-ли! такъ какъ же безъ переписки? это очень обидно.
— Я не говорю, что я совсѣмъ не буду писать, но не такъ часто, какъ вы бы, можетъ быть, хотѣли и какъ нужно было бы.
— Милый, я буду такъ ждать вѣстей отъ моего героя, отъ моего рыцаря! Мыслями и всегда буду летѣть туда... подъ шрапнель, подъ градъ пуль... Можетъ быть, тебя опредѣлятъ авіаторомъ и вотъ мой возлюбленный, какъ вольный орелъ, будетъ разсѣкать тучи!..
— Господи! — подумалъ Кириллъ, — не успѣлъ я упомянуть о письмѣ, какъ ужъ она, Богъ знаетъ, что заговорила! а что же будетъ, если я, дѣйствительно, пойду на войну и буду ей писать!? Онъ такъ подумалъ, но вслухъ сказалъ только:
— Чтобы быть авіаторомъ, нужно учиться, и не мало.
— Развѣ? а по ему, если бы пришелъ такой случай,

напримѣръ, бросить бомбу въ непріятельскій лагерь, я бы безо всякаго ученья сѣла бы и поѣхала. Тутъ подъемъ духа важенъ.

— Не только...

— Ну да, я знаю, ты такой противный! позируешь на простоту и равнодушіе, вродѣ Лизы. Это у васъ семейное. А въ глубинѣ души ты не можешь быть такимъ, ты только скрытенъ, правда?

— Нѣтъ, по моему я такой и на самомъ дѣлѣ, какъ говорю, я не притворяюсь.

— Зачѣмъ же ты тогда идешь въ добровольцы?

— Во всякомъ случаѣ не для того, чтобы искать тамъ какихъ-то особенныхъ сенсацій. Я молодъ, здоровъ, свободенъ, у насъ война и я—русскій,—какъ же мнѣ не итти? Я могу быть полезенъ въ общей массѣ—и я иду.

Фофочка въ темнотѣ вздохнула и, помолчавъ, начала уже на другую тему:

— Какъ странно! вотъ мы любимъ другъ друга, вы не сегодня, завтра уѣзжаете, а мы разговариваемъ совсѣмъ не какъ влюбленные.

— Отчего же? мы разговариваемъ, какъ придется. По моему, чѣмъ люди больше любятъ, тѣмъ они ближе одинъ къ другому, слѣдовательно меньше стѣсняются, болѣе откровенны и бесѣды ихъ болѣе разнообразны.

Дѣвушка разсмѣялась.

— Ну, ужъ знаете, это разсужденіе никуда не годится. Это все равно, какъ люди послѣ свадьбы должны ходить въ капотахъ и халатѣ. Это—не дѣло, да я совсѣмъ не о томъ и говорила. Люди влюбленные—чутки одинъ къ другому, понимаютъ съ полуслова, ихъ сердца бьются въ унисонъ, мысли и чувства точно соотвѣтствуютъ, а у насъ все какъ-то врозь.

— Я не знаю, по моему это зависитъ не отъ любви, и тѣмъ менѣе отъ влюбленности...

Фофочка одной рукой обняла шею Кирилла, другою положила его руку къ своему лѣвому боку и тихо спросила:

— Слышите, какъ бьется мое сердце?

— Слышу!

— Для васъ, Кириллъ, для васъ!

— Я вамъ очень благодаренъ, Ѳеофанія Ларіоновна.

— А ваше сердце бьется ровно и мужественно!

— Да. У меня здоровое сердце. Я вообще очень здоровый и сильный, хотя и не произвожу такого впечатлѣнія.

«Кириллъ!» раздался съ балкона голосъ Клавдіи, «ужинать пора!»

— Васъ зовутъ; идите одинъ, милый, я потомъ пройду чернымъ ходомъ въ свою комнату и скажу, что спала. А все-таки... все-таки чего-то въ васъ не хватаетъ...

— Чего же?

Но Фофочка не поспѣла отвѣтить, потому что еще разъ раздался голосъ Рошковой, такъ что влюбленная дѣвушка только мелькомъ поцѣловала своего героя и даже слегка толкнула его въ плечо по направленію къ дому, какъ бы показывая этимъ, что срокъ всякимъ объясненіямъ давно истекъ.

За послѣднее время Ѳеофанія Ларіоновна по утрамъ была въ замѣтно дурномъ расположеніи духа. Даже отъ Калеріи Семеновны, несмотря на нѣкоторую ея апатичность, это не утаилось и она разъ спросила со всею простотою:

— Отчего ты, Фофочка, такая злая по утрамъ?

— Я не злая. Меня безпокоятъ политическія новости.

— Такъ вѣдь, кажется, у насъ все идетъ очень хорошо.

— Да, это такъ кажется, а ты послушай, что говорятъ.

— Охота слушать всякіе пустые разговоры!

— Можетъ быть, и не пустые.

— Или ты недовольна, что Кириллъ уѣзжаетъ: ты, кажется, завела съ нимъ какія-то шуры-муры...

— Удивительно, Калерія, какъ ты пошло выражаешься!

— Ну, флиртъ, если тебѣ это слово больше нравится.

— Наоборотъ, я потому и полюбила его, что онъ уѣзжаетъ.

— Въ чемъ же дѣло? и почему ты недовольна особенно по утрамъ?

— Я уже тебѣ говорила, что меня тревожатъ новости, а потомъ...

И Фофочка замялась.

— Что потомъ?

— Я терпѣть не могу чернаго кофе...

— Какого чернаго кофе?

— Ну, кофе безъ сливокъ...

— Я тебя не понимаю.

— Да, потому что ты встаешь Богъ знаетъ когда и ничего не замѣчаешь. Вотъ уже недѣлю, какъ я рѣшила по утрамъ не пить кофе со сливками и это меня нервитъ.

— Зачѣмъ же ты это дѣлаешь?

— Ну, какъ же иначе? Должна же я себя проявлять! Тамъ каждую минуту гибнутъ братья, въ окопахъ, болотахъ... а я буду сидѣть на балконѣ и пить кофе со сливками! какая гадость!

Калерія слегка улыбнулась.

— Но послушай. Если бы ты откладывала стоимость сливокъ на нужды войны, другое дѣло. Или хотя бы и лишала себя, но не злилась — я понимаю. А такъ, повѣрь, лучше что угодно пить, хоть шоколадъ съ пирожнымъ по утрамъ, только не злиться. Съ веселымъ и радостнымъ духомъ дѣлать это, потому что иначе твои лишенія никому не нужны...

— Ну хорошо, хорошо!.. можно и безъ наставленій, особенно такихъ плоскихъ...

Фофочка все еще не успокоилась отъ утренняго кофе, когда вмѣстѣ съ Калеріей вошла въ гостиную, гдѣ старикъ Рошковъ сидѣлъ съ газетой, Клавдія Павловна вязала, а Кириллъ и панъ Скоблевскій разставляли флажки на большой картѣ. Поздоровавшись, Ѳеофанія Ларіоновна посмотрѣла съ минуту на флажки, потомъ вымолвила:

— Можетъ быть, это все невѣрно.

— Что невѣрно?—отозвался Скоблевскій, не отрываясь отъ занятія.

— Ваши флажки.

— Ну, какъ это невѣрно, когда есть офиціальныя сообщенія!

— А вы бы послушали, что говорятъ!

Старикъ Рошковъ отложилъ газету и, сдвинувъ на лобъ очки, произнесъ сдержанно:

— Знаете, барышня, сколько было приказовъ, чтобы не вѣрили всякимъ слухамъ и не распускали ихъ. Приказъ приказомъ, а у себя въ домѣ я не хочу и не допускаю подобныхъ разговоровъ.

— Что вы на меня кричите! я вамъ не крѣпостная. И лучше меня не удерживайте! вы совершенно лишены психологіи.

— Это къ дѣлу не относится и совсѣмъ я на васъ не кричу, это ваша фантазія, а я давно хотѣлъ вамъ сказать то, что сказалъ. Ваше поведеніе недопустимо въ русскомъ домѣ.

— Что же, по вашему русскіе дома лишены энтузіазма? Возьмите хоть Кискиныхъ: тамъ все горитъ, чуть не до драки, съ пѣной у рта обсуждаютъ и Италію, и Англію, и Японію. Саксонскій сервизъ разбили, портреты Гете и Шопенгауера убрали—вотъ это я понимаю. А вы, какъ копчушки въ жестянкѣ—апатичны, систематичны, сонны, будто сами—нѣмцы.

— Что вы сказали?

— Будто сами—нѣмцы!—съ азартомъ повторила Фофочка.

— Молчать! сами то вы—нѣмецкая шпіонка!

— Кириллъ!—крикнула Фофочка и пошатнулась.

— Мы—нѣмцы! Боже мой! оттого что я не треплю языкомъ безъ толку, я—нѣмецъ!

— Семенъ!..—пыталась успокоить Клавдія Павловна мужа, который въ необычайномъ волненіи сталъ ходить по комнатѣ.

— Я—нѣмецъ! Я сына, Андрюшу, послалъ на бой, мой родственникъ идетъ туда же, я половину своего состоянія пожертвовалъ на лазаретъ, я скорблю, молюсь, радуюсь, но я вѣрю въ Бога и Россію, я вѣрю словамъ Великаго Князя, я не выставляюсь на показъ—и потому я—нѣмецъ! Я не малодушенъ и не страдаю истеріей— и потому я—нѣмецъ! Я не дѣлаю изъ священныхъ вещей эффектной болтовни, и потому я—нѣмецъ!

Семенъ Петровичъ опустился снова въ кресло, закрывъ лицо руками. Всѣ окружили его, какъ-то забывъ о Фофочкѣ, которая, видя себя въ забросѣ, сама легла

на кушетку и закрыла глаза, будто въ обморокѣ. Но внутренно она была даже почти рада, думая «не будь меня, и не волновались бы, а такъ все-таки нѣкоторый подъемъ».Вниманіе и радость ея еще усилились, когда открылась боковая дверь и въ комнату вошла мать Девора и Лиза, взявшись за руки. Фофочка не рискнула повернуться на бокъ, но пріоткрыла одинъ глазъ, чтобы смотрѣть, что произойдетъ. Лиза отдѣлилась отъ тетки и, подойдя прямо къ отцу, опустилась на колѣни.

— Да, папа, ты—настоящій русскій. И ты имъ останешься: ты отпустишь меня съ тетей Деворой.

— Куда еще?—спросила со страхомъ Клавдія Павловна.

Тогда игуменья заговорила спокойно и убѣдительно:

— Выслушайте меня, какъ христіане, русскіе и родители Лизы, которымъ должно быть дорого ея счастье и спокойствіе. Она уѣдетъ со мною, я же отправлюсь въ свой монастырь.

— Лиза хочетъ постричься?

Девора улыбнулась.

— Нѣтъ, покуда не собирается, да я бы сама ее отговорила. Сегодня я получила письмо отъ казначеи, что намъ разрѣшено устроить лазаретъ, частный. Конечно, тамъ будутъ сестры милосердія, но простую работу подъ ихъ присмотромъ и Лиза можетъ исполнить. Притомъ она внесетъ въ это занятіе ту вѣру безъ словъ, ту любовь, самоотверженность и спокойствіе, которыя такъ необходимы, и которыхъ у нея, какъ у русской дѣвушки, какъ у вашей дочери, такъ много. Ей будетъ лучше, увѣряю васъ, и она будетъ со мною. При малѣйшей опасности я ее отправлю къ вамъ обратно.

22

— Не надо, тетя! я съ вами!—не вставая съ колѣнъ, проговорила Лиза.

— Тамъ видно будетъ. Тебѣ это незачѣмъ, ты для другого должна беречь себя, а я останусь до конца. Неизвѣстно, что случится. Я уповаю на милость Божію, но монастырь нашъ въ мѣстахъ, которыя могутъ и быть занятыми непріятелями, а игуменъ, какъ офицеръ, долженъ при всякихъ случайностяхъ быть на своемъ посту.

Семенъ Петровичъ молча поцѣловалъ дочь, перекрестивъ ее, потомъ то же сдѣлала и Клавдія Павловна, вздохнувъ, затѣмъ сказала:

— Кто же останется съ нами?

— Съ вами останется...—начала мать Девора, но за нее договорила Калерія.

— Я, конечно. Обо мнѣ то вы и забыли?

— Прости, милая, прости. И ты никуда не уйдешь?

Калерія весело отвѣтила:

— Никуда! и мы будемъ ждать, спокойно, радостно ждать. Кто радостно, съ молитвою ждетъ, тотъ дождется.

Когда всѣ вышли изъ комнаты, Фофочка приподнялась было, но, увидя возвращающагося Кирилла, снова опустилась и громко зарыдала.

— Ѳеофанія Ларіоновна, вы здѣсь?

— А!..

— Придите въ себя, выпейте воды.

Фофочка отпила глотокъ и таинственно произнесла:

— Этотъ обморокъ... я ничего не понимаю... я больна, по моему.

— Какъ больны? Что же вы чувствуете?

— Младенца.

— Какого?

— Въ себѣ.

Кириллъ подумалъ, что дѣвушка бредитъ, но та совершенно разсудительно повторила:

— Я чувствую въ себѣ ребенка.

— Вы хотите сказать, что вы — въ извѣстномъ положеніи?

— Вотъ именно.

— Но откуда же!?

— Какой глупый вопросъ!..

Несмотря на свою молодость, Кириллъ понималъ, что отъ словъ, хотя бы самыхъ пламенныхъ, и отъ поцѣлуевъ дѣти не рождаются, — потому онъ сказалъ съ тревогой:

— По моему, вамъ это приснилось...

— Желала бы вамъ такіе сны!

Фофочка, лежа на кушеткѣ, такъ ясно себѣ представила всю поэтичность такого положенія себя: съ младенцемъ, что сама почти повѣрила въ его дѣйствительность.

— Вѣдь этого же не можетъ быть! — настаивалъ Кириллъ.

Дѣвушка, криво усмѣхнувшись, произнесла съ горечью:

— Можетъ быть, вы станете увѣрять, что и мое чувство къ вамъ мнѣ только приснилось?

— Послѣ такого афронта, все можетъ быть.

— Ну, и отлично. Дайте мнѣ шляпу, я выйду, пройдусь.

Небрежно нахлобучивъ поданную шляпу, Фофочка медленно сошла въ садъ, но за калиткой уже уско-

22*

рила шаги, а потомъ почти летѣла къ Кискинымъ, горя нетерпѣніемъ сообщить, какіе банальные, обыкновенные, безъ полета и поэзіи, люди — эти Рошковы.

Можетъ быть, она и права, и семейство Рошковыхъ — самое обыкновенное русское семейство, но тогда можно одно только сказать — Слава Богу!

М. Кузминъ.

